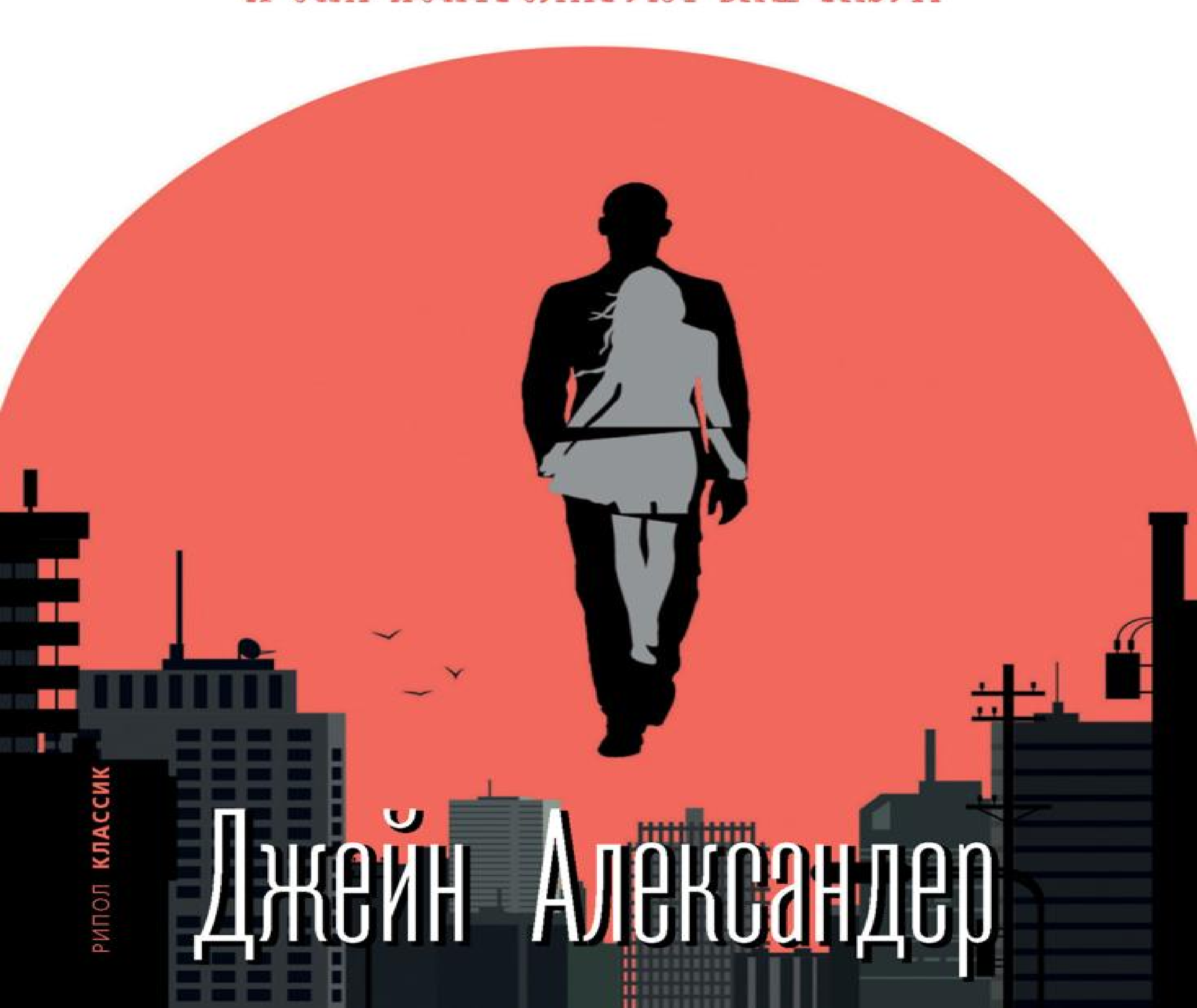
КОРПОРАЦИЯ IMAGEN

В ЭТОМ МИРЕ ВЫ ВОПЛОЩАЕТЕ ВСЕ СВОИ ФАНТАЗИИ, А ОНИ КОНТРОЛИРУЮТ ВАШ РАЗУМ

Annotation

Что если все, о чем ты мечтаешь, в один миг может стать реальностью? Какой бы ни была твоя фантазия, ты можешь воплотить ее.

Реальность, какую ты еще никогда не видел. Все генерируется твоим собственным мозгом. Ничто не стоит между тобой и твоими желаниями. Это и есть передовая технология корпорации IMAGEN. Но что, если у фантазий есть побочный эффект?

Кэсси – ранее успешная сотрудница корпорации.

Теперь она – маргинал, знающий слишком много о планах IMAGEN. Живя в обществе, в котором технология виртуальной реальности стала новым наркотиком, у нее нет ничего, кроме зависимости и необходимости совершить сложный выбор.

Как поступить, когда кругом безумие? Одни борются с зависимостью, другие пытаются получить доступ к желанному любыми способами, а третьи стремятся сохранить свои отношения и семью. Корпорация IMAGEN – кукловод, что уничтожает все на своем пути. И Кесси уже попала под ее жернова…

Джейн Александер
Корпорация IMAGEN

Перевод с английского Е. В. Дворецкой

* * *

Моей семье

Сегодня утром я готов, если вы готовы,
Услышать, как вы говорите на своем новом языке.

– из «Записки к трудному» У. С. Грэма

Глава первая

Подойдя к дому в георгианском стиле, где проходят собрания группы, Кэсси постояла в нерешительности. Поскребла ногтем большого пальца кусочек ржавчины, прилипший к вспотевшей ладони, когда она пристегивала велосипед к велостойке, и попыталась сосчитать, сколько недель прошло с тех пор, как она была здесь в последний раз: десять, или двенадцать, или даже больше?

Она знала, что, если понадобится, этот дом находится здесь.

Знакомые каменные ступеньки, истертые и отполированные множеством ног, вели к открытой входной двери. Внутри, у стола, накрытого для чаепития, как всегда, на его дальнем конце, собрались те, кто прибыл раньше других. Когда люди забираются так далеко, у них меньше шансов сбежать. По крайней мере, в теории. Кэсси не была уверена, что эту теорию проверяли на практике.

Она явно должна была помнить женщину, разливавшую чай.

– Кэсси! Как давно мы не видели тебя…

По-матерински заботливая женщина средних лет, с широким, постоянно удивленным лицом. В ее имени был звук «эй», как у Мэй или Тьюсдэй, но ее звали как-то по-другому… В конце концов Кэсси в последнюю секунду выдала:

– Привет, рада тебя видеть…

– Чай? С молоком, без сахара?

Здесь люди не задавали неудобные вопросы. Если кто-то исчезал на несколько месяцев, ты не спрашивал: «Где ты был? Что с тобой произошло?» Вместо этого ждал, что человек сам расскажет, а пока вы пили чай.

– Печенье?

Пару раз Кэсси сама также принимала гостей. Это не входило ни в чьи обязанности. Поэтому они дежурили по очереди. У нее не очень получалось. Как и многие в группе, она с трудом запоминала имена и лица. Женщина, дежурившая сегодня, удивила ее: она почти сразу уверенно назвала Кэсси по имени. Но дело ведь было не только в проблеме с памятью. Хотя никто ей на это не указывал, Кэсси была отстраненной, слишком замкнутой, и знала это. Она лучше

справлялась с мытьем посуды. И все же она старалась изо всех сил: всегда сильно налегала на печенье, словно сахар и жир могли восполнить недостаток человеческого тепла.

Эйприл. Имя всплыло в голове на целую минуту позже, чем следовало. Но Эйприл, готовая приветствовать следующего, уже смотрела мимо нее, так что Кэсси, благодарно улыбнувшись, взяла свой чай и пошла вдоль ряда стульев. Она хотела сесть у самой двери, но кто-то другой уже занял ближайший к выходу стул. Никого из знакомых. Коротко кивнув, она оставила между ними и собой пустое пространство. Ей нужна компания, а не разговоры. Она приходила сюда за душевным спокойствием, чтобы вновь запустить алгоритм повседневной жизни.

Чай обжигал рот. Оглянувшись, чтобы убедиться, что никто не наблюдал за ней, Кэсси поставила кружку на пол у ножки стула. Ей не хотелось сочувствия, разговоры такого рода вызывали чувство неловкости. Сунув украдкой руку в карман, она вытащила приглашение на поминальную службу. Еще в подъезде, едва открыв конверт, она сразу поняла, что в нем. Мелькнула черная кайма, и зрение тут же затуманилось; она стояла, прислонившись к двери квартиры, и часто-часто моргала, а приглашение, наполовину вынутое из конверта, прилипло к ее влажной, теплой руке. Когда к ней снова вернулось зрение, она прочитала имя, испытывая явное облегчение:

Светлой памяти
Валери Мэй Лаудер
Приглашаем Вас на поминальную службу

Не Алан. Только его мать. Умерла только его мать.

Люди подходили на собрание группы, Эйприл, как никто, помнила все имена. Из высоких окон косыми квадратами падал послеполуденный свет: на бледные стены, на потертый персидский ковер с рисунком, уже изученным до мельчайших подробностей. Помещение было чужое и в то же время знакомое, но больше всего оно казалось безопасным.

Безопасным… это мысленно произнесенное слово будто вызвало Джейка. С папкой под мышкой и зажатой в руке старой фиолетовой копилкой-свинкой. При виде Кэсси он улыбнулся и махнул свинкой в

ее сторону, и она подняла руку в ответ. Именно Джейк дежурил за гостевым столом, когда она впервые пришла сюда, и обычно именно Джейк спокойным, тихим голосом проводил собрания группы. Чтобы помочь, как он предпочитал говорить. Но с какой бы целью он ни проводил эти собрания, людям они были нужны.

Вот он сел на стул, который казался детским под его медвежьим телом. Открыл папку, лежащую у него на коленях, и подождал. Люди расселись вокруг. Разговоры затихли. На мгновение повисла тишина: Кэсси почувствовала предвкушение и сразу же – молчаливое разочарование. Чувства сменяли друг друга слишком быстро, и она не успевала разобраться в них.

Как только Джейк заговорил, дверь с грохотом распахнулась.

– Извините, опоздал, – произнес молодой человек, не показывая и капли раскаяния. Рослый и самонадеянный, опоздавший поискал взглядом свободное место.

И, поскольку круг был полон, наступила пауза, пока не принесли еще один стул. Затем людям пришлось немного подвинуться, чтобы этот парень – Льюис, которого, похоже, все знали, – смог поставить свой стул.

Кэсси спрятала раздражение за безучастным выражением лица, задаваясь вопросом, чувствуют ли остальные то же, что и она? По традиции встреча началась с напоминания о конфиденциальности – *то, что мы говорим здесь, остается здесь*, – и у Кэсси было немного времени рассмотреть вновь прибывшего. Он носил шорты, две пары: снизу – велосипедки из лайкры, а сверху – шорты карго, которые выглядели так, будто их погладили. Его голые ноги на милю вторглись в тесный кружок. До этого момента Кэсси и не подозревала, что у нее было предубеждение против мужчин в шортах. Пока Джейк говорил, Льюис ёрзал на стуле, и что-то вспыхнуло, заставив Кэсси моргнуть. Невероятно! На отворотах его шорт были специальные светоотражающие полоски! Кэсси мысленно прикинула: сто фунтов за шорты. Еще как минимум сотня за шикарную велосумку-штаны, которую он убрал под стул. Да, этот парень был из тех, для кого езда на велосипеде – образ жизни, а не переезд из одного конца города в другой. У него было, наверное, даже несколько велосипедов – для разных дорог и разной погоды. Ему-то уж точно никогда не

приходилось высвобождать ножовкой из перил лестничной клетки кем-то брошенную раму в муниципальной малоэтажке.

Она наблюдала за ним, наслаждаясь своей неприязнью к нему. Приказывала себе не судить и продолжала судить.

Неожиданно он осторожно дотронулся до уха.

Кэсси не сводила с него взгляда. Подушечкой большого пальца, тыльной стороной указательного, он потер мочку и изгиб ушной раковины. Совсем непроизвольно, внимательно слушая говорившую женщину. Выступающие сменяли друг друга по кругу. Можно было подумать, он проверял новый пирсинг. Но у него в ухе не было ни кольца, ни гвоздика, и этот жест означал совсем другое. Все еще сжимая приглашение на поминальную службу, Кэсси подняла руку… и снова опустила ее, вдруг заметив, что он смотрит на нее.

Она отвела взгляд. Почувствовала, как полыхает ее лицо. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы удержаться и не проверить, продолжает ли он смотреть на нее. На долю секунды их взгляды встретились, и ей показалось, что она поняла, что происходит в его голове, а может, и в ее собственной. Будто что-то встало на свое место.

Он был похож на нее. Ну совсем как она. Вероятно… да наверняка доказательство непременно появилось бы, если бы он заговорил, когда подошла его очередь. Но он решил передать слово следующему. Но оно появилось бы, верно? И разве это тоже не являлось своего рода доказательством?

Фиолетовая свинка двигалась по кругу, переходила из рук в руки: когда она добиралась до тебя, значит, наступала твоя очередь говорить. Женщина с лицом наркоманки рассказала, как трудно найти работу. Толстяк рядом с ней поделился своей попыткой наладить отношения с сыновьями. *«Тяжело»*, – говорили они, каждый из них. Даже те, у кого эта неделя была хорошей. *«Да, всегда тяжело, но… прямо сейчас, сегодня, у меня все хорошо»*. Так проявлялись их доброта по отношению к тем, кто боролся с собой, и некая суеверная подстраховка. *«На этой неделе у меня все в порядке*, – сообщали они группе. – *На следующей я вполне могу оказаться на твоем месте»*. Кэсси мысленно торопила их. Наблюдала, как приближалась свинка. Вместе со всеми она видела, как Льюис взял копилку. Помотал головой. И, не задерживая, передал ее соседке справа.

Та начала что-то говорить, но взгляд Кэсси был прикован к Льюису. Она не перестала смотреть на него, даже когда он поднял голову и взглянул на нее.

Забыв о приглашении, лежащем у нее на коленях, Кэсси поднесла руку к уху, намеренно медленно, все время удерживая его взгляд. Это знак. Она видела, как он широко открыл глаза, затем прищурился… Не надо было так делать, все может кончиться очень плохо, так плохо, что и не представить. Она наклонила голову. Ощущение, будто она сняла с себя слой кожи. Кэсси принялась так пристально разглядывать ковер, что узор расплылся в глазах и начал плясать.

Когда свинка дошла до нее, она не прикоснулась к копилке, но, откинувшись на спинку стула, лишь махнула рукой, чтобы передавали дальше. Ей не надо было проверять, смотрел ли он на нее. Знала, что наверняка смотрел.

Как только все высказались или решили промолчать, свинка вернулась в исходную точку. Джейк встал, поблагодарил всех и встряхнул копилку.

– Пожертвования приветствуются, как всегда. Вы же понимаете, тогда у нас будет на что пополнить запасы печенья.

Он поставил свинку рядом с чайником. Люди вереницей потянулись к столу, приготовив монетки, чтобы опустить в копилку, и пустые кружки, чтобы заново наполнить их. Убрав приглашение в карман, Кэсси отсчитала мелочь. Пятьдесят пенсов означало, что у нее осталось еще семнадцать фунтов стерлингов до конца недели. Прекрасно. И вполне терпимо. Даже не глядя, она знала, где находился Льюис. Знала, что он бросил в копилку несколько монет. Знала, что он готов идти, но не уходил, а возился с ремнями на велосумке и шлеме.

Когда она дошла до стола, Джейк внимательно слушал незнакомого ей мужчину. Сделав пожертвование, она подождала своей очереди, и Джейк в конце концов отошел от говорившего.

– Кэсси, рад тебя видеть! Как поживаешь?

– Все хорошо, то есть… ну, ты понимаешь. – Она пожала плечами. – Продолжаю двигаться вперед. А ты?

– Тебе повезло, что застала нас здесь. – Он поморщился. – Мы потеряли последний источник финансирования еще несколько недель назад.

– О нет…

– Рано или поздно это должно было произойти, но… Сейчас ищем другое помещение, а пока собираемся по воскресеньям днем и по вторникам вечером. – Он покачал головой. – Не совсем то, конечно. Но что поделаешь?.. В любом случае рад видеть тебя в хорошем настроении. Придешь на следующей неделе?

– Надеюсь, – ответила Кэсси. Сама того не желая, она с любопытством посмотрела в сторону Льюиса, который притягивал ее взгляд, как магнит. Как она и предполагала, он ждал у двери: ждал, чтобы все выглядело, будто они просто вышли вместе. *Плохо кончится*. Эта мысль пронеслась в голове, и, когда он попытался поймать ее взгляд, она посмотрела прямо сквозь него. Отвела глаза… и почувствовала, как под пристальным взглядом Джейка щеки залились краской. – Или… во всяком случае, скоро, – сказала она.

Стоя за ней, Эйприл терпеливо ждала своей очереди перекинуться парой слов с Джейком. Кэсси отошла в сторону и на прощание помахала им обоим рукой.

Опустив голову, она направилась к выходу. *Продолжай идти. Не останавливайся. Уходи*. Она чувствовала, что, когда она проходила мимо Льюиса, он наблюдал за ней, и изо всех сил старалась не смотреть на него. Выйдя на улицу, она вдруг поняла, что эти несколько секунд даже не дышала.

Чей-то велосипед привалился к ее велосипеду, на том же конце велостойки. Дорожный велосипед, сверкающий чистотой, пристегнутый на два замка. Когда она отодвинула его в сторону, освобождая свое заднее колесо, толкнув более резко, чем, строго говоря, было необходимо, «чужак» показался ей невесомым, несмотря на его довольно большую раму. Наверняка его велосипед. А у нее старая резина руля липла к ладоням, ржавая цепь жалобно скрипела… Кэсси резко нажала на педали, стараясь набрать скорость с места, пока внезапный скрежет не заставил ее посмотреть вниз, сообщив, что педали сцепились.

– Вот засада!

Она резко остановилась, втащила велосипед обратно на тротуар и, присев рядом, осмотрела его. Цепь, натянутая и жесткая, соскользнула с изношенных шестеренок и застряла между рукояткой и рамой. Кэсси ухватилась за нее и потянула.

– Ну, давай же, зараза… – с силой дернула она, но цепь не поддалась. С помощью плоскогубцев, может, что-то и удалось бы сделать, но инструментов у нее с собой не было. Сидя на корточках, она проглотила подступивший к горлу комок. Далеко идти домой пешком.

– Помочь?

Льюис. Она подняла голову и увидела, как он возвышается над ней.

– У меня все в порядке, – ответила она голосом, в котором прозвучало совсем другое. И дернула цепь вверх. – Вот, просто… немного застряла.

– Ну-ка, дай я.

Расстроенная, она встала и отошла в сторону. Льюис присел на корточки, блеснув светоотражателями на отворотах шорт. Взял цепь одной рукой и, сделав резкий рывок, освободил ее, а затем набросил на шестеренки. Он поднялся и с улыбкой отступил назад.

– Быть не может. Как тебе удалось?

– Ты, наверное, ослабила ее… – взглянув на свою ладонь, запачканную смазкой, он чистой рукой открыл велосумку.

– Ну… спасибо.

– Не за что. Салфетка нужна? – Он протянул ей пластиковую упаковку: мужчина, путешествующий с упаковкой детских салфеток, так, на всякий случай. Наверное, у него были с собой и плоскогубцы. Запасная камера, и не одна. Упаковка мятных энергетических батончиков *Kendal*[1]. Саркастическое замечание было уже готово сорваться с губ, но, взглянув на него, она почувствовала, что все повторяется. То головокружительное чувство единения, синхронизации. Будто одна и та же мысль прыгала между ними туда-сюда. Она проглотила свой сарказм.

– Ты не стал говорить там, на собрании, – вместо этого сказала она.

– Ты тоже. – Мгновение они молча смотрели друг на друга. – Хочешь, зайдем куда-нибудь посидим и… можем опять не говорить?

Она пожала плечами, обдумывая его предложение: *«Уходи!»* И еще думая о семнадцати фунтах, которых хватило бы на неделю.

– Кофе? – предложил он.

– За твой счет?

– Конечно. Да. Хорошо.

Она кивнула. Мысленно извинилась перед приглашением в кармане, перед Валери, поскольку все откладывала звонок, который давно стоило сделать. Взяла салфетку и принялась стирать с рук смазку и грязь.

Когда они проезжали мимо дома собраний, Джейк запирал наружную дверь. Она видела, что он узнал их, видела, как на мгновение он отвлекся от своего занятия, наблюдая за ними. Кэсси знала, что он будет выстраивать разные гипотезы. Он предостерег бы их обоих, если бы мог. Интенсивные личные отношения, вот что его беспокоило. Два человека в процессе выздоровления. И он был прав насчет опасности, хотя вряд ли представлял даже и половину ее. Лишь насколько они были похожи. И как плохо это могло кончиться.

ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ

Вопрос: Что такое Игра Воображения™?

Ответ: На этот вопрос можешь ответить только ты сам! Игра Воображения™ – это все, что ты пожелаешь. Это виртуальная реальность, какую ты еще никогда не видел. Все генерируется твоим собственным восхитительным мозгом. Никакой неуклюжей гарнитуры. Никакого укачивания. Никаких экранов, линз, костюмов или перчаток. А так как ничто не стоит между тобой и твоими мечтами, неудивительно, что наши пользователи утверждают, что она лучше, чем реальный мир.

У тебя когда-нибудь возникало желание полетать? Посетить Древний Рим или совершить экскурсию по Солнечной системе? Подружиться с драконом или потусоваться с кинозвездой? Стать легендой рока, мастером боевых искусств или даже охотником на тигров в африканской саванне?

Какой бы ни была твоя фантазия, ты можешь воплотить ее с помощью Игры Воображения™. Забей победный гол в финале Кубка мира или просто скажи боссу, что ты о нем думаешь.

Игра Воображения™. Она настолько безумна, насколько этого хочешь ты. Единственное ограничение – ты сам.

Игра Воображения™ является торговой маркой компании IMAGEN.

Глава вторая

– Так… ты была там уже не в первый раз.

– Где не в первый раз? – Кэсси пила кофе с ложечки, наслаждаясь его приятной горечью. Мало ли что он имел в виду. Как-то не хотелось отвечать на незаданный вопрос.

– В группе, сегодня. Ты явно знаешь их, во всяком случае Джейка.

– А, да. Раньше я приходила на собрания. А потом ненадолго перестала.

– И снова вернулась.

– Точно подмечено. – Она посмотрела ему в глаза, теперь уже без головокружения.

От запаха кофе, тяжелого и насыщенного, при каждом вдохе в голове гудело. Заставляя ее держаться прямо. Глаза как глаза, ничего удивительного, и теперь, когда они с Льюисом находились в обычном мире, все выглядело немного более чем нормальным. Темные глаза. Прищуренные. Чуть-чуть раскосые, от чего взгляд казался удивленным. Неулыбчивый рот, прямой и широкий, твердая линия крепко сжатых челюстей. Она пока не знала, каков он на самом деле. И держала его на расстоянии.

– Почему ты вернулась? – спросил он.

Откровенно. Как он мог не знать? То, о чем промолчал.

– Ты это серьезно? – Кэсси остановила на нем долгий тяжелый взгляд, который он заслужил.

Щеки Льюиса покрыл едва заметный румянец.

– Нет, ну, конечно же, ты… Я не спрашиваю… – Он сдался. Отвел взгляд. – Забудь, неважно.

Молчание. Кэсси подняла чашку, но порции были такие же крошечные, как и крепкие, и в ней уже не осталось ничего, кроме пены. Не хотел совать нос в чужие дела. Неуклюжий и нелюбопытный. Как пёс. Большой длинноногий пес – волкодав или борзая. Никому не желающий зла, но постоянно устраивающий беспорядок.

– А когда ты начал ходить? – спросила она. – Я имею в виду в группу.

– Несколько недель назад, – охотно ответил он, благодарный за предоставленный шанс. – Там здорово, мне нравится.

– Думаешь, поможет?

– Конечно. Даже не сомневаюсь.

– Но ты же не хочешь делиться проблемами из твоей жизни? Всегда сразу передаешь свинку дальше?

– Свинку… – Он рассмеялся. – Наверное, я в большей степени слушатель. Как ты. – И тут же стал серьезным, удерживая ее взгляд. Вызов или приглашение.

Она покачала головой. Теперь настала ее очередь отводить взгляд. Если она и была слушателем, то не по своей воле. Ей нельзя рассказывать свою историю, нельзя говорить о своих чувствах, и именно поэтому она и перестала приходить на собрания. Начала беспокоиться, что ее присутствие вызовет недовольство. Если бы она могла объяснить… не гордость заставляла ее молчать. Она старалась держаться в стороне не потому, что осуждала других, когда они рассказывали о себе. Но поскольку ей нельзя было объяснять причину своего молчания, сначала она пропустила неделю, потом две недели, потом месяц, а потом вовсе перестала приходить.

– Нет, – сказала она. – Нет, я не против поговорить.

– Но не стала же. – Его голос звучал непринужденно, но внезапно они оказались на высоте – почти на краю, – а она еще не решилась. Шагнуть назад, быть благоразумной, или дернуться вперед, наклониться или приподняться на цыпочках, или прыгнуть…

Кажется, уйти в сторону – неплохой выбор, и она склонила голову набок.

– Парень за соседним столиком, – чуть слышно произнесла она. – Слева от нас.

Она заметила его, как только он вошел. Если она не ошиблась насчет Льюиса, он тоже не мог не заметить.

Льюис быстро обернулся. Затем сел, как прежде, и еще больше прищурил глаза.

– Что скажешь? – спросила Кэсси.

– О чем?

Она жестом показала ему, слегка коснувшись своего уха большим и указательным пальцами: приемник, который носил парень. Плоская новая модель, из титана.

Льюис кивнул. На самом деле, он понял, о чем она спросила. Просто хотел убедиться, что догадался правильно.

– Гм-м, по-моему, он идиот и сам будет виноват, если его ограбят, – заметил Льюис.

И вот они уже балансировали на самом краю.

– Ты никогда так не делал? – тихо поинтересовалась Кэсси. – Никогда не выносил свой на улицу?

– Нет, – почти сразу ответил Льюис. И снова коснулся рукой уха.

Она была готова поспорить на свой недельный бюджет, что он совершенно не осознавал, что делает.

– Ага, и я так не делала.

Вот он, выход. Они падали, но падение больше напоминало парение, похожее на долгое, прерывистое дыхание, на беззвучный смех.

Льюис улыбался, и эта легкая улыбка делала его глаза еще более раскосыми. Она наклонилась к нему так близко, что чувствовала его запах: чистое белье, мыло, сандаловое дерево.

– Спорим, угадаю, что ты выбрал в свой первый раз? – это было ее коронным номером, который уже долгое время оставался невостребованным.

– Мы же сейчас говорим не о группе?

Она покачала головой.

– Ладно, угадывай.

Это выбирали все: 94 %, если ей не изменяла память.

– Способность летать. Верно?

Ему не надо было признавать, что она угадала: сконфуженное выражение лица все сказало за него. Она рассмеялась. Легкая победа, но она все равно чувствовала себя довольной, потому что произвела на него впечатление.

– А как насчет тебя? – поинтересовался он, и она снова рассмеялась, качая головой. – Ну, расскажи!

– Угадай. Уверена, у тебя получится.

– Что? Тоже способность летать?

– Конечно. – Она пожала плечами. – Все так делают. Почти все.

– М-да, печально, – заметил он, все еще улыбаясь. – Мы такие предсказуемые.

Кэсси чувствовала, что ее лицо отзеркаливало выражение его лица, как непривычно приподнялись щеки. Только на самом верхнем уровне, хотела она сказать ему. Да, это было вполне предсказуемо, но, когда ты начинал углубляться в подкатегории, вот где становилось интересно. [**Полет** >> без поддержки, соло; с крыльями; **высота полета**: высокая; **свойства**: спокойствие; **дополнительные элементы**: невидимость] сильно отличается от [**Полет** >> без поддержки, группа; без крыльев; **высота полета**: различная; **свойства**: острые ощущения, скорость; **дополнительные элементы**: интерактивность] и так далее… Все, что относилось к Игре Воображения, делилось на подкатегории, но ветвящиеся деревья были длиннее, чем можно представить себе, поэтому и комбинации теоретически бесконечны. Хотелось рассказать ему об этом, чтобы он считал ее интересной и умной, но ей надо было держать себя в руках. Несмотря на схожесть между ними, она не знала этого парня. С другой стороны, он тоже не форсировал события. А просто поговорить с человеком – словно увидеть солнце после долгого дождя.

– Никогда не встречала никого, такого близкого по духу. Мне, конечно, неизвестно, насколько мы похожи. И что с тобой случилось. Но твой… – Она замолчала, боясь спросить – облечь свой вопрос в слова.

Льюис пришел на помощь:

– Уничтожен? Да, а сам я нахожусь под полным запретом.

Теперь они говорили едва слышно, склонившись друг к другу настолько близко, что их головы почти соприкасались.

– Думала, я одна такая. Так они сказали мне.

– Разве они пойдут против своих интересов? Заставляют каждого из нас поверить, что ты одинок и являешься проблемой.

Солнце после долгого дождя переросло в нечто большее. Теперь это был подъем Хаара[2]. Открывающий вид на пейзаж, о котором она даже не догадывалась.

– Пожалуй, потому, что именно этот момент я так и поняла. Как может получаться у всех по-разному. Они сказали, что дело во мне, что я нестабильная и именно поэтому реагирую таким образом.

– Каким именно?

– Боже мой! – Она заглянула в свою пустую чашку и прежде чем успела остановить Льюиса, он уже вскочил, чтобы принести еще кофе.

С непривычки от кофеина голова шла кругом. Ей уже давно не доводилось посидеть в кафе за чашкой дорогого эспрессо. Она огляделась, дожидаясь его возвращения. Заведение располагалось в подвальном помещении и вызывало у нее какое-то чувство скрытости, несмотря на присутствие других посетителей. Возможно, именно поэтому Льюис и выбрал его. Как такому местечку удавалось оставаться на плаву, когда мир вокруг разваливался на части? Хотя было довольно много людей, у кого есть приличная работа, и они с удовольствием позволяли себе немного пошиковать. Льюис явно относился к таким.

– Спасибо, – сказала она, вдыхая завиток ароматного пара, когда он поставил перед ней новую чашку. – Мне кажется, я никогда не пойму кофе до конца. Его запах. Пробовала создать кофе в Игре, но он всегда получался какой-то немного другой. – Она пожала плечами. – И с шоколадом то же самое.

– А что с шоколадом не так?

– Как он тает. Понимаешь… он не таял. – Отпив маленький глоток кофе, она добавила совсем тихо: – Ты же знаешь, нам нельзя. Во всяком случае, мне нельзя говорить об этом, они заставили меня кое-что подписать. Неужели они… и тебя тоже?

Он кивнул.

– Ты не работал на них?

Льюис пристально посмотрел на нее.

– Ты… ты работаешь на них? На Игру Воображения?

– На IMAGEN. – Она оглянулась по сторонам, проверяя, что никто не подслушает их. – Не сейчас и никогда больше. Но да, работала.

На секунду он затих, переваривая услышанное.

– А я был бета-тестером. Я веб-разработчик, и по какой-то причине они предложили нам бесплатную пробную версию, всей технической команде.

– Вы были переходным звеном.

– Не понял.

– Занимали отличное положение, чтобы влиять на поведение потенциальных первых пользователей через повсеместные виртуальные сети. – Она снова произвела на него впечатление. Даже

грустно, насколько ее порадовал этот факт. – Эту маркетинговую стратегию я написала.

– Ого! Значит, ты виновата в том, что я здесь?

– Технически, наверное, да. – Он наверняка пошутил. – Как тебя заставили подписать? Со мной-то все просто, я была у них на крючке. Нарушила условия контракта. Накосячила по полной. Но почему ты согласился молчать?

– Я… гм… хакнул их биопрограмму. – На его лице одновременно отразились гордость и смущение.

– Ты взломал… Что именно и как?

– Понимаешь… я был таким… просто это же мой идеальный мир. – Он перевел взгляд на нее. – Хотелось никогда не выходить из него… А что такое два часа? Да ничто. И каждый раз, когда сеанс заканчивался… в общем, было больно. Знаешь, в буквальном смысле. Больно. Когда тебя выдергивают и бросают обратно в реальный мир, серый и холодный… в ничто…

Слушая его, она ощущала, как в ней поднималась волна сочувствия к нему и к самой себе.

– Ладно, как бы то ни было, я-то уж знаю. Наверняка.

– Извини. – На несколько секунд он прикрыл глаза. Мысленно встряхнулся. – Ну, так вот что я сделал: закрепил свой приемник в режиме работы нон-стоп. Взломал его так… – Льюис помолчал. – Ты насколько разбираешься в технической стороне вопроса?

– Знаю, как все работает, понятное дело, пришлось узнать. Но я совсем не технарь.

– Короче, я слегка изменил антенну, которая принимает сигналы от IMAGEN, и она стала блокировать сигналы разъединения. И я мог оставаться в Игре столько, сколько хотел. Не вылезал оттуда часами.

– Молодец, умно придумано! – похвалила она с искренним восхищением.

– Не так уж и умно, как кажется. Чтобы заметить, им потребовалось какое-то время, но, когда заметили, – его голос стал тише и более взволнованным, – они завинтили все гайки. Меня, конечно, забанили. Если бы я попытался зарегистрироваться заново, притворившись кем-то другим, моя ДНК у них в черном списке, поэтому они сразу узнают. Нарушил условия договора об оказании услуг, а это значит, что они могут преследовать меня по закону. Вот так

это было, вот так они и достали меня. Я пообещал не болтать, и мне не стали приписывать статью. Все элементарно. Я мог потерять работу, меня могли засудить, даже посадить в тюрьму, если бы они захотели наказать меня в назидание другим. – Он помолчал. – Не знаю, наверное, можно было разоблачить их блеф. Вряд ли им все равно, что эти факты могут открыться: что Игра Воображения вызывает сильнейшее привыкание, что приемник можно взломать. – Он поднял чашку с кофе, но пить не стал. – И нас должно быть больше, понимаешь? В противном случае, ну… слишком много совпадений, согласна?

– Каких совпадений?

– Мы встретились в группе. Нас же не может быть только двое?

– Допустим. Нет, я согласна, не может. – Он был прав. Странно, что эта мысль не пришла в голову ей. – Иначе какое-то нелепое совпадение.

– Но они же держат все в секрете? Нигде не услышишь, что у людей развивается сильная зависимость. Об этом не пишут и не говорят. И ты совершенно правильно заметила: они заставляют тебя поверить, что с тобой что-то не так. А на самом деле, по-моему, все наоборот. Ты должна обладать отличным воображением и настоящей преданностью… Игре Воображения, миру, который тебе невыносимо покидать.

Она поймала себя на том, что медленно кивает.

– Помнишь теорию, что курильщиками становятся только очень целеустремленные люди? Первая сигарета настолько ужасна, что для развития привычки приходится прикладывать немалые усилия.

– Да, что-то такое вспоминается. – Кэсси неопределенно пожала плечами. – И это делает нас довольно особенными.

– Извини, разболтался. Мне, наверное, не стоило… говорить об этом. А как насчет тебя? Надеюсь, теперь этот вопрос не оскорбляет тебя до мозга костей? – Он рассмеялся, а она и не возражала. Заслужила, потому что была такой колючей.

– Мне нельзя говорить об этом, – заметила она. – Но даже если я нарушу запрет, не знаю, смогу ли объяснить.

– Попробуешь?

Она глубоко вздохнула. Много ли, на самом деле, она хотела рассказать ему? Приглашение на поминальную службу все еще лежит

во внутреннем кармане ее куртки, брошенной на спинку стула. Она не хотела говорить об Алане. Как и о своей семье. Даже касаться этих тем.

– Ну, идеальный мир, и вдруг тебя выдергивают оттуда. Больно. Как-то так. В общем, все, как ты сказал.

Он кивнул: понятно.

– Просто получилось, что я стала оставаться дольше. Помню, первый раз… неожиданно было. – Она отчетливо помнила дезориентацию, недоумение, когда мир вывернулся наизнанку. – По правде говоря, я ничего не делала, чтобы так получилось, ничего не взламывала и не фиксировала, даже не знаю, как это делается. Они сказали, что, скорее всего, я изменила привилегии в своем аккаунте, но и этого я не делала. Сама до сих пор ничего не понимаю. И, если честно, самое главное, чего я не сделала, а должна была, – не сказала им. Дошло до того, что ночи я проводила в Игре Воображения, утром шла на работу, а во время обеда, в пустом офисе, находила местечко, где можно вздремнуть часок, пока никто не видит. На следующий вечер все повторялось заново. Наверное, выглядела, как зомби. – Она усмехнулась, хотя ничего смешного в ее рассказе не было. – Я едва могла говорить. Окружающие считали, что у меня нервный срыв, или я не знала, что ответить. А потом в конце концов поняли, что происходит. И… – Она улыбнулась, широко раскинув руки в жесте поражения. – Меня подставили по всем фронтам. По-другому не скажешь.

– И поэтому ты стала посещать в группу?

– Ты хочешь спросить, было ли что-то еще? Да, чего уж там, много с чем пришлось разбираться… или не разбираться. – Много с чем – это ее сестра Мэг, дети и печальные последствия семейных отношений. Она отогнала эти мысли. – До кучи – период, когда я слишком много пила и все такое, и… сидела вообще без денег, проблем хоть отбавляй… тяжело было.

И вот, наконец, свершилось: она рассказала свою историю, которая ничем не отличается от историй других участников группы. *Тяжело было*. Достаточно. Она наскучила сама себе.

– А у тебя? – спросила она. – Были другие маленькие пристрастия или только Игра Воображения в чистом виде?

– Игра. Куда уж больше.

Кэсси вдруг заметила, что музыка не играла. Сотрудники протирали соседние столики, выключали свет. Из клиентов остались только они.

– Нам, наверное, пора. Пусть спокойно закрываются.

Она подождала, пока он соберет свои вещи, вело-сумку и шлем, и они вместе поднялись по ступенькам из подвала на улицу. Огромное яркое небо заставило ее заморгать: чувствовалось, что уже поздно, когда они выбрались на улицу из своего «укрытия». Но, в конце концов, уже и должно быть поздно. Хотя почти наступил июнь, и весь вечер будет светло.

Они шли пешком обратно к дому, где проходили собрания группы. Оставалось еще много тем, на которые они не могли говорить. Хотелось побольше узнать о Льюисе. И кое-что еще заинтересовало ее. Его запах, теплый и пряный, пробудил воспоминание, некое чувство, почти осязаемое, и ей никак не удавалось вспомнить, пришло оно из Игры Воображения или нет. И она стряхнула это чувство, потому что *он* был реальным. Льюис был настоящий, и здесь и сейчас было так реально, как она не чувствовала уже очень давно.

Тот слой кожи все еще не восстановился, слой, который она утратила на собрании группы, когда подняла руку, чтобы подать ему знак. Сейчас ей был нужен от него какой-то другой знак. Который позволит ей понять, что происходит у него в голове или с телом, под кожей и в мозгу. Она украдкой посматривала на него в надежде, что головокружение вернется и удастся заглянуть в его мысли. Но его глаза оставались слишком темными. Слишком прищуренными. Нечитаемыми.

У велосипедной стойки, где стояли их велосипеды, она достала из кармана ключ и отстегнула цепь. Льюис улыбнулся, будто она сделала что-то забавное.

– Что? – спросила она.

– Удивительно, что ты его запираешь!

Вскинув брови, она пристально посмотрела на него. Похоже, первое впечатление о нем все-таки оказалось верным. Запихнув замок в сумку, она повернулась, собираясь вскочить на седло.

– Ну да, конечно. Куда уж мне.

– Стой, погоди, я не это имел в виду… Смотри, переднее колесо вроде немного не в порядке. Руль хорошо работает?

Кэсси оглянулась на Льюиса. Пожала плечами.

– Если хочешь, можем поехать ко мне. И я починю его.

Она немного помедлила, готовая в любой момент поставить ногу на педаль. И поехать на велосипеде в свою убогую комнатушку, где полночи, не давая уснуть, из квартиры соседа, в дверь которого клиенты стучались в любое время суток, будет греметь музыка. А она будет разглядывать приглашение на похороны Валери и думать об Алане, совсем одна. Думать о поминальной службе через пять дней и о том, как это невыносимо, но все равно она должна пойти.

Или в квартиру Льюиса. Всего на одну ночь, совершить ненадолго побег из своей мрачной реальности, который он, кажется, предлагает.

Конечно, рискованно. Возможно, поэтому ей так хотелось согласиться. А может, дело в ее любопытстве по отношению к нему или еще гораздо проще. Она начала рассказывать свою историю, в общем-то, приличному мужчине, после слишком долгого одиночества, и в этом заключался весь секрет.

Глава третья

Раньше Льюис и представить себе не мог другую женщину в своей квартире. Как ее присутствие изменит воздух, заставляя молекулы вибрировать в каждой комнате.

Но когда он заварил чай, и они снова заговорили, все стало не так уж плохо. Конечно, они разговаривали об Игре Воображения. Ничего личного. Ничего важного. Она жаловалась на забывчивость как результат того, что Игра сделала с ее мозгом. Он сказал, что у него было точно так же. Она сидела за кухонным столом, совсем близко, можно было дотронуться. И казалась вполне уютной, хотя нет, так нельзя сказать по отношению к ней. Он понял это еще сегодня днем, на собрании, по тому, как сдержанно и зажато она вела себя. Притворившись, что ему и дела нет, он позволил взгляду осторожно скользнуть мимо нее. Но затем почувствовал, что она наблюдала за ним. И когда посмотрел на нее, то понял, что она разгадала его сущность, хотя он не произнес ни слова. *Потому что* он не произнес ни слова. Некий знак, показавший, что они очень похожи: вот так все просто.

За окном небо стало темно-синим, потом черным, и пошел дождь.

– Твой велосипед… Может, занести его в дом? Посмотрю его здесь.

– Уже довольно поздно. Подождем до рассвета. Посмотришь утром.

Она сделала так, как делают девушки, – опустила голову и посмотрела на него сквозь ресницы. И у него свело живот. Он немного потерял навык, но все же знал, что нельзя пригласить девушку домой, часами вести с ней разговоры и после этого ожидать, что ничего не произойдет. Где-то в глубине души он, наверное, все-таки хотел этого.

Только когда ее язык оказался у него во рту, он понял, что не хочет. Даже если формально это и не было обманом, все равно казалось неправильным. И ее вкус был неправильным, и запах, и длинные волнистые волосы, и вся ситуация. Но стоило ему отстраниться, она тут же закрылась, и он услышал, как поворачиваются замки и с лязгом задвигаются засовы.

– Прости. – Извинение, похоже, не возымело действия, потому что она встала, сложив руки на груди.

– За что? Мой косяк. – Она уже шла к двери. Он все испортил…

– Подожди, – сказал он, следуя за ней. Положил ладонь ей на плечо, и она смотрела на него так, будто на нее нагадила птичка, пока он не убрал руку. По крайней мере, сейчас она стояла неподвижно. Ожидая услышать его оправдание.

– Я виноват. Просто… у меня вроде как недавно закончились отношения. Немного сложно, но… В общем, я не готов.

Она пожала плечами, будто ей все равно, и, возможно, ей и правда было все равно.

– Нет закона, который запрещал бы тебе передумать. – Она взяла свою куртку.

Если он отпустит ее сейчас, все закончится, даже не начавшись. Она больше не захочет видеть его, особенно после того, как он все вот так испортил. И он сказал, не раздумывая, пытаясь спасти положение:

– Слушай, ты должна остаться.

Она скорчила гримаску.

– С какой стати?

– Потому что уже поздно. И на улице промозгло. Я просто не могу отпустить тебя в дождь, посреди ночи!

– Как по-джентльменски.

– И еще хотелось бы продолжить наше знакомство. Мне очень понравился сегодняшний вечер. И наши разговоры обо всем. – Он видел, что она принимала решение. – Прошу тебя. Я лягу на диване, а в твое распоряжение отдам кровать.

Она вздохнула:

– Ладно, я останусь, чтобы ты не чувствовал себя таким уж виноватым, но не хочу лишать тебя кровати. Мы можем поделить ее, если ты к этому *готов*?

Он предпочел бы диван. Но нельзя отказывать ей во второй раз.

– Договорились.

Он одолжил ей футболку, и они по очереди приняли душ; она вышла оттуда босая и естественная, и он не понимал, стоит ли отводить взгляд. В ее защитной реакции странным образом сочетались хрупкость и какая-то безразличная уверенность, что заставило его задуматься, не поступала ли она так постоянно. Мысль о ее привычке

делить постель с незнакомцами немного уменьшила его чувство вины в сложившейся ситуации.

Когда он выключил свет, темнота пришла как облегчение, но теперь каждый звук казался таким громким. Она повернулась к нему спиной, и одеяло натянулось. Ее дыхание, его дыхание. Он лежал прямо, как доска, гадая, чувствует ли она себя так же необычно, как и он. Ожидая в любой момент, что она придвинется ближе, коснется его. Но так длилось недолго, ее дыхание замедлилось, стало глубже. Опасаясь разбудить ее, он лежал неподвижно, забыв, что хотел лечь по-другому. Смирившись с бессонной ночью.

*** * ***

Когда он проснулся, было еще рано, остатки сна цеплялись за него. Ему вроде приснилась Кэсси: нежный сон, в котором она не чувствовала себя чужой. Ее голова на его подушке, копна ее волос. Светлых при свете, серых в темноте, светло-серых в полутьме рассвета. На исходе этого сна он позволил себе узнать ее, протянуть к ней руку. Притянуть ее ближе, окутывая их обоих остатками чувства спокойствия и утешения. Понимал, что не стоит так делать, но вдыхал тепло ее шеи, запах ее волос, и все, казавшееся накануне вечером неправильным, теперь стало каким-то знакомым. Глубоким и неотвратимо правильным.

Глава четвертая

Кэсси ждала Никола на их обычном месте – на травяной лужайке, прямо в центре университетского кампуса. Утро обещало солнце, ранняя дымка только начинала подниматься, поэтому казалось, что края зданий, деревьев, людей мерцали. Мерцание было и внутри нее: взволнованное, жизнерадостное чувство, угрожающее вывести из равновесия.

Вчера она отправилась на собрание группы, потому что хотела стабильности. Знакомые лица, знакомый ритуал. А ушла оттуда с противоположным результатом: все изменилось и стало неопределенным. Зато, по крайней мере, несколько часов она не чувствовала себя одинокой.

Слишком много совпадений, сказал Льюис, чтобы они встретились вот так. Но совпадения действительно случаются. Они разговаривали, вспоминая обрывки своих прошлых жизней: каково это, в первый раз парить в дюйме от земли, а потом подниматься все выше и выше, представляя себя свободным от якоря гравитации и силой воображения становясь таким легким. Ветер треплет волосы и гладит ступни босых ног, чуть влажных от облаков, обволакивающих твою кожу… и ты кружишься и чувствуешь, как сжимается желудок при виде качающейся из стороны в сторону земли, и летишь очень быстро, будто кресла или кровати, где осталось твое тело, не существует…

Они разговаривали, и она чувствовала себя почти в безопасности. Хотя IMAGEN постаралась оставить в ее голове неизгладимый след, откуда им знать, что она делает? Их разговор невозможно было подслушать. Прошлой ночью, с Льюисом, она чувствовала себя в достаточной безопасности, чтобы спать в его постели, спать всю ночь напролет, ну или почти всю. Только один раз она проснулась и обнаружила его руку у себя на бедре, и придвинулась к нему, а он повернулся, обнимая ее. И она спиной ощущала его возбуждение. *«Не так уж и сложно»,* – подумала она, прижимаясь к нему. Его дыхание участилось, но он не убрал руку с безопасной зоны на бедре, не оттолкнул ее, и в конце концов возбуждение прошло, а она

погрузилась в еще один приятный сон, самый приятный за очень долгое время.

Но чувствовать безопасность еще не значит *быть* в безопасности. Кэсси сжала губы, уловив сильный горьковатый запах эспрессо, приготовленного Льюисом в его шикарной кофе-машине. Этот запах вовсе не означал, что все так и есть, как казалось. И уж тем более не означал, что им следовало видеться снова.

Она отвлеклась от своих размышлений, когда по ее лицу скользнула тень.

– Доброе утро! – Никол, не вынимая рук из карманов своего худи, опустился рядом с ней на скамейку. Откинулся назад, щурясь от солнца. – Хороший денек, как тебе?

– Держи. – Кэсси достала из сумки сверток и протянула ему.

– И что это?

– Считай, у нас с тобой встреча за завтраком. А это завтрак. – Квартира Льюиса представляла собой затерянный мирок повседневной роскоши. Кухня в идеальном порядке. Полки набиты продуктами. В специальном держателе – толстый мягкий рулон бумажных полотенец. Круассаны на завтрак.

С озадаченным, но довольным видом Никол развернул врученный ему сверток, высвобождая слегка помятую выпечку из пропитавшегося маслом бумажного полотенца. Завтрак никогда не был частью их сотрудничества.

– Ха, спасибо, босс!

«Он наверняка видит разницу, – пронеслось у нее в голове. – Кэсси в пятницу и Кэсси сегодня. Он не может не заметить мое мерцание». Но он даже не обратил внимания.

– Вкусно, – сказал он с набитым ртом, – я почти не помню круассаны.

– Забавно, я тоже.

– В следующий раз, я так понимаю, не стоит рассчитывать на круассан?

Она бросила на него выразительный взгляд:

– Я бы не рассчитывала.

Никол запихнул в рот последний кусочек, смахнул крошки с одежды. И открыл рюкзак, разукрашенный множеством нашивок. Некоторые знаки Кэсси знала (три наклоненные вниз стрелки

обозначают антифашизм; заключенная в окружность буква «A» – анархию), другие – почти нет. Однажды она попросила его объяснить чрезвычайно загадочные символы: перевернутый значок авторского права и сетку с пятью черными точками. Авторское лево, сказал он, означает максимальную свободу, свободное распространение, открытый исходный текст и все такое. А сетка – это глайдер, или планёр[3], конфигурация конкретного двумерного клеточного автомата и средство передачи информации. Затем он улыбнулся, увидев выражение ее лица. Более простая версия, пояснил он: своего рода эмблема хакеров. Означает, что делиться с другими – это хорошо. Сотрудничество ведет к усложнению. К непредсказуемости. Наконец из глубин рюкзака он извлек карту памяти.

– Здесь Уоттс, Валенсия и Тан, – сказал он со все еще набитым ртом. – Крайняк для двух других – пятница, верно? По их заказам все будет готово к середине недели.

Кэсси достала из сумки планшет. Проскочив рекламные объявления, одно предлагало быстрый кредит, другое – пиццу со скидкой, она вставила карту и скопировала файлы. Формат, конечно, архаичный, но более безопасный, чем беспроводная передача.

– Ты супер. Подожди, сейчас заплачу тебе.

– И не забудь, ты все еще должна мне за последнюю партию заказов…

Она похлопала себя ладонью по голове, словно выстукивая инструкцию.

– Там. Все готово.

Никол был, несомненно, ее лучшим сотрудником, ее лучшим *оперативником*. Именно так она мысленно называла кандидатов наук и докторантов, нетрудоустроенных выпускников, странных гениальных неудачников – всех, кто зарабатывал свои карманные деньги, сотрудничая с ней. Оперативники. Это название вызывало ощущение, будто они играли в шпионов. Она тщательно подбирала их, вербовала на основе слова[4], проверяла на фиктивных заданиях, прежде чем поручить им настоящие; и тем не менее степень их надежности варьировалась в большом диапазоне. Пару раз попадались такие, что Кэсси не переставала удивляться, как они вообще получили свои степени. Никол, однако, был надежным. К тому же, когда система списков давала сбой, он удерживал ее на верном пути, напоминая о

сроках и платежах. Она платила ему больше, чем остальным, – целых 50 %. Никол был почти другом.

– Возможно, будет еще заказ по твоему профилю. Третий курс, история и философия науки. Тебе о чем-нибудь говорит?

Он пожал плечами:

– Может быть.

– Крайний срок где-то… – Она проверила сообщение. – В следующий понедельник. Получится?

– Да легко! – Он встал, роняя остатки крошек. – Ну, ладно, труба зовет. Позже…

Она наблюдала, как он неторопливо удалялся в сторону научных корпусов. Его территория. Кэсси не знала точно, как долго Никол учится в университете; чуть ли не десять лет, подумала она. Его медленный прогресс, как она подозревала, не был связан с недостатком интеллекта. Скорее, это было следствием того, что он тратил много времени на другие, неформальные, обязанности, включавшие не только работу для нее, но и различные сети активистов, частью которых он являлся.

С Николом она сотрудничала большую часть своей взрослой жизни, дольше, чем с кем-либо другим, но знала о нем немного. Может, он и говорил ей, а она забыла или же никогда и не спрашивала. Она не взялась бы сказать наверняка, что именно он изучал, хотя знала, на каких предметах специализировался – информатика, программирование, искусственный интеллект, – и передавала ему соответствующие заказы. Если бы в университете изучали теорию заговоров, рефераты по этому предмету она направляла бы тоже ему.

Конечно, и он не знал о ней многого.

Кэсси перестала мусолить в кармане приглашение на поминальную службу по Валери. Внимательно рассмотрела конверт, свое имя и адрес, пытаясь догадаться, кто это писал. Человек, который не знал, кто она такая, просто скопировавший ее данные из адресной книги Валери. Не Алан – это она могла сказать с уверенностью. Почерк совсем не похож на его заостренные каракули. А значит… Она помотала головой. Нет, не надо думать о худшем.

В приглашении ничего не говорилось о том, как и когда умерла Валери, никакого *скоропостижно* или *после продолжительной болезни*. Оно больше напоминало извещение о смерти. Наверняка все

случилось неожиданно. Иначе с ней бы, конечно, связались. Зная, что ей скоро предстоит покинуть этот мир, Валери попросила бы Кэсси позаботиться о сыне. Неважно, что Кэсси уже больше года не видела Алана; неважно, как нехорошо все вышло. Валери знала, – ведь знала же? – что Кэсси всегда будет опорой для Алана.

Она обязательно пойдет на поминальную службу. В церковь Святого Стефана, в ту самую церковь, что рядом с домом, где жили Алан и Валери, с домом, где жила Кэсси с шестнадцати до восемнадцати лет. Где она была счастлива. Переезд к ним не обсуждался: в любом случае она проводила у них большую часть ночей, а когда возвращалась домой, там все еще было полно вещей матери, вытащенных и так и не рассортированных до конца для раздачи знакомым и на благотворительность. В квартире постоянно висела полупрозрачная серая дымка, от которой во всех комнатах стоял холод: она навевала тишину и печальный запах сырости. Когда отец сообщил, что уезжает в Мельбурн, чтобы начать все заново, поближе к сестре, Кэсси подумывала оставить Алана и знала, что никакого сопротивления не будет.

И она ушла, но позже. Уехала на другой конец света, бросила его, хотя и не собиралась так поступать. Но стоит ли ворошить сейчас прошлое? Лучше подумать о доме Валери, где она жила круглый год, хотя в воспоминаниях почему-то всегда кружились листья: мир становился золотым, и рядом с матерью Алан тоже был золотым – золотые волосы и веснушки. Алан всегда был рядом с Кэсси. А еще рядом были холмы и лес вокруг дома. Заднее сиденье школьного автобуса. Общая кровать ночью. Довольно взрослые разговоры на кухне. Алан сильно смущался, его лицо пылало, а длинные ноги, когда он вертелся, сидя за столом, задевали ее голени – «Ой, прости, пожалуйста!». Его мама героически выходила из этой неловкой ситуации: *«Я бы предпочла, чтобы вы занимались этим в безопасности, под моей крышей, а не где-то в лесу…»* Но ее слова не останавливали их заниматься этим в лесу. Им было шестнадцать-семнадцать лет. Она до сих пор помнила тот запах. Сырой и терпкий. Он усиливался и расплывался. Трава превращалась в сено. Клевер. Клевер.

Она не собиралась закрывать глаза. Открыла их, моргая. Высоко вверху парила чайка, дрейфуя, как курсор по экрану.

Встав, Кэсси сунула приглашение обратно в карман. Обычное дело. Таким было ее вчера и ее сегодня. На дорожках вокруг лужайки видно много людей: студенты и сотрудники направлялись на лекции и семинары, в библиотеку и в лаборатории. Она влилась в людской поток, который двигался в сторону библиотеки, и, дойдя до входа, покинула его, избегая биосенсорных панелей. Воспользовавшись своим пропуском, она прошла через турникет для посетителей. «Одолженный» пропуск посетителя; здоровенные чаевые в студии 3D-печати, и ей удалось все провернуть, и даже вернуть оригинал пропуска до того, как владелец сообщил о его потере. Тогда ей только и было нужно, чтобы Никол взломал систему управления, изменил ее допуск к секретной информации, разрешив доступ через университет, и продлил срок действия пропуска на десять лет. И вот она – свобода! Будто Кэсси и не существовало.

Работая над пропуском, Никол добавил туда и безлимитное пользование копировальной техникой. Она подошла к свободному принтеру и, оглянувшись по сторонам, проверила, что за ней никто не наблюдает, затем напечатала две дюжины флаеров. Она потратила немало времени на формулировку, добиваясь, чтобы целевой рынок понимал, что ему предлагают, а университетские власти не находили ничего необычного в ее рекламной кампании. *Редакторские услуги академических текстов на заказ*, вот и все. *Помощь в написании эссе по широкому кругу тем*. Когда она была студенткой, выполнение заданий на заказ как дополнительный заработок приносило ей достаточную прибыль, и через год после увольнения из компании IMAGEN она вернулась к тому, что умела. *Помощь в соблюдении сроков. Квалифицированные специалисты. Улучшай свои оценки! Звони прямо сейчас*.

Убрав флаеры в сумку, она вышла из библиотеки и с удовольствием прошла через размещенное в вестибюле 3D-объявление о наборе: группа выпускников, беззвучно разговаривающих и смеющихся, с нетерпением ожидала светлого будущего, связанного с глобальной корпорацией. Такие объявления появились относительно недавно, уже после того, как она окончила университет. Так все изменилось. За четыре года учебы она, наверное, столько же времени

думала о карьере. О деньгах. О будущем. Была ли она везучая? Или глупая? Последняя в своем роде. Последняя, кто принимал, что так хорошо жить полностью в настоящем, или кому не дано было понять, что произошли какие-то важные перемены. Когда Кэсси проходила через турникет для посетителей, до нее долетали обрывки разговоров на корейском или китайском, на американском английском. Студенты выглядели, как новенькие бизнесмены: мальчики в светлых хлопчатобумажных брюках, девочки в летних платьях из коллекций этого года, в блузках и юбках ярких фруктовых цветов. Ухоженные – хоть сейчас в рекламу в глянцевом журнале. Она составляла с ними такой контраст, что даже сомневалась, сможет ли сойти хотя бы за возрастную студентку: лицо без макияжа, одежда из секонд-хенда.

Она обогнала медленно двигавшуюся группу женщин в хиджабах, пробралась на факультет философии и принялась поэтажно обходить здание, проверяя доски объявлений. Хотя ее флаеры не обещали ничего противозаконного, неделя за неделей они исчезали с десятков досок объявлений, срываемые неодобрительно настроенным персоналом. Разумеется, предлагаемая ею услуга была жульничеством, и все же расстраивало, что ее флаеры подвергались нападкам, а объявления тех, кто вербовал танцовщиц для ночных клубов и медицинских подопытных кроликов, оставались нетронутыми. От одного факультета к другому, она незаметно передвигалась по лестницам, ожидая, пока вестибюли и коридоры опустеют, и тогда доставала из сумки флаеры. Английская литература. Языки. Социология. Она продвигала свой «бизнес», ориентируясь на собственные возможности, а также спрос клиентов, и у нее имелось множество дипломов по искусству, но они не обещали ни денег, ни перспектив. Психология была ее областью, мысль о ней напомнила Кэсси о приближающихся сроках сдачи эссе заказчику. *Факторы окружающей среды в аддиктивном поведении*. Выполнение работы в срок, иначе она станет самым ненадежным среди всех своих оперативников. Экономический факультет сильно расстраивал ее: потенциал для обогащения был вполне приличный, но будущие бизнесмены, как правило, имели определенные перспективы, поэтому подобрать оперативников среди них не получалось. С некоторыми предметами она справилась бы сама – теория и практика рекламы, поведение потребителей, современный маркетинг. Кое-что можно

было передать Николу, хотя он мало разбирался в управленческих технологиях. Но если бы удалось заполучить квалифицированного специалиста, вот тогда она бы сорвала куш. А пока Кэсси продолжала распространять свои флаеры, повышая узнаваемость бренда.

Ее маршрут заканчивался там, где бывали студенты всех факультетов, расположенных в этом здании. Флаеров у нее уже не осталось, поэтому она отколола старый от доски объявлений в кафе и повесила его в баре. Согласно ее теории, богатые студенты вряд ли будут есть в обычном кафе, скорее, потратят деньги на очередную тусовку. Больше денег, чем мозгов, – вот ее целевая аудитория. Хотя, возможно, их и нельзя было назвать безмозглыми. Просто они не видели ничего плохого в том, чтобы «отдавать на аутсорсинг» наиболее утомительные обязанности в их жизни. Платить уборщице за наведение порядка в их новых городских квартирах, доставке еды – за организацию всего необходимого для их великолепных вечеринок. Если можно заплатить, чтобы кто-то выполнил твое задание, то какая разница? И это прекрасно, и даже более чем прекрасно, для ее собственного финансового положения. Без богатых и ленивых она бы уже давно захлебнулась в океане долгов. Поэтому она старалась относиться к ним без презрения. Кроме всего прочего, выказывая презрение к своим клиентам, ей пришлось бы презирать и себя.

Недалеко от стойки бара, за столиком, уставленным напитками, сидели трое парней и девушка. У всех четверых вариации одной и той же прически, задуманной таким образом, чтобы все видели их приемники, важный атрибут современной моды: у парней выбритый правый висок, с более длинными прядями ближе к макушке, зачесанными налево; девушка подстрижена более причудливо, и ее прическу украшало множество заколок, поднимавших волосы вверх, открывая лицо, а приемник полностью закрывал линию сережек. При виде такого зрелища Кэсси покачала головой. Нигде в правилах не говорилось, что приемник можно носить только у себя дома, но здравый смысл напоминал об осторожности. Для регистрации аккаунта Игры Воображения нужно было соответствовать определенным критериям: доход, перспективы, психическое здоровье, отсутствие судимости. Технология по-прежнему оставалась передовой, а ее дефицит создавал спрос. Если эти дети носили приемники за

пределами небольшой безопасной зоны вокруг университетского центра, то они явно напрашивались на ограбление.

– Да, а потом она проснулась… – Интонация говорившего подсказала, что это конец анекдота, и они все разразились хохотом.

Кэсси почувствовала, что непроизвольно сильно сжала челюсти. Вся жизнь этой компании будет состоять из коротких путей и шуточек. По сути, прямо сейчас она наблюдала результат маркетинговой стратегии, которую разработала для Игры Воображения собственноручно. Сейчас у них, скорее всего, базовый аккаунт, но через год-два, закончив бакалавриат, они гарантированно дорастут до платинового. Богатенькие дети с отличными перспективами и массой свободного времени. Инстинктивное принятие биотехнологической модификации. И достаточно молодые, чтобы не беспокоиться о риске. В общем-то, беспокоиться и не о чем, – технология тестировалась много раз, и ее безопасность доказана, – но тем не менее люди волновались. Немолодые люди. Молодые богачи знали, что они бессмертны: *ой, да ладно, ты мне говоришь, что в один прекрасный день я умру? Приятель, я так не думаю*. Поэтому они носили свои приемники как индикатор статуса. Благодаря ей. Внутри в жесткую колючую веревку были скручены ее собственные успех и поражение.

Она приучила себя не думать об этом. Разумеется, она заметила приемники, тут уж ничего не поделаешь: у девушки последняя модель со всевозможными новыми модификациями; один из парней щеголял приемником первого поколения, почти двухлетней давности и технологически устаревшим, но при этом показывающим его статус раннего пользователя. Кэсси даже позволила себе порассуждать о пользователях этих приемников: как они будут переводиться в статистику, по мере классификации и субкатегоризации их опыта в Игре Воображения. Откинувшись на спинку сиденья и заложив руку за голову, девушка не обращала внимания, что одна бретелька соскользнула с плеча. *Секс*, конечно. *Эксгибиционизм? Несколько партнеров? Незнакомый партнер*(*-ы*)? Кэсси разбила ее на проценты. Возможно, в следующий сеанс все трое ее теперешних собеседников, даже не подозревая об том, будут фигурировать в созданной ею реальности, но ее репутация в реальном мире останется безупречной.

Всего лишь предположение. А с другой стороны, это никогда и не было больше, чем предположение, даже если вы обладали доступом к

статистике. Но она так не утверждала, пока работала в IMAGEN. Статистика являлась золотой информацией для покупавших ее компаний и для анализа доходности IMAGEN. Технология раскручивалась как самая близкая к чтению мыслей, но на самом деле она больше напоминает просмотр чужой музыкальной библиотеки или подборки книг: можно определить в общем виде предпочтения, формы и жанры; но, размышляя о личности человека, который не читал ничего, кроме детективов нуар[5], и слушал только ранний блюз, вряд ли можно сделать вывод, захочет ли он купить кадиллак. Весь смысл заключался в том, чего нельзя узнать. А именно, в чувстве. Что музыка напоминала ему об утраченной возлюбленной, заставляла его грустить, и эта грусть была приятна. И вместо того чтобы быть Филипом Марлоу[6], он хотел быть дамой. Например, ее собственные категории могли бы стать откровением. **Полет**: скорость >> поиск острых ощущений. **Собственный образ**: сила >> увеличенная; привлекательность >> увеличенная. **Секс**: знакомый партнер(-ы); по обоюдному согласию >> незнакомый партнер(-ы); поиск острых ощущений; по обоюдному согласию. **Трансформация**: пол, Ж-М; животное… и так далее. Но «знакомый партнер(-ы); по обоюдному согласию» не имело никакого отношения к Алану. Ни тогда, ни теперь; к тому, что втянуло ее в Игру Воображения, подсадило на нее и сделало невозможным уйти. Она спохватилась. Пора остановиться и переключить мысли на что-то другое. На дедлайны этой недели. На продукты в холодильнике, если они там вообще были. Хватит ли у нее денег, чтобы по дороге домой купить молоко и хлеб и внести очередной платеж по кредиту. Хотя сегодня все было по-другому. Ей с трудом удалось отвлечься от этих приемников, их обладателей, ее собственной Игры Воображения. Из-за прошлой ночи с Льюисом. Какой она разрешила себе запомнить ее.

Внезапно ей пришло в голову, что все это время она молчала не только из-за страха. Ее потрясло, что они смогли с ней сделать.

Выйдя на улицу, она пересекла территорию университета и направилась туда, где оставила свой велосипед. Когда она проходила в тени Башни Брей, на планшете зажужжал вызов. *«Льюис»*, – подумала она с приливом адреналина. Но сообщение было от ее бывшей

коллеги, Харри: *«Привет, как дела? Давай встретимся в ближайшее время?»*

Она ответит позже. А сейчас ей очень хотелось поскорее убраться подальше от Башни. Возможно, она чувствовала озноб всего лишь потому, что находилась в тени здания. Но какое удивительное совпадение: именно с Харри она была в Башне Брей в тот единственный раз, во время экскурсии. Ведомственной экскурсии по научно-исследовательским объектам компании IMAGEN. Изюминка экскурсии по Башне Брей заключалась в том, что ее проводила сама профессор Морган, женщина, создавшая технологию Игры Воображения.

Кэсси пристально смотрела на верхний этаж, где находился кабинет Морган, пока солнце, выглянувшее из-за крыши, не вспыхнуло, заставляя ее отвести взгляд. Башня Брей была единственным университетским корпусом, где она ни разу не оставила свои флаеры. В этом не было необходимости, благодаря тому, как она все организовала. Время от времени обход факультетов делал Никол. В этом был смысл. Он относился к той же области – математика и естественные науки – и мог свободно входить в Башню, не вызывая подозрений. Проходя через эти раздвижные двери, он ничем не рисковал, в отличие от нее.

Повернувшись спиной к башне, она отстегнула велосипед. Да, наверное, до сих пор она молчала именно из-за потрясения. Которое, возможно, уже прошло. Но это не означало, что ей пора перестать бояться.

ОБЗОР МАРКЕТИНГА: ПРОФИЛИРОВАНИЕ ИГРЫ ВООБРАЖЕНИЯ ОБЕСПЕЧИВАЕТ РЕАЛЬНУЮ ОТДАЧУ ДЛЯ ЛЮКСОВЫХ БРЕНДОВ

Когда британский биотехнологический стартап IMAGEN запустил первую по-настоящему иммерсивную, индивидуально сгенерированную виртуальную реальность, предполагалось, что Игра Воображения изменит профилирование потребителей и аналитику данных. Итак, как профилирование виртуальной реальности повлияло на

рынок высокой чистой стоимости[7]? Хотя изначально IMAGEN создавалась для развития коммерческого потенциала виртуальной реальности в здравоохранении, еще на ранней стадии компания перенесла свой исследовательский фокус на более прибыльную область – виртуальную реальность как развлечение. И бренды, которые уже давно пользовались для установления значимых отношений с клиентами, применяя инструменты нейромаркетинга и анализа устремлений, восприняли образные данные, получаемые компанией IMAGEN, как фактор, меняющий правила игры в отрасли.

«С точки зрения маркетинга, уникальность Игры Воображения в том, что она позволяет брендам понять желания потребителей на совершенно ином уровне, – объясняет Сара Уэстленд, директор по развитию бренда в компании IMAGEN. – Такой подход позволяет нашим клиентам напрямую учитывать интересы потенциальных потребителей. И поскольку в настоящее время 60 % пользователей с базовым аккаунтом и почти три четверти пользователей с платиновым аккаунтом классифицируются как лица с высокой чистой стоимостью или потенциальные лица с высокой чистой стоимостью, эта модель предлагает чрезвычайно эффективный способ достижения рынка, богатого денежными средствами и защищенного от рецессии».

Точный метод, применяемый компанией IMAGEN для экстраполяции значимых данных из неструктурированного виртуального опыта, является тщательно охраняемой тайной: компания может раскрыть только часть ее, а именно, что биологические данные, генерируемые людьми во время получения ими иммерсивного опыта, преобразуются в цифровые данные специально запрограммированными биомолекулами, которые и являются носителями виртуального опыта пользователя. Эти данные считываются электронным приемником пользователя, кодируются в виде цифровых пакетов и передаются по сети 6G на центральные серверы IMAGEN, где они группируются вместе с уже

существующими данными для машинного анализа и анализа поведения субъектов системы.

Согласно Уэстленд, в результате профилирования виртуальной реальности можно обеспечить желательную сквозную линию, которая позволяет брендам эффективно ориентировать рекламные кампании через каналы средств массовой информации и новые платформы. «Традиционные методы сбора и анализа данных не позволяют в достаточной степени персонализировать рекламные кампании, но с помощью профилирования виртуальной реальности в составе комплекса бренды могут создавать индивидуальные мотивирующие связи и поддерживать их по всему спектру средств массовой информации. Например, пользователь с платиновым аккаунтом из Лондона захочет расслабиться в Игре Воображения, промчавшись по побережью Западной Австралии в роскошном спортивном автомобиле. Таким образом, клиент, которому мы предоставляем эти данные, может экстраполировать, что для этого человека релаксация связана со скоростью, действием, адреналином и с определенной обстановкой, и как результат персонализировать соответствующим образом свое маркетинговое сообщение».

Профилирование виртуальной реальности компанией IMAGEN оказалось популярным среди люксовых брендов. Уэстленд подтверждает, что в число их клиентов входят крупные поставщики вина, предметов искусства, туристических услуг, недвижимости, частная авиация и элитная розничная торговля. Значит, эти бренды понимают, что их инвестиции окупятся?

Майкл Роско, отвечающий за маркетинг и электронную коммерцию в Совместной программе обеспечения операционных расходов, положительно относится к добавленной стоимости, созданной в результате профилирования виртуальной реальности. «Данные стали суперизбыточными, но генерировать из них идеи, которые могут увеличить доходность, трудно. Интеграция данных виртуальной реальности с нашими существующими CRM-

системами[8] означает, что мы можем индивидуально ориентировать потребителей, обладающих высокой чистой стоимостью, на соответствующий контент, отвечающий их запросам. В результате мы получим более полный взгляд на наших клиентов, который позволит создавать личные и устойчивые отношения с клиентами и проводить ребрендинг с помощью персонализированной коммуникации. В конечном счете наше предложение становится более адресным, гибким и быстрореагирующим, и мы видим, как это отражается на окупаемости инвестиций». Пока Игра Воображения доступна только в Великобритании, но IMAGEN готова выйти за рубеж. Технология недавно прошла лицензирование на применение в Японии, Корее и ряде других стран Юго-Восточной Азии, и в настоящее время рассматривается заявка на лицензирование в США. Компания стремится регистрировать международные бренды класса «люкс» вместе со своими внутренними клиентами, и по мере увеличения числа пользователей в стране и за рубежом наборы данных, соответственно, тоже увеличатся, что позволит проводить более широкий содержательный анализ ожидаемых тенденций в дополнение к личному профилю.

А как насчет слухов, что IMAGEN развивает социальный потенциал в отношении Игры Воображения, позволяя пользователям разделять друг с другом их виртуальный опыт? Для маркетологов это захватывающая перспектива. Уэстленд не пожелала ни подтвердить, ни опровергнуть возможность такого «режима взаимодействия». «Мы знаем, что людям очень понравился бы этот режим, как пользователям, так и клиентам. Игра Воображения – это продукт исследований и разработок на протяжении более 10 лет, с инвестициями в сотни миллионов фунтов, и любое значительное дополнение к функционалу будет таким же ресурсоемким». Поэтому пока такой режим остается заманчивой, но отдаленной перспективой.

Глава пятая

Похоже, у соседа опять проходила вечеринка. Давно не стриженная лужайка перед домом пестрела уликами: на солнце вспыхивали пустые банки из-под пива «Теннентс»; кто-то вынес пару стульев из столового гарнитура, а потом забыл убрать их обратно. Кожаная куртка, еще мокрая от вчерашнего дождя, валялась забытая, а примятая трава указывала, где сидел ее владелец. Судя по всему, прошлую ночь лучше было провести в другом месте.

На лестнице держался стойкий запах несвежего пива и сырого бетона. Кэсси осторожно пробралась мимо лужицы, натекшей из брошенной банки, перешагнула через засохший кусок пиццы, поднос с фастфудом, вымазанный красным соусом, и постаралась не наступать на разбросанные повсюду сигаретные окурки. По мере продвижения к комнате голос, бубнивший где-то на заднем плане, становился громче: по местному радио что-то быстро и громко вещал диджей. Она отперла входную дверь и закрыла ее за собой, но голос последовал за ней, просачиваясь вместе с запахом жареной пищи сквозь тонкие оштукатуренные стены, отделявшие ее тринадцать квадратных метров от соседских.

В комнате вечно стоял полумрак, и, когда она опускала жалюзи на единственном маленьком окошке, становилось почти темно. Ей не терпелось избавиться от вчерашних трусиков. И почему не приняла душ у Льюиса? Утром она застеснялась, чего и в помине не было накануне вечером: показалось, что душ – это слишком личное, хотя представилась такая отличная возможность принять его в чистоте и уединении. И вот теперь в халате, с полотенцем под мышкой, она прошествовала с сумочкой, в которой лежали туалетные принадлежности, по коридору, заперла дверь в общую ванную и целую минуту поправляла выбившиеся волосы, прежде чем заставила себя встать под струи воды.

Обычно она носила ту одежду, которая попадалась ей под руку. Теперь же по какой-то причине она дважды обдумывала свой выбор, прикладывала прямо на плечиках топики и юбки друг к другу, проверяя, сочетаются ли они или слишком разнородные. В конце

концов, раздосадованная на себя, она зажмурила глаза и схватила одежду наугад – черные брюки и футболку Thin Lizzy[9], вероятно, оставшуюся от отца. Во всяком случае, эту футболку Алан не выбирал для нее. Те хранились в отдельном ящике. На ее шестнадцатый день рождения он впервые подарил ей подарок – классическую футболку с Sonic Youth[10]. Ни она, ни Алан не слышали тот альбом, но черно-белая пара шестидесятых годов была самой классной, которую Кэсси когда-либо видела: женщина с сигаретой, поднесенной к губам, мужчина, приобнявший ее за плечи, оба они были запечатаны, невыразительны, спрятаны за сплошной чернотой своих теней. *«Я украла парня у моей сестры*, – было написано словно от руки рядом с изображением. – *Через неделю мы убили моих родителей и отправились в путь»*. Кэсси носила ее в школу, под обычной рубашкой, и смелые черные линии пробивались сквозь тонкий полиэстер, вызывая неодобрение учителей. Вопреки духу правил, если не букве, заместитель директора проводил с ней воспитательные беседы, но ничего не мог поделать с ее неправильным настроем, и он знал это. Позже Алан также носил ее футболку, которую она отыскала для него на китайском вещевом рынке. Надпись на груди гласила: «счастливые будни прекрасно», а на спине – «Улыбайся и бееереги». Заместитель директора отозвал его в сторону для такой же воспитательной беседы. Алан охотно согласился: этот человек, конечно же, нарушил правило? Написал две буквы «е» подряд! Это было его первое правонарушение. Теперь не имело смысла прятать картинки и надписи под другим слоем одежды, но она все равно продолжала. Иногда ей казалось, что так сохранялась некая связь, что-то общее с ним, хотя он, наверное, и не подозревал об этом. А иногда такое поведение напоминало послание самой себе. Футболку Sonic Youth она не носила уже много лет, но у нее все еще были «счастливые будни». Надпись почти стерлась, но еще можно было разобрать «Улыбайся и бееереги».

Из кармана куртки она выложила на комод потрепанное приглашение. *Светлой памяти*… Теперь нужно связаться с Аланом – сообщить, что она придет на поминальную службу, придет ради него. У нее был старый номер городского телефона Валери. Вдруг получится дозвониться до Алана.

Но сначала – цветок. Его надо полить, пока она не забыла. На сегодняшний день ее сосредоточенность, ее память – еще не все проблемы, которые подстерегали ее, и важно, чтобы растение сохранилось живым. На этикетке было написано «шеффлера», но это было какое-то зонтичное растение. Раньше у них дома росла шеффлера, по крайней мере, так называла то растение мама, хотя оно и не напоминало зонтик, скорее, множество опущенных рук. Ее цветок рос хорошо, и она заботилась о нем. На темных листьях осел тонкий слой пыли, и Кэсси, зажав в кулаке край рукава, принялась тщательно протирать их один за другим, стараясь не помять.

Когда листья засверкали, а почва стала влажной, Кэсси устроилась, скрестив ноги, на полу рядом с кроватью, между вешалкой и комодом. С планшетом в руках, она репетировала фразы сначала в голове, затем – вслух. *Мне так жаль… Мне было так жаль узнать… Мне жаль твою маму…* Кашлянув, чтобы прочистить горло, она набрала номер.

Гудок царапал слух, отдаваясь эхом, словно звук шел издалека, и во времени, и в пространстве. Она представила звонящий в пустом доме телефон. Он всегда стоял на низком столике в прихожей. Включился автоответчик, и, прослушав сообщение Валери до конца, Кэсси повесила трубку. Небольшой акт уважения, памяти, желания не прерывать ее на полуслове.

Всего шесть шагов, и она оказалась в крохотной кухне. Приготовила чашку чая, но не стала выбрасывать пакетик – оставила на вторую чашку чуть позже. Она размяла тонкую сигарету и выкурила ее в окно, ожидая, пока остынет чай. В телефонной книжке был еще один номер: «Рафаэль-Хаус». И она позвонила бы, не раздумывая, если бы была уверена, что они смогут говорить, как и прежде. Если бы она знала наверняка, что говорит с ним настоящим.

Он всегда разговаривал так легко, будто для него это было так же просто, так же очевидно, как дышать. Когда Алан появился в школе, он не обратил внимания на социальную иерархию класса, или она не произвела на него никакого впечатления. Говорили, что он переехал с границы, но скажи они, что он прибыл с другой планеты, она бы все равно поверила. Она видела, что с новыми учениками это происходило как-то по-другому. Обычно школьное сообщество год решало – принять или отвергнуть, и, попав в ту или иную категорию, ты уже

ничего не мог изменить. Алану повезло. Он ловко управлялся на спортивном поле, поэтому мальчишки хотели заполучить его себе. А его внешность была довольно привлекательной, чтобы о нем мечтали девочки. Мечтала и Кэсси. И он светился. Сияние рыжевато-золотистых волос, вьющихся над воротом, продолжалось в бледно-голубых глазах. Ей хотелось дотронуться до его губ, провести по ним указательным пальцем. Он мог бы стать первоклассным засранцем, войти с важным видом в четвертый класс и устроиться прямо на троне: главный мальчик. Но плевать он хотел на себя, он ничего этого не знал и знать не хотел. Будто не замечал, что повсюду окопы, мешки с песком и колючая проволока. Не понимал, что есть люди, с которыми ты общаешься, и есть все остальные. Он был идиотом, который не нашел ничего лучше, чем заговорить с Кэсси. Ну совершенным идиотом.

Зависнув над кнопкой вызова, ее рука напряглась, будто кровь в венах сгустилась и замедлила ток. Планшет зажужжал от залпа рекламы, и Кэсси восприняла ее как отсрочку. *Научная литература по лучшим ценам! Беспристрастный финансовый совет… Быстрая доставка свежих продуктов…* Положив планшет экраном вниз на подоконник, она подняла кружку. Немного помедлила.

На поверхности трепыхалось черное пятнышко. Чайный лист, выбившийся из пакетика. Чайный лист с лапками, гребущими, чтобы удержаться на плаву. Таракан. Крошечный, только что вылупившийся. Обваренный кипятком, но живой. Ну еще бы! Тараканы вообще никогда не умирали! Она встала, спокойно, в вытянутой руке, пронесла чашку к раковине и вылила чай. И, только открыв краны на полную мощность, поняла свою ошибку. Зря она не выбросила его в окно, как можно дальше. Теперь эта тварь была глубоко в трубе и вне досягаемости. В мокрой черноте она будет расти. Размножаться. И через месяц, протиснув свое мясистое тело через сливное отверстие, снова вылезет наверх, возглавив целую армию мерзких насекомых.

Кэсси стиснула зубы. Так было уже не в первый раз. Причиной мог стать любой из соседей, кто оставлял гнить остатки пищи, горы немытой посуды, картонные коробки из-под еды с доставкой на дом. Они жили в свое удовольствие, вместе с вредителями, которые расползались по стенам всего дома. Потребуются недели и бесконечные телефонные звонки, чтобы домовладелец принял меры. А

пока она достала из-под раковины липкие листки, оставшиеся со времени последнего нашествия. Микроволновка, тостер, чайник – все это их излюбленные горячие точки. Отсюда и тараканий чай.

Реклама на планшете закончилась, и на экране, на рабочем столе, опять появилась фотография племянника и племянницы. Сосед переключил радиостанцию: хардкор по всем направлениям, настойчивый и пронзительный, как приступ панической атаки. Двести ударов в минуту обрушивались на хлипкую стену так, что звук проходил сквозь нее, будто стены и в помине не было. И все же внутри стены оставалось место для жизни, для пока еще крохотных насекомых, которые размножались, чтобы распространиться по всей округе.

Сначала в голове, потом вслух, она отрепетировала новую фразу.

Мне очень понравилась прошлая ночь… Я отлично провела время прошлой ночью… Мне было очень хорошо с тобой…

Сделала новый выбор, легкий выбор; прокрутила контакты на экране и тут же, не откладывая, позвонила.

– Льюис? – Она улыбнулась. И услышала, как потеплел ее собственный голос. – Да, я тоже… правда, отлично.

Глава шестая

Ее притягивала мысль о его квартире – его большой, чистой, уютной квартире, а также о его кровати, его руке на ее бедре, тепле от его тела на ее спине. Хотя, когда он предложил приехать к ней, она почти согласилась, просто чтобы увидеть его лицо, ощутить жуткий контраст с ее унылым домом-коробкой, единственным магазином, постоянно закрытыми стальными жалюзи, и общей ванной комнатой. Но от такой реакции у нее могла возникнуть неприязнь к нему, а обида совсем не относилась к тем чувствам, которые ей хотелось переживать сейчас.

Он встретил ее тактичным поцелуем в щеку, средним между тем, как приветствуют друг друга друзья и соседи по постели.

– Добро пожаловать обратно! Давненько не виделись.

– Да уж часов двенадцать. Даже сомневалась, что узнаю тебя.

Он закрыл за ней дверь.

– Есть хочешь?

– Могу поддаться искушению.

– Надеюсь, так и будет. Так есть хочешь или нет?

Насмешливо прищурившись, она только покачивала головой, пока он вел ее на кухню. Сегодня он был другим и нравился ей. Более прямой, менее сложный. Трудно представить, что он мог сказать что-то вроде «Я не готов».

– Рад, что у тебя хорошее настроение, – сказал он, – хотя я ожидал совсем другой реакции.

– Льюис, я смеюсь *вместе с* тобой. А не *над* тобой.

Он пожал плечами:

– Все в порядке, переживу. Я собирался приготовить пасту. Обычные лингвини, с голубым сыром и грецкими орехами. Как тебе такой вариант?

Очень даже вариант. Последнее, что стряпала она, была лапша быстрого приготовления и кусочек тоста.

– Звучит неплохо. Нужна помощь?

– Просто посиди со мной на кухне.

Она наблюдала, как ловко он управлялся у кухонной стойки, и думала о том, как все неожиданно получилось. Как быстро она почувствовала себя с ним легко. По дороге сюда Кэсси пробиралась по асфальту, покрытому колдобинами. Асфальт скукожился и потрескался, словно на поверхность пробивалось что-то живое. Проезжая по набережной вдоль канала, покрытого зеленой слизью, нарушенной только пластиковыми пакетами и тележками для покупок, она видела чуть ли не на каждой скамейке мужчин, заливавших свое мертвое время таким количеством сидра, что хватило бы на целую вечеринку. На участке дороги под мостом, колонизированным местными юнцами, она получила от них пару ударов камешками, прежде чем оказалась на безопасном расстоянии. И вот, наконец, добравшись до квартиры Льюиса, она попала в более спокойный и добрый мир. По́зднее солнце согрело потертое дерево стола. Вода закипела, по кухне поплыл запах макарон, окна покрылись паром, рассеивая свет. Еще приятнее было то, что еду для нее готовил кто-то другой. Она уже забыла, когда в последний раз кто-то готовил для нее. Понимала, что к такому образу жизни нельзя привыкать, нельзя слишком расслабляться. Но, находясь здесь, она собиралась насладиться этим в полной мере.

Льюис рубил мясо, стоя к ней спиной.

– Как прошел рабочий день? – поинтересовался он. – Кстати, где ты работаешь?

– В университете… один из скучных администраторов, я… Ой! – На стол, прямо рядом с ней, с глухим звуком шлепнулось нечто, появившись буквально из ниоткуда. Комок рыжего меха. И бешеный взгляд подходящий.

– Ну что, явилась? Это Пита. Разве вы не познакомились вчера?

– Похоже, что нет. – Рыжее существо все подобралось и сузило глаза. Чувствуя себя неловко, Кэсси отвела взгляд. – Ты серьезно назвал своего кота Питером? Обычно так котов не называют.

– Нет же, Пи-та. И это девочка.

– Ладно. Пита… как плоский пресный хлеб? По-моему, такая кличка еще более странная, нет?

– Пишется как пита, в смысле хлеб, но не поэтому. Это аббревиатура. Расшифровывается, как «заноза в заднице»[11]. – Ого, ничего себе. Говоришь, что чувствуешь. – Кэсси неуверенно подняла

руку, собираясь погладить кошку. Осуждение – вот что она прочитала в безжалостном взгляде Питы, который, казалось, говорил, что ей всё известно и всё это она осуждала. Выгнув спину, кошка повела ухом и на секунду повернулась к Кэсси сморщенным задом под помахивающим хвостом. А затем тяжело спрыгнула на пол.

– Обычно она дружелюбная, – заметил Льюис, возвращаясь к готовке.

Он обжарил грецкие орехи. Слил воду из кастрюли с макаронами. Натер сыр. Выложил все на большую тарелку, перемешал и поставил на стол.

– Оливковое масло. – На столе появилась изящная керамическая бутылочка. – Соль, наверное, не нужна, там же голубой сыр, но… на всякий случай. – Маленькая солонка из того же набора. Два стакана воды.

– Выглядит великолепно. Пахнет замечательно.

Льюис поднял стакан:

– За твое здоровье!

Вода, из-за нее.

– Слушай, ты можешь не пить, если хочешь. Ну… если ты не привык так делать за обедом. И сейчас пьешь воду только из-за меня.

Он пожал плечами:

– Иногда я и так делаю. Не всегда. А ты теперь никогда, я правильно понял?

– Проще остановиться полностью. По правде говоря, ничего в алкоголе особенного нет, как можно было бы предположить. – Она принялась за еду. – Знаешь, у некоторых в группе выздоровление напоминает их ребенка – постоянно нуждается в защите, питании и заботе. Они не сводят с него глаз. Неважно, какая проблема – алкоголь или наркотики, оно все равно остается в их жизни главным.

– А у тебя не так?

– С алкоголем не так, абсолютно. Для меня он лишь средство перемещения, и я никогда не нуждалась в нем физически. Хотела полностью отключиться, прямо до пустоты, до пробелов, хотела, чтобы он вырубил меня из реальной жизни, но тошнота, похмелье… – Она поморщилась. Опиаты лучше компенсировали Игру Воображения, но их труднее достать. Что же до алкоголя… Она никогда не испытывала жажду первого глотка с приходом нового дня, ей

приходилось заставлять себя сделать этот глоток – словно принять лекарство или наказание. И теперь, уловив запах, доносившийся из дверей паба, она не испытывала искушения, хотя по-прежнему задерживала дыхание и отворачивалась. – С моей стороны было бы нечестно посещать собрания группы только по этой причине. Хотя иногда я все равно чувствую себя обманщицей, поскольку сомневаюсь, что у меня вообще была зависимость. А потом вспоминаю, как она подкралась ко мне. Я же с самого начала пользовалась Игрой Воображения каждый день, это было моей работой, понимаешь? Исследование, знакомство с продуктом, тестирование на наличие багов. Даже когда я заходила не по работе, а для развлечения, это было такое же занятие, как смотреть телевизор или читать книгу, только интереснее. Не знаю, как все происходило у тебя, но иногда вместо Игры Воображения я выбирала телевизор или книгу, к примеру, если сильно уставала и просто хотела, чтобы кто-то другой рассказал мне историю. Когда не хотелось создавать самой.

Льюис кивнул, соглашаясь.

– На самом деле, речь не об историях. Наверное, правильнее сказать «ощущения», ведь так? Или мгновения. Напряженные мгновения.

– Похоже, ты ничем не отличалась от обычного пользователя…

– Меня всегда удивляло, как быстро пролетали два часа. А потом случилось… Не знаю, почему, но я вдруг стала лучше управляться. С воображением. Может, сказались многие часы практики. И как только это произошло, Игра просто захватила меня. Мне было все труднее не иметь с ней дела. Помнишь, как в «Волшебнике из Страны Оз»[12], когда все черно-белое, а надеваешь зеленые очки, и все внезапно становится изумрудным? Именно так я и ощущала разницу между реальной жизнью и Игрой Воображения.

– Да, – согласился он. – Именно так все и было.

Несколько секунд они сидели молча.

– В каком-то смысле нам даже проще, чем другим, – добавил Льюис. – Какая разница, что каждый день нас терзает искушение вернуться! Все равно не можем.

– Согласна.

– Хотя, конечно, не все так просто, да? – Он поднял пасту на вилке и позволил макаронам соскользнуть обратно на тарелку. – По-моему,

это важная часть нашей жизни. Ты не голодна?

Он посмотрел на Кэсси.

– Сегодня мне попалось кое-что интересное об Игре Воображения. Подожди. Я покажу. – Он встал и принес с кухонной стойки планшет, сел и принялся одной рукой постукивать по экрану, продолжая другой накручивать на вилку лингвини. – Я же видел в ленте новостей… где-то… подожди… да, вот эта новость. IMAGEN только что опубликовала последние данные по числу пользователей. И как ты думаешь, что они показали?

Кэсси нахмурилась:

– Наверное, как обычно. Увеличение на двадцать процентов или что-то вроде того?

Льюис развернул планшет к ней.

– Здесь сказано, что весь последний квартал компания фактически *теряла* пользователей. Они удержались на уровне прошлого года, но по сравнению с предыдущим кварталом этот показатель понизился, не радикально, конечно, всего-то полпроцента – и все же…

Она пробежала глазами текст. Ничего нового она не обнаружила сверх того, что сообщил ей Льюис. Статистику объявили в конце дня, и интернет отреагирует неизбежным потоком рассуждений и аналитики только через несколько часов: технические комментаторы будут утверждать, что они предвидели замедление, финансовые журналисты представят свои спекуляции как факт, поборники неприкосновенности частной жизни осудят продажу нейрологических данных, а «Кампания за Реальную Жизнь» примется раскручивать это снижение числа пользователей как начало конца Игры Воображения.

– И все же при ожидании роста в двузначных цифрах, это снижение имеет значение.

– Читай вот там, в последнем абзаце… – Он показал пальцем. – По словам пресс-секретаря, такое снижение является частью их плана развития… постоянная цель которого – период консолидации и так далее.

Прочитав текст, она посмотрела на Льюиса и увидела вопрос на его лице.

– Не было такого. Если только они полностью не изменили план с тех пор, когда я работала у них.

– И насколько это вероятно?

Кэсси покачала головой. Вернулась к отчету. К новости прилагалась архивная фотография их генерального директора Эрика на фоне подсвеченного логотипа Игры Воображения в приемной офиса IMAGEN. Она знала, что Эрик потратит пятнадцать минут на идеальный узел галстука, а потом будет нетерпеливо дергать фотографа, не давая подобрать наиболее удачный ракурс.

– Они и раньше отодвигали в сторону некоторые аспекты, – рассеянно проговорила она. – Я имею в виду области развития. В прошлом тоже был неплохой потенциал, который они разрабатывали для терапевтической практики, но это направление сочли невыгодным или что-то в этом роде. Во всяком случае, все произошло еще до того, как я пришла работать к ним. – Она развернула планшет к Льюису. – Не понимаю, зачем им намеренно урезать рост. В стратегии никогда не было никакого «периода консолидации», тем более направленной на сокращение числа пользователей, каким бы дерьмом его ни прикрыли.

– Тогда… что это может быть?

– Я-то откуда знаю? На данный момент могу сказать только одно: это не моя проблема. – Она отодвинула тарелку. – Извини, но у меня не получится доесть, хотя все очень-очень вкусно.

– Оставим на завтрак?

Она бросила на него удивленный взгляд.

– Слушай, давай не будем отвлекаться, – продолжил Льюис. – По-твоему, это снижение может быть связано с тем, что случилось с нами?

В желудке чувствовалась приятная тяжесть нормальной еды, но тарелка все еще стояла на расстоянии вытянутой руки. Кэсси взяла маленький кусочек грецкого ореха.

– С чем именно? – поинтересовалась она.

– Не знаю, просто… подумал, что если нас больше…

– Больше зависимых…

– Да, тогда, может, причина в этом?

– Хочешь сказать, они не теряют пользователей, а намеренно отключают их? – Кэсси внимательно посмотрела на него. – Снижение на полпроцента против ожидаемого роста на двадцать процентов? Много людей получается. – Она покачала головой. – Не знаю, сколько, но для начала – пятьсот? Тысяча? Возможно ли, чтобы столько людей сделали то, что сделал ты?

Льюис улыбнулся:

– Я, конечно, технический гений, но теоретически вполне возможно. Реальное препятствие осталось прежним: обогнать техническую команду IMAGEN. Так благодаря взлому, который устроил я, они исправили эту лазейку, но это не значит, что других путей нет. Они просто обязаны быть.

Он наклонился вперед. Она даже не представляла, что он способен так широко распахнуть глаза. Сама того не желая, Кэсси сделала противоположное движение – откинулась на спинку стула.

– Ладно, – согласилась она, – может, и так.

– Но это же меняет дело! Ты так не думаешь?

– Каким образом? Не вижу, как.

– Ну, как же ты не понимаешь… это же может означать, что мы были ни при чем; мы не виноваты. Если нас больше, достаточно много, это может означать, что Игра Воображения вызывает привыкание. Она небезопасна или… или недостаточно отрегулирована. Можно подать на компанию в суд!

Она почувствовала, что закрывается, отстраняется. Должно быть, он заметил это состояние по ее лицу.

– Что? Что такого я сказал?

На мгновение она потеряла дар речи. Обида снова захлестнула ее. Ему-то чего судиться? Что он потерял? У него свой дом, своя карьера, свое будущее… Он не понимал. А она не стала ничего объяснять. Есть вещи, которых она не могла, не хотела касаться, которые все еще лелеяла где-то в глубине души, а ему не нужны подробности. Но необходимо, чтобы он знал, как ему повезло.

Кэсси сделала глоток воды.

– Слушай. – И она рассказала ему.

Игра Воображения: она видела тот светящийся логотип в последний раз. Двигаясь по вестибюлю словно во сне, вырванная из реального мира, неуверенная в происходящем. Они отправили ее домой, хотя она и не была больна. Просто устала. Сильно устала. Сотрудники службы безопасности – Дэйв держал ее за левую руку, Джастин – за правую, – отвели ее через главный выход на парковку. Ждали, когда она уедет, но у нее не получалось завести машину, и она не могла смотреть прямо и вообще была не в порядке, поэтому они вызвали ей такси и дождались, пока пришла машина и она села в нее.

От мертвого сна, который длился день, ночь и второй день, ее пробудил звонок в дверь. На лестничной площадке стояли три сотрудника компании: Лиэнн, директор кадровой службы, Ксав, директор операционного отдела, и юрист. Пройдя в квартиру, они сели на диван и стулья и заговорили, не глядя ей в глаза, словно никогда и не были с ней знакомы. Говорили, что произойдет, если она не подпишет бумаги, которые юрист достала из портфеля. *Распишитесь здесь. Фамилия, имя полностью и дата. И еще раз: здесь и здесь.* Все еще слишком уставшая, с затуманенным сознанием, ничего не понимающая. Казалось, ее мозг пульсировал в черепе, и каждая его клеточка взывала к миру, умоляя перестроиться в мягкое, теплое, доброе.

Позже – через неделю или две – она перечитала уже с пониманием подписанные бумаги. *Настоящим договорились о нижеследующем*… Она больше не должна работать с новейшими технологиями. Не должна иметь контакты с бывшими коллегами. Не должна ни с кем общаться по поводу Игры Воображения и IMAGEN. *Без ущерба для любых других прав или средств правовой защиты, которые могут быть у любой из Сторон, работник признает и соглашается с тем, что: а) причинение ущерба не должно являться адекватным средством правовой защиты в случае нарушения любого из положений настоящего соглашения; б) компания IMAGEN и, соответственно, любая другая дочерняя компания IMAGEN имеют право на судебный запрет, конкретное исполнение и любое другое справедливое возмещение ущерба за любую угрозу нарушения или фактическое нарушение положений настоящего соглашения работником; в) для обеспечения исполнения настоящего соглашения не требуется никаких специальных доказательств ущерба.*

У нее вычли бонусы за весь год и аннулировали ее зарплату за последний месяц. Теперь-то она понимает и знает, – хотя и не сказала об этом Льюису, – что заслуженно. Точно так же, как никто не стал бы жалеть наркомана, укравшего что-то у семьи, никто не должен жалеть и ее. Спросите ее сестру, спросите Мэг. Кэсси заслужила все это, и даже больше. Заслужила невозможность своевременной оплаты жилья, вынужденные кредиты по грабительским ставкам у первого попавшегося кредитора, кто вообще согласился дать ей взаймы, и в итоге потерю квартиры. Заслужила выселение на окраину города – в

комнатушку в трехкомнатной квартире, некогда принадлежавшей муниципалитету, а теперь разделенной на четыре части и кишащей тараканами.

И ничто из этого даже близко не стояло рядом с тем, что она действительно потеряла.

Закончив рассказ, она подошла к раковине и наполнила стакан водой. И залпом осушила его.

– А у тебя, – она указала стаканом в сторону Льюиса, – все осталось по-прежнему. Поэтому… извини, но я не понимаю, зачем тебе подавать в суд.

Несколько секунд он сидел притихший. Видимо, сначала хотел что-то возразить, но передумал. Его лицо, его нижняя челюсть казались напряженными, но, когда он заговорил, голос звучал спокойно:

– Понимаю, ты права. Формально права. Но, Кэсси, мы же не живем формально. Я тоже кое-что потерял, возможно, что-то другое. Хорошо, вот послушай, что я думаю об этом. Дело не в деньгах. И не в компенсации. Речь идет о власти. Верно? Если бы у нас был на них компромат, например, подтвержденная информация, которую они предпочли бы держать в секрете от общественности, тогда у нас появился бы шанс торговаться.

– Торговаться… о чем?

– Вот ты чего хочешь? Они забрали твое будущее. Разве ты не хочешь его вернуть?

Она ничего не ответила. Только крепко сжала свой пустой стакан.

Не глядя на нее, Льюис вытер пятнышко на столе и продолжил тереть, даже когда оно исчезло.

– Им бы пришлось отстать от нас, – заметил он.

В ее груди вдруг возникло что-то слишком большое. Оно уперлось в ее грудную клетку, в горло. Вот и все. О чем это было, о чем он говорил.

– Нет, – сказала она быстро и громко, прежде чем в голове промелькнула мысль: *«Промолчи!»*

Льюис поднял голову, и в его глазах чернела тоска, то самое желание, что свернулось и у нее внутри.

– Отстали бы от нас настолько, насколько мы захотели бы. У них не было бы выхода.

Ей нельзя. Ей нельзя даже думать об этом. Она снова повторила: *нет*. Затем поставила стакан на сушилку для посуды и вышла из комнаты.

В ванной, открыв кран, Кэсси рассматривала себя в зеркало. Вспоминала, с каким выражением лица Джейк наблюдал их совместный уход после собрания, и беспокойство, от которого у него на лбу появились морщины. Некоторые люди саботируют сами себя. А некоторые тянут с собой вниз и других.

Она должна уйти. Удалить данные Льюиса. Блокировать любые контакты.

Ее отражение в зеркале затуманилось, от горячей воды поднимался пар. Вот ведь неуклюжий пес! Да что он вообще знает! В любую минуту он мог бы постучать в дверь ванной, спросить, все ли с ней в порядке, не сказал ли он чего лишнего. Но снаружи не доносилось ни звука. Она выключила краны, открыла задвижку. Ничего-то он не знает, но чувствует, когда нужно отступить.

Он все еще сидел на кухне, там, где она его оставила, и первое, что она услышала от него, было извинение.

Она остановилась у двери.

– Я не хочу об этом говорить.

– Да нет же. Я все понял. Извини. Обещаю заткнуться. – Он жестом показал, как застегивает рот на воображаемую молнию.

– Понимаешь, они могут потребовать от меня возмещения убытков всего лишь за то, что я говорила об этом.

– Ладно. Не буду…

– Могут привлечь меня к уголовной ответственности. Могут засудить. Могут…

– Кэсси. Тсс. Я понял. – Он рискнул чуть-чуть улыбнуться. Потом снова стал серьезным. – Ты что, собралась уходить?

– Наверное, да.

– Не надо. – Он наклонил ее отставленную тарелку с остывшей пастой. – Пропустишь завтрак.

* * *

Позже, в гостиной, они сидели на диване, и он обнимал ее за плечи. Старались не говорить об Игре Воображения, но все равно говорили.

– Знаешь, я действительно помню тот день, когда у меня стало получаться. День, когда реальность, созданная моим воображением, заиграла всеми красками. Сначала подумала, что, наверное, какое-то обновление. Но все было… не похоже на разницу в техническом аспекте, не похоже на обновление графики, это было другое. Ярче, но менее четко. Как у импрессионистов, что ли? Иногда путанно, как бывает во сне. Но, когда я говорю, что все стало более реальным, именно это и имею в виду: все чувства обострились и стали точнее, что ли. Я чувствовала более точно. Не знаю, говорит ли это о чем-нибудь тебе?

Конечно, думать снова и снова о том, что произошло, ее заставляло и кое-что другое. Там был Алан. Но вдаваться в подробности не хотелось. Да и Льюис, похоже, понял, что она имеет в виду. Она почувствовала, как он кивнул: щетина задела ее волосы.

– Наверное, у меня случился прорыв. Знаешь, люди иногда говорят: «У вас хорошее воображение», будто это просто еще одно качество, как, например, быть левшой или рыжим. Но не так пассивно и не в Игре. Ведь там все происходит осознанно, правильно? Я имею в виду, что решения принимаются осознанно и постоянно. Например, я собираюсь лететь: я делаю воздух сухим или влажным, выбираю, будет ветер или нет. Или я отправилась в путь солнечным днем, а теперь хочу, чтобы была ночь, причем ясная ночь, с луной и множеством звезд, но летняя, чтобы моей кожи касался теплый воздух, и все это одновременно. Все эти детали – варианты выбора. Для создания действительно качественной Игры Воображения требуются определенные усилия. Если все время практикуешься, похоже, в какой-то момент начинаешь действовать инстинктивно. Это ощущается, как… раз – и получилось, что хотелось. Именно такое со мной и случилось. И разница между «прежде» и «теперь» заключалась в эмоциональном аспекте, как и все остальное. Два часа каждый вечер – яркая часть моего дня, а остальное время я будто находилась в ожидании. Будто моя жизнь останавливалась. Ничто другое не имело значения, по сравнению с Игрой Воображения. Я даже перестала

встречаться с друзьями, стараясь выделить для нее достаточно времени. Но тогда я еще справлялась. У тебя было также?

– Очень похоже. Все случилось, когда приемник перестал принимать сигналы разъединения. Именно тогда все вышло из-под контроля. И не сразу, а постепенно. Сначала я и не заметил, но потом вдруг до меня дошло, что сеанс длится два часа двадцать минут, а следующий – почти три часа… Время сеанса продолжало увеличиваться. Понятное дело, надо было сообщить, но я побоялся, что они сделают как прежде, поэтому никому и не сказал ни слова.

Она слегка отстранилась и улыбнулась ему:

– Извини, я опять много болтаю. Я не собирался говорить об этом.

– Да, я помню, ты обещал. Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом. Давай о… – Тема для разговора не придумывалась.

– О музыке? – предложил он. – Вижу, ты фанатка Thin Lizzy.

– Гм-м, вроде того. – Оттянув футболку, она попробовала увидеть фотографию. – Одобряешь?

– Так уж вышло, что нет. Терпеть не могу Thin Lizzy. Снимешь ее?

Когда входишь в Игру, между миром реальным и миром, который создается твоим воображением, есть небольшой переход. Информация, поступающая от тела – от твоей плоти и кожи, глаз и ушей, носа и рта, – приглушается в мозгу, все больше и больше бледнеет, пока не исчезает совсем. Мгновение пустоты, в которое твои нейроны выпускают поток опиоидов, пытаясь противостоять пустоте. Мгновение, когда ты паришь, совершенствуешься, освобождаешься от самого себя, до того, как начнет действовать Игра Воображения, и ты перестроишь мир в такой, какой хочешь. Бесконечное мгновение, которое закончится спустя считаные секунды: как порог между бодрствованием и сном; как момент забвения, когда твое «я» растворяется, и больше нет ни тебя, ни его. Мгновение, за которым, вернувшись в реальный мир, можно гоняться вечно.

С Льюисом все было по-другому. Сам процесс, когда она спала с ним, больше напоминал первый раз в Игре Воображения, последовательность калибрования, которая соответствовала индивидуальному характеру твоей нейроактивности и сенсорному опыту. Серия инструкций для физических действий: поднимите

правую руку, левую, потянитесь, присядьте, повернитесь, *продолжайте двигаться, ниже, нет, ниже, да, сверху, сейчас…* Серия инструкций для воображения: представьте, что испытываете жажду. Теперь вы пьете воду из высокого холодного стакана… Представьте, что вам экстремально холодно. Вы замерзаете. Теперь представьте ощущение, как теплые солнечные лучи касаются вашей кожи. Вспомните событие, когда вы чувствовали себя очень счастливым. *Но что, если воспоминания заставляют меня грустить?* Вспомните событие. Представьте событие. Представьте, что вы счастливы.

*** * ***

Потом, в ее снах, все смешалось воедино. Новая память тела, близкая к поверхностной, теплая и уверенная: мужчина рядом с ней, на ней, под ней и в ней. Более глубокое воспоминание: его глаза, ясные, голубые. В самом низу его спины есть место, такое гладкое белое углубление, где кожа настолько тонкая, что можно увидеть сквозь нее паутину разветвленных сосудов, хрупкий узор. В других местах, на открытых участках, у него золотистая кожа: бледно-золотая и в веснушках на шее, лице, ногах и руках. Все это в ясном и совершенном виде перед ней, в то время как он находится позади нее, обнимает ее, притягивает к себе так близко, что она наклоняется, растворяется в нем, во всех его возрастах – шестнадцать – девятнадцать – двадцать два… Нет никакой необходимости просыпаться. Никогда не просыпаться от этого мягкого, разрушающего сна, но она все равно просыпается и обнаруживает себя в одиночестве.

Нет, не в одиночестве. Льюис лежал рядом с ней. Она повернулась боком, и теперь они почти касались друг друга, от плеча до бедра. Прислушалась к свисту его дыхания, очень близкому к храпу. Раскованное животное. Она слышала, как пульсирует ее кровь, слышала собственный ритм. Представляла, что это и его сердцебиение, одно на двоих, разделенное их скользящей кожей.

Он не был тем, кого она потеряла, но он был здесь и утешал ее. Он воплотил в себе то, что она могла иметь здесь и сейчас.

Глава седьмая

Кэсси часто пыталась запечатлеть мгновение, когда настоящее становилось неизбежным. В последний момент она могла бы выбрать что-то другое, направив себя и Алана к обычному, идеальному будущему. Отец предложил им приехать в Австралию: *«Приезжайте вдвоем и попытайте счастья»*. Идея воссоединения семьи, зов крови сильнее безбрежных океанов. Здесь она перебивалась то одной подработкой, то другой, а сестра ее отца напрягла кое-какие свои связи и пообещала ей в Мельбурне настоящую работу для выпускницы университета. Логика отъезда без Алана заключалась в том, что, устроившись на новом месте, она накопит денег на билет для него. За всю их взрослую жизнь они расстались впервые. Она звонила домой, убеждая себя, что он всегда был «нефильтрованным», необычным, и только его отсутствие рядом заставляло ее чувствовать, что их выбросило в разные миры, и они разговаривали на разных языках. Не нужно было говорить с Валери, выражать свою обеспокоенность и заказывать билет на первый же самолет домой.

Если и было какое-то мгновение, оно было необратимое… Когда автобус нес ее по улицам, где она выросла, и дальше, в соседний поселок, где жила Валери, Кэсси чувствовала себя сопричастной к их прошлому и возможному будущему.

В церковь она пришла одной из первых. Орган играл «О любовь, которая не отпустит меня». Она проскользнула на скамью в конце зала. Отсюда будет хорошо видно, когда появится Алан.

Она медленно вдыхала запах пыли и отсыревших книг с гимнами. Холод просачивался в нее, и она засунула замерзшие руки в рукава. Церковь быстро заполнялась, – Валери активно участвовала в жизни деревни: пела в местном хоре, входила в совет общины, – но первая скамья оставалась пустой, пока по проходу к ней не прошла пара лет шестидесяти. Кэсси узнала дядю Алана и его жену. Они заняли места на скамье для членов семьи. Она оглянулась на вход, ожидая, что за ними войдет Алан, и, когда появился молодой человек, дородный и светловолосый, на мгновение ей показалось, что это он… Но нет, это был кто-то незнакомый. Племянник, наверное. Потом дверь закрылась,

и орган замолчал. Кэсси дождалась, когда все встанут, и тоже поднялась на ноги, постояла немного и, тихонько бормоча «простите» и «извините, пожалуйста», протиснулась мимо людей, стоящих вдоль церковной скамьи к выходу. У нее за спиной священник произносил нараспев: «… Прибежище твое Бог древний, и ты под мышцами вечными»[13]. Она вышла на крыльцо, и дверь за ней захлопнулась. Чтобы Алан пропустил похороны матери! Наверное, ему очень плохо, хуже, чем когда-либо. Значит, он мог находиться только в одном месте, и на этот раз Кэсси, не раздумывая, позвонила. Она знала, что ответят ей в регистратуре, еще до того, как задала свой вопрос. Да, Алан все еще у них; час посещений, да, все тот же, с двух до трех.

Когда она произносила его имя, собственный голос казался ей чужим. Дело, которое она откладывала уже несколько дней, внезапно стало срочным. Разговор еще не закончился, а она уже лихорадочно соображала, на какой автобус успевает, сколько времени займет дорога и доберется ли она вовремя.

Глава восьмая

Невысокие холмы, земля, расчерченная на поля: желто-охристые, кислотно-желтые, нежно-зеленые с маково-красными брызгами. Деревни с одинаковыми главными улицами – единственный паб, магазин и почта, домики с маленькими окошками. Кэсси смотрела в давно не мытое окно автобуса, не думая о том, куда едет. Вспоминала, как Алан впервые заговорил с ней, в очереди в школьной столовой.

Она просит жареную картошку, и ей кладут картошку на тарелку.

– Это потому, что ты вегетарианка?

Он стоит в очереди сразу за ней. Но вряд ли его вопрос адресован ей. Поэтому она ничего не отвечает и продвигает свой поднос к кассе.

– Так ты вегетарианка? Да?

Она оглядывается, пряча этот жест за взмахом волос, чтобы, увидев, что он разговаривает с кем-то другим, не смущаться, воображая, что когда-нибудь он заговорит и с ней. Но он не разговаривает ни с кем другим. Так и есть: он спрашивает ее.

Она пристально смотрит на него, пытаясь отыскать малейший признак, что он насмехается над ней. У него большие прозрачные глаза.

– Нет, – выдавливает она в ответ и отворачивается. По коже бегут мурашки.

– Ладно, – говорит он ей в спину. – Мне просто показалось, что ты выглядишь, как вегетарианка.

«Мне просто показалось, что ты выглядишь, как вегетарианка». И она возражает ему:

– Я не такая.

– Значит, ты просто… любишь жареную картошку.

Она почти смеется. Ну а что, если это так? Да, она любит жареную картошку. Любит, потому что ее можно переложить в картонный стаканчик, вынести на улицу и есть когда и как захочешь, и не надо сидеть отдельно от всех… А еще от картошки становится тепло; ну или можно представить, что от нее становится тепло.

Кэсси качнулась, когда водитель повернул налево. Бросила взгляд на планшет, проверяя, долго ли им еще ехать. Вспомнила свой первый

визит в клинику. Тогда с ней для моральной поддержки поехала Мэг. Она сидела на пассажирском сиденье и всю дорогу без умолку болтала, будто они отправились на однодневную экскурсию. Весь обратный путь они обе молчали, только Кэсси пыталась время от времени поймать радиоволну. Поездка в автобусе занимала больше времени: окольный маршрут связывал дюжину деревень и городков.

Наконец планшет запищал. В центре пульсирующего кружка замигала стрелка: она прибыла в место назначения.

Весь путь по деревне занял всего три минуты пешком. Стандартный набор – паб, магазин и автобусная остановка, вот и все. Покинув населенный пункт, она сверяла свой маршрут с картой и время от времени отходила на обочину, пропуская машины. Дорога шла в гору. По обе стороны раскинулись сельскохозяйственные угодья: пшеничные поля, словно окрашенные в бледную полоску. Но ее взгляд прикован только к гребню холма, линии на фоне неба, которая, похоже, никак не хочет приближаться. У нее ушло двадцать минут, чтобы добраться до вершины. Впереди виден поворот. Теперь она узнала дорогу: здесь она проезжала на машине. Она почти добралась.

Во второй раз он заговорил с ней через несколько дней, как будто нарочно проскользнув в очередь за ней.

– Опять то же самое? – спрашивает он, когда ей на тарелку кладут жареную картошку.

– Ага, – соглашается она. Опять то же самое.

Буфетчица спрашивает, что положить ему.

– Жареную картошку, пожалуйста, – говорит он, и, что бы он там ни задумал, ей хочется улыбнуться.

– Это потому, что ты вегетарианец? – интересуется она.

– Вообще-то, да. Ну, не совсем, конечно. Пытаюсь проверить на практике, как это. Знаешь, оказывается, не так уж много и требуется, чтобы быть вегетарианцем. – Он смотрит на лазанью, карри из курицы, рыбные котлеты и строит притворно печальную гримаску.

– Салат?

– Гм-м. – Он хмурится. – Да, наверное.

Она расплачивается, берет стаканчик для напитков и перекладывает в него картошку. Чувствует, что он идет за ней. И вот уже стоит прямо рядом с ней.

– Ничего, если сяду с тобой?

На мгновение она теряется, не зная, что сказать.

– Я собираюсь на улицу, – отвечает она.

– Да, я знаю. Видел раньше.

Он делает, как она, – высыпает картошку в стаканчик, но все кусочки не помещаются и некоторые падают.

– Можно с тобой?

Они смотрят друг на друга.

– Конечно. Идем.

Позже она спрашивает его, часто ли он заговаривает с незнакомками в очереди в столовой.

– Бывает, – отвечает он, – иногда. Если хочу подружиться. – Его глаза, как всегда, широко распахнуты, только теперь они темно-синие. – Когда незнакомка нравится мне.

Вот и поворот на «Рафаэль-Хаус», неприметный и без указателя. Проезд к клинике, покрытый хрустящим гравием. Он заканчивается у подножия холма на небольшом лесистом участке, у здания, похожего на три внушительных прямоугольника. Когда Кэсси приехала сюда в первый раз, ей понравилась местность: она надеялась, что лес и холм помогут Алану почувствовать себя как дома. Однако клиника мало чем напоминала дом: приземистое угловатое здание, гладкое и тусклое, покрашенное в горчичный цвет, с уродливым стеклянным портиком над раздвижной дверью.

Она сверилась с планшетом. Несмотря на бесконечную поездку в автобусе и подъем в гору, она каким-то образом оказалась на месте на десять минут раньше. Наверняка они разрешили бы ей подождать внутри. Но вместо того чтобы войти в вестибюль, она развернулась и пошла по дорожке, заворачивающей за угол здания, во внутренний двор клиники.

Жаль, что она так легко отыскала его. Хотелось, чтобы это было почти невозможно. Эгоистично, конечно, но для него было бы лучше. С тех пор, как она видела его в последний раз, прошло больше года, и, похоже, ничего не изменилось.

Но теперь обстоятельствам придется измениться, во всяком случае, так считала она. Интересно, как Валери удавалось так долго покрывать расходы на лечение? «Рафаэль-Хаус» – частная клиника, входившая в медицинскую группу «Хризалис». И теперь, когда Валери не стало… Дом, наверное, продадут, и деньги уйдут на оплату

клиники, чтобы Алан мог еще некоторое время оставаться там. Таким был лучший из худших сценариев.

Сейчас она находилась совсем рядом с ним, шла вдоль крыла больницы, в котором расположена и его палата, проходила, как она думала, прямо под его окном. У пожарного выхода, на небольшой мощеной площадке стояла скамейка, наполовину скрытая бамбуковой подставкой для цветов. Кэсси села, и нога задела цветочный горшок, полный сигаретных окурков. Понятное дело, оставленных не пациентами, а персоналом, ходившим сюда на перекур.

Ее визит был запоздалым. Сидеть и слушать или пытаться поговорить – вот и все, что она могла предложить. Именно так он и спасал ее, в некотором роде, разговором. Например, как в тот раз, когда он прямо спросил: «Правда, что твоя мама умерла?» Вот так в лоб, будто просто задал еще один вопрос. *«Ты вегетарианка? Кэсси – это сокращение от Кассандры? У тебя нет друзей в школе? Правда, что твоя мама умерла?»* Словно он не боялся спрашивать или не боялся Кэсси или ее умершей мамы.

– Слышал, люди говорили, но… люди много чего говорят, а я хочу знать наверняка.

– Да, конечно. Мне люди ничего не говорят. Они говорят *обо* мне, но не со мной.

Пока длится этот непростой разговор, он держит ее за руку – свободно, легко, не слишком крепко. Он просто есть. И он просто делает.

– Что случилось? – спрашивает он. – Она долго болела или… или ты не хочешь говорить об этом? Прости, если не хочешь говорить.

Она хочет, и она не хочет, и она хочет. Больше никто не спрашивает. Никто не спрашивает: *«Каково тебе сейчас?»* С тех пор, как Мэг уехала учиться в университет. Ни отец, ни учителя. Ни девчонки, которых она считала подругами, а теперь, когда ее жизнь превратилась в дерьмо, они все испуганно разбежались. Поэтому она и разучилась говорить. Забыла, как оставаться собой с кем-то другим. Как жить самостоятельно. Она все ждет, что, заметив темноту вокруг нее, внутри нее, он убежит – бросит все и убежит! – за миллион миль от нее. Но он не убегает, а что-то зажигает – спичку, свечу, аварийную сигнальную ракету. Приоткрывает ее мир и позволяет свету проникнуть внутрь.

Эта скамейка… именно сюда она пришла в тот последний приезд, прошлой весной, после того как его увезла психиатрическая бригада «скорой помощи». Именно здесь она переводила дух, прежде чем сесть за руль. Здесь, глядя на холм, на расплывающиеся березы и ивы, она моргала и терла глаза, зная, что в это время, по другую сторону стены, Алан боролся с принудительным сном. Боролся и проигрывал. И на мгновение она допустила немыслимую мысль, что его теперешняя жизнь больше не была жизнью. Жаль, что, потеряв его, она не чувствовала скорби. Сунув руку в сумку, она хотела нащупать салфетку, и пальцы коснулись гладкого корпуса приемника. Рискованно уходить в Игру Воображения прямо здесь, на улице и одной, но у нее не осталось сил терпеть этот мир дальше. Сбежать, хотя бы ненадолго, туда, где не было жестокости; выбросив из головы Алана, эту бледную копию его…

…в реальный мир она вернулась через два часа. Приемник по-прежнему на месте, но больно ноют затекшие от долгого сидения кости, и сырость пробиралась сквозь джинсы. От контраста она чуть не задохнулась: он заставил ее согнуться пополам, она даже вскрикнула, когда позвоночник сжался и хрустнул от слишком резкого движения. Остатки Игры Воображения улетучились, оставив ее в мрачном реальном мире: опустошенную, обмякшую, держащую в онемевших руках свою головную боль. И осознание, что произошла перемена, что прежде ее Игра Воображения никогда не была такой. Что впервые ей удалось создать силой воображения нечто настолько техничное, настолько прекрасно осознанное, что даже когда, шатаясь от холода и затекших конечностей, она возвращалась к машине, внутри нее еще оставалось приятное послевкусие от пребывания там. И она считала часы: через сколько времени можно будет повторить попытку? Можно будет вернуться туда?

Планшет показывал 13:59. Кэсси встала и пошла к главному входу.

По регистратуре не скажешь, что она находилась в вестибюле клиники. Взгляд сразу притягивал логотип бабочки с распростертыми крыльями. Приятный желтый изгиб стойки администратора в не совсем белом пространстве. Как у яйца, желток сверху. Она назвала свое имя и имя пациента администратору за стеклом, и та вызвала для

нее санитара – мужчину лет пятидесяти с гладкими седыми волосами, собранными в хвост. *«Пол»* – было написано на его бейдже.

Пол повел ее в направлении, противоположном тому, которое она предполагала: в левое крыло больницы. Они подошли к массивной двери с полосой сетчатого небьющегося стекла, разделявшей коридор за ней на сотни крошечных квадратов. Санитар прижал ладонь к панели системы безопасности, затем вытащил карточку из-под ворота рубашки и провел ею по панели. Дверь со слабым щелчком открылась. Проходя за ним на отделение, Кэсси почувствовала, как у нее вспотели руки. В прошлое посещение получение доступа в палату обеспечивала простая система внутренней связи.

Дверь за ними закрылась. И на мгновение они оказались нигде. Вернее, перед еще одной, точно такой же дверью, будто туда и обратно не пропускали даже воздух. Санитар проверил, что дверь за их спинами защелкнулась, затем снова проделал уже знакомую ей процедуру – приложил ладонь к панели и провел карточкой.

– Он здесь заперт? – спросила она, и санитар, обернувшись, впервые посмотрел на нее.

– Вы никогда раньше не видели его?

– Видела, но довольно давно. И в тот раз он был не здесь, а там… – Она показала направо.

– Ну да, сколько здесь работаю, столько он находится на закрытом отделении.

– Раньше он мог выходить из палаты. Даже на улицу.

– Здесь есть двор для прогулок, – заметил Пол. – Но Алан будет в своей палате. Предпочитает оставаться там. Некоторые из них так делают. – Он проверил, заперта ли вторая дверь, и пошел по коридору.

– Вы знаете, что сегодня была поминальная служба по его матери?

– Я слышал, что она умерла. Сожалею. Она была милой дамой.

– Значит, Алан чувствует себя так плохо, что не смог поехать?

Пол покачал головой. По его лицу читалось: «Ничего опасного», но вслух он сказал:

– Девушка, об этом надо спрашивать врачей.

От пота подмышки стали влажными. Капельки пота выступили даже над верхней губой. Стены окрашены в такой же веселенький желтый цвет, как и в регистратуре при входе. Стеклянные двери открывались в обе стороны. Через ряд больших окон она видела

светлую комнату, похожую на кафе, где в креслах и на диванах сидели пациенты; и еще одно помещение с небольшой сценой – возможно, комнату отдыха. Дальше двери из прозрачных превратились в сплошные, с указанием на каждой номера и имени, написанных от руки на картонной карточке.

Когда они проходили мимо палаты номер 5, дверь распахнулась, и из нее вышел мужчина.

– Все в порядке, Джимми? – поинтересовался санитар.

Если Кэсси было жарко, то Джимми наверняка уже расплавился: на нем несколько джемперов, и поверх них он еще закутался, как в шаль, в одеяло. Кивнув Полу, Джимми хмуро уставился на Кэсси, и на его лице появилось неодобрительное выражение. Она отвела взгляд, опасаясь, что пациент примет его за вызов или приглашение. И, пока они шли по коридору, она чувствовала, как его пристальный взгляд сверлил ее спину.

У палаты номер 12 санитар остановился и, постучав, распахнул дверь.

– Алан, к вам посетитель.

«Не уходи, – мысленно просила Кэсси, – *пожалуйста, не уходи»*. Но Пол отступил в сторону, и она осталась одна.

Нет, не одна.

Он сидел спиной к небольшому высокому окну, держа на коленях книгу. Заложив пальцем страницу, готовый перевернуть ее. Услышав голос Пола, поднял голову, затем снова опустил взгляд.

Она стояла в дверях, убеждая себя, что это он. Это был Алан. Если бы она увидела его на улице, то, скорее всего, не узнала бы. Его отросшие волосы потемнели до тускло-коричневого цвета с проседью. В прошлое ее посещение он немного прибавил в весе – лекарства, мало движения, – но теперь клетчатая рубашка большого размера была ему совсем в обтяжку. Он сидел на стуле, на подлокотнике которого висела трость для ходьбы. Она взглянула на его ноги, обутые в расшнурованные парусиновые кроссовки, левая ступня все еще вывернута внутрь. Вспоминает тот международный звонок посреди ночи и сбивчивый рассказ Валери, что с Аланом случилась беда. Как в квартире, которую он делил с Кэсси до ее отъезда в Австралию, он балансировал на подоконнике первого этажа, раскинув руки и

наклоняясь все дальше и дальше. Думал, что полетит. Представляя, что ускользнет в воздух, как вода.

Сейчас, стоя у двери в его палату, Кэсси заморгала и на мгновение мысленно увидела, как он прыгает, но не из окна на улицу внизу, а навстречу своей цели. По понедельникам вечером, после школы, она иногда наблюдала, как он бегает взад-вперед перед сеткой, бросая себя навстречу мячу, вытягиваясь во весь рост, словно доверяя воздуху, что тот удержит его. Вечером по вторникам ее пальцы исследовали круглые ссадины и синяки, свежие розовые царапины и синеватые тени на его белом теле, на бедрах, локтях и коленях.

Она захлопнула память, желая сохранить нетронутой то совершенное воспоминание из далекого прошлого.

– Алан.

Он медленно поднял голову. В бороде, струящейся на грудь, едва можно различить слабый отблеск красного. Борода закрыла его рот, скрыла всю нижнюю половину лица. Небольшие открытые участки кожи выглядят одутловатыми и бледными, как у трупа. Когда в последний раз его касалось солнце? Уличный воздух? Если бы она увидела его глаза, то, возможно, узнала бы его, но они скрыты очками с толстыми линзами и тяжелой оправой, которые плотно сидят на щеках цвета зефира. Яркий верхний свет отражался, вспыхивая, от оконного стекла, скрывая его за еще одной завесой.

Она не могла просто зависнуть у двери. Она сделала несколько шагов в палату. Аккуратную и простую, точную копию той, в которой он находился раньше. Односпальная кровать, темно-синее одеяло. Шкаф-купе, прикроватная тумбочка из ДСП. Стул, который занимал Алан, был единственным. Она не хотела садиться на его кровать. И она продолжила стоять, но смотреть на него сверху вниз, будто угрожая, тоже неправильно. Поэтому она присела на корточки, но получилось, будто она разговаривала с ребенком. В конце концов, она сдалась и села на самый край матраса.

Он не сказал ни слова. Просто смотрел, заложив пальцем страницу, готовый перевернуть ее.

– Привет. Ты… узнаёшь меня?

Он едва заметно мотнул головой: *нет*.

– Кэсси.

Снова движение головой: *нет*.

– Помнишь, из… – Откуда? Отовсюду, из вечности. – Твоя подружка Кэсси.

Нет.

– Ну же, ты должен. – Она улыбалась, пытаясь шутить. Но шутка не получалась, и он никому ничего не должен. Никаких правил, никаких законов, важно только то, что случилось, и оно стало всем, и только об этом стоило помнить. Но, если об этом не помнилось, откуда у нее такая уверенность, что это вообще случилось? Если бы ей пришлось полагаться только на себя, все могло бы оказаться не более, чем ее фантазией, – она и Алан, все их годы вместе.

– Послушай, – произнесла она, наклоняясь вперед. – Мне очень жаль твою маму.

Его лицо не изменилось. Она не знала, что ее смущало больше – каким он был, когда впервые попал в «Рафаэль-Хаус», рассказывая со своими обычными открытостью и восторгом об общих друзьях, которых не существовало, разговаривая с людьми, которые уже умерли, людьми, которые были знамениты, знаменитыми людьми, которые уже умерли, или каким он был во время ее последнего посещения, с бессвязной и торопливой речью, пристальным и явно не видящим взглядом. Или вот так. Молчание. Отсутствие. Ничто. Возможно, он не понимал, что Валери больше нет. И наверное, не следовало упоминать об этом. Она обвела взглядом палату, подыскивая тему для разговора, чтобы между ними завязалось хоть какое-то общение. Кроме встроенного экрана, на стенах ничего не было. Кружка на прикроватном столике и фотография щурящейся на солнце Валери в зимней шапочке и шарфе.

– Санитар, что привел меня, Пол, сказал, что ты никуда не выходишь. Не гуляешь во дворе. Разве ты не скучаешь по солнцу? – Она ненавидела свой голос: он звучал так, будто она играла на публику, бодренько так, как говорят медсестры. – Эй… ты вообще слышишь меня?

В фильме, если бы она сидела у постели любовника, а он весь такой в коме или что-то в этом роде, в общем, совсем не способный общаться по какой-то более романтичной причине, чем тяжелая психическая болезнь, она бы рассказывала ему истории из их совместной жизни. Она бы сказала ему: *«А помнишь жареную картошку?»* И рассказывала бы одну историю за другой, и в конце

концов – камера наезжает, берет крупный план, – он внезапно узнал бы ее, и зрители поняли, что счастливый конец неизбежен.

Она наклонилась к нему еще ближе, зная, что не должна так делать, но ей не хватало сил отказаться от поиска контакта. Попробовала заглянуть за стекла его очков.

– Эй, ты там?

Книга соскользнула с его коленей и захлопнулась. *«Занимательная наука для детей»*.

– Алан? Ты там?

– Нет.

Его голос испугал ее.

– Ладно, – сказала она и отстранилась, подняв ладони вверх: *смотри, я отодвигаюсь*.

Он наклонил голову так, что она увидела за стеклами очков его плотно закрытые глаза. Руки, сжатые в кулаки, оставались лежать на коленях. Он отгородился от нее и от всего мира. Совсем как раньше отгораживалась она – закрывала глаза и сжимала кулаки, сутулясь в себя. В комнате Алана, наверху, в доме его мамы. Она буквально чувствовала, как одеяло спутывало ее босые ноги, подбородок уперся в колени, а кулаки прижаты к голове. В то время ей еще очень не хватало мамы, и эти приступы тоски снова и снова накрывали своей абсолютной несправедливостью, вызывая чувство вины за то, что она забывала быть грустной. Если Алан говорил: *«Я здесь, все в порядке, все будет хорошо!»*, обнимая ее за плечи, ей хотелось поднять голову, открыть глаза, разжать кулаки и сказать: *«Да»*, и еще: *«Я знаю»*, и *«Со мной все будет в порядке»*.

А затем она вспомнила про код.

Они выучили его, чтобы общаться на уроках математики. Секретными сообщениями, которые были как футболки под школьными рубашками. Она сидела через две парты от него, с другой стороны прохода. *Тук-тук*, стучала ее шариковая ручка по парте. *Тук-тук*, отбивали чечетку его пальцы. *Тире, тире, тире. Тире, точка, тире*. Азбука Морзе.

Можно было разговаривать, громко отбивая код. Или просто сжимать и разжимать кулак. Даже с закрытыми глазами и подпирающими подбородок согнутыми коленками.

Точка, тире, точка, точка. Тире, тире, тире. Точка, точка, точка, тире. Точка.

И они всегда помогали, эти негромкие размеренные удары. Выстраиваясь в буквы, в слова. И в конце она отстукивала: Ок.

Вместе с синусом, косинусом и тангенсом, этот код все еще находился где-то в глубинах ее памяти.

Она принялась выстукивать по колену азбукой Морзе, медленно, осторожно, не уверенная, что он слышит. Если он вообще слушал.

П
Р
И
В
Е
Т

Видно, как за бородой двигались его губы, пряди волос втягивались при вдохе и раздувались при выдохе. Грудь поднималась и опускалась. Дыхание учащалось. Может, он пытался заговорить с ней? Его глаза оставались закрытыми.

Она протянула к нему руку, вернее, к деревянному подлокотнику, в паре дюймов от его локтя.

О
К

Пауза.

О
К

Теперь она слышала: еле слышно он бормотал, как мантру или заклинание: *«Нет, нет, нет, нет. Нет, нет, нет, нет»*.

– *Да*, – произнесла она и снова начала постукивать по подлокотнику, рядом с его рукой, почти касаясь ее.

Одно движение: его тело дернулось, кулак рванулся, чтобы оттолкнуть ее, и она вскочила на ноги, отступая назад… *«Нет, нет, нет, нет…»* Он обхватил голову руками. С беспокойством дергал себя

за волосы левой рукой. Тяжелые очки упали на пол… и сбоку, за ухом, она заметила небольшой ярко-красный участок кожи. Шрам, заживший и вновь открывшийся, волосы вокруг вырваны с корнем. Пальцами, скребущими острыми ногтями. Прижав кулаки ко рту, она попятилась к двери, собираясь позвать медсестру или санитара, желая убежать, но что-то заставило ее остановиться. Замереть на месте настолько неподвижно, что дыхание застряло внутри, пока его царапанье, похожее на царапанье крысы, не замедлилось. Пока его движения постепенно не затухли и, наконец, прекратились. Пока бормотание не затихло.

Она подождала минуту, затем еще одну. Наконец, он опустил руки. Положил их на колени. Его глаза по-прежнему оставались закрытыми. На одутловатых щеках блестела влага.

Она должна уйти, сейчас, прямо сейчас.

Ее сумка лежала на полу, рядом с кроватью.

– Я только возьму сумку, – тихо сказала она.

Он никак не реагировал.

Она сделала шаг к нему, потом еще пару шагов. Пригнувшись. Шнурок его кроссовка, серый и потертый, змеился по ковру. Она отвела взгляд от его ступни, вывернутой под неестественным углом. Взяла сумку и снова отступила.

Когда он поднял голову, пряди бороды вокруг рта были влажными и слипшимися. В его водянистом взгляде не появилось узнавание: если она и разглядела там что-то, так только страх. Он с трудом наклонился и поднял книгу и очки. Водрузил очки обратно на лицо, открыл книгу, похоже, наугад. Жирное пятно почти закрывало его левый глаз, но он даже не попытался протереть линзу.

В нем не осталось ничего от Алана. Всего лишь тело, грузно сидящее на стуле, ждущее, когда можно будет перевернуть страницу.

Глава девятая

Он думал, что проснулся на острове, с книгой в руках, но они могли пробраться куда угодно. Они снова вернулись, в ее облике, совсем таком, как она выглядела обычно, как она входила в его комнату средь бела дня, разве это не ново? Но им ничего не стоило создать и белый день, целое небо с пристально наблюдающим оком, точно так же, как они могли говорить ее голосом. Отличным от всех их привычных голосов, громких или похожих на скрип ржавого металла, или говорящих все сразу, одно и то же или разное, или шепчущих, ласкающих, убаюкивающих, пока он не забывал о них, а потом… потом они взрывались у него в голове… взрывали его, превращая в ничто, в котором нет ничего, кроме голосов; но этот голос, который он слышал сейчас, принадлежал ей. Умный, да, очень умный, легкий и быстрый, будто в глубине сада неторопливо журчал ручеек. *«Прости»*, – говорила она, и это слово пронзало его насквозь. *«Ты скучаешь по солнцу»*, – говорила она, и ее волосы, словно солнечный свет струились бы между его пальцев, или мягко, очень мягко касались его лица. Но им ничего не стоило подстроить и такое. Но, как ни были они умны, они допустили ошибку: ведь она давным-давно улетела далеко-далеко, на другой конец света, и теперь ничего нельзя исправить. Она прикована к настоящему, ставшему прошлым, а он все дальше и дальше уходил в будущее, ставшее настоящим. Так что, когда ее лицо на экране компьютера говорило *«приезжай»*, это был свет далекой звезды, которой уже, может, больше и нет. И когда она говорила *«следуй за мной, как мы договорились»*, и когда говорила *«прошу»*, она делала это как-то косо, не так, как всегда, а свет и звук выстреливали в то место, где он находился раньше, тусклые отблески далекого прошлого. В этом и заключалась их фатальная ошибка, потому что пучок света, ставший ею, полностью выдал их. Слишком яркая, слишком близкая, слишком отчетливая. Слишком естественные у нее кровь и плоть, дыхание, кожный покров. Она слишком похожа на саму себя, при этом не являясь собою.

Его пальцы прикоснулись к бумаге – к страницам, мягким от частого перелистывания. Прикоснулись к фактам, намертво

закрепленным на странице. К фактам, которые нельзя изменить. Например, страница 27: скорость света составляет 299 792 458 метров в секунду; страница 35: у людей 46 хромосом; страница 52: жирафы спят редко и стоя. Таковы факты, и, пока он держал книгу в руках, они ничего не могли изменить. Так он цеплялся за реальное… впивался зубами в хвост реальности… так он цеплялся, а они заползали внутрь и заставляли его делать то, что делал каждый, когда обнаруживал, что находится все-таки не на острове.

«Ты здесь?» – спрашивали они ее голосом, становясь все больше и ближе, и смотрели на него ее глазами, а он пытался цепляться за факты, но факты ускользали. Он закрыл глаза, чтобы не впускать ее, но она все еще была рядом. Она дышала. Им нетрудно сделать так, чтобы она дышала. Они могли туго натянуть кожу белого дня на тьму, на извивающуюся дрожащую тьму, а затем барабанить по ней, барабанить по туго натянутой коже фальшивого белого дня, бить по его зажатому разуму, и каждый удар был семенем, насильно проникавшим внутрь него, чтобы треснуть, прорасти и превратиться… в сообщения… Ок… в слова – Привет… в ложь… Ок… Ок… Нет…

Он выставил перед собой стену из *Нет*! И ложь отступила, но все еще находилась в глубине его самого: он чувствовал, как она зудела, вылуплялась… *там*, прямо *там*… и он скреб и царапал голову там, где рождалась тьма, пока горячая красная боль не стала похожа на скорость света, факт, за который можно было ухватиться. Можно находиться на острове, а потом вдруг нет, и никогда не знаешь наверняка, на острове ты или внезапно тонешь… и они приходили в другом облике, как Пол, Майк, Кен, как люди с сильными руками и иглой, и после их появления выхода не оставалось, поэтому он держался за четкий образ у себя в голове, и дышал, и держал глаза. Закрытыми. Крепко.

Ждать. Ждать.

Открыть?

Теперь она стала маленькой. Далекой. Уже не такой опасной. Она не была фактом, поэтому он отвернулся. Его книга валялась на полу. Он дотянулся до нее, поднял, и потрепанные страницы раскрылись. Страница 14. Наибольшая глубина океана составляет 35 797 футов. Вот это факт. На кончиках ногтей на левой руке остался красный

ободок – 54 % плазма, 45 % эритроциты, лейкоциты, тромбоциты. И это тоже факт.

Глава десятая

Она заставляет себя идти. Назад по коридору, отсчитывая пронумерованные двери палат. Дойдя до дневных комнат с большими окнами, она остановилась, высматривая кого-нибудь в форме, кого-нибудь из персонала. Но в помещении с небольшой сценой никого не было, а в соседней находились вроде только пациенты: полдюжины женщин и мужчин. Изначально кресла удобно стояли вокруг невысоких журнальных столиков, но пациенты развернули свои кресла так, чтобы видеть только экран телевизора. Никто не заметил, что она смотрела в окно их комнаты отдыха, а если и заметил, то не обратил внимания. Пациент, завернутый в одеяло, как в шаль, тоже был там. Он хмуро глядел на экран, рядом с ним темнокожий мужчина разговаривал сам с собой или с телевизором. Одна женщина была полной, а другая – очень худой. И еще – молодая женщина в облегающей одежде, с полным макияжем и с блестящими волосами, убранными в высокий хвост. Она словно собралась на свидание. Она сидела, обняв себя одной рукой и прижимая ладонь другой к уху; ее пальцы непроизвольно все больше и больше зарывались в темные волосы, рассеянно массируя кожу головы, пока хвост не съехал набок. Кэсси внимательно наблюдала за женщиной, а та внезапно распустила волосы, встряхнула ими и, загладив руками назад и вверх, завязала новый хвост. Затем она немного посидела, скрестив руки на груди, и ее рука снова метнулась к голове и снова начала тереть кожу.

Вдали, на другой стороне коридора, через полуоткрытую дверь, Кэсси заметила человека в форме. Медбрат, догадалась она. Он стоял у высокого письменного стола, склонившись над кипой бумаг.

– Простите…

Он поднял голову. Быстро окинул ее взглядом.

– Чем могу помочь?

– Я навещаю Алана Лаудера.

– Да? – На его лице промелькнуло любопытство. – Если вы уже собираетесь уходить, я попрошу кого-нибудь проводить вас…

– Мне бы хотелось кое о чем спросить.

Выпрямившись, медбрат запрокинул голову и посмотрел на нее сверху вниз. Руки сложены на груди, и он молчал.

– Почему он в этой палате? Когда я приходила раньше, он находился в другой палате, не был заперт и мог выходить на прогулку.

Он покачал головой:

– Я не могу предоставить вам информацию, которая касается состояния Алана, если вы не являетесь его ближайшим родственником.

Он прекрасно знал, что она не являлась ближайшим родственником.

– Нет, не являюсь, – сказала она. – Ближайшим родственником была его мать, не знаю, указано ли это в его карточке, и она умерла, так что…

– Понимаете, в эту палату пациенты попадают либо потому, что представляют опасность для себя, либо потому, что представляют опасность для окружающих. – Он едва заметно пожал плечами, как бы говоря: *выводы делай сама*.

– У него шрам на голове, – заметила она. И снова молчание. – Откуда? Как он его получил?

– Как я уже сказал, я не могу предоставить вам информацию такого рода. Подробности лечения пациента – это конфиденциальная информация. О лечении Алана я могу говорить только с его ближайшими родственниками.

– Но с кем теперь, если его матери нет? Кто будет за ним присматривать? Кто будет оплачивать его пребывание в клинике?

– Об этом можете не беспокоиться. – Кэсси открыла рот, готовая нажать на него чуть больше, но медбрат уже окликнул одного из санитаров. – Кен, будьте любезны, проводите даму.

Обратно через шлюз, обратно в регистратуру с солнечно-желтым столом. Ее подпись в книге регистрации посетителей, подтверждающая, что она покинула здание. Идти, не останавливаясь, через раздвижную дверь и дальше по гравиевой дорожке. Она разрешила себе прибавить шаг и теперь почти бежала по грунтовой дороге на задний двор клиники. Мимо крыла, в котором, как она раньше считала, находился Алан, обратно к бамбуковой «ширме» и скрытой за ней скамейке, на которую она уселась, напряженно скрестив руки на груди и тупо уставившись в землю.

Когда здание клиники за спиной, можно было представить, что его не существует.

Шрам. Она вздрогнула, чувствуя, как на лице выступил холодный пот. Когда ее мама серьезно заболела, кошка стала вылизывать себя больше обычного. Она изгибалась и просто сдирала языком шерсть с задних лап, оставляя лысые, покрасневшие участки кожи. Именно об этом напомнил ей вид Алана. Возможно, раздражение на коже вызвано приемником. У нее было такое раньше, после того как перестал срабатывать выключатель, и она часами не выходила из Игры Воображения: голова на подушке была повернута набок, и металлическая поверхность приемника сильно прижималась к уху, вернее, к коже за ухом, под которой очень тонкий слой мышечной ткани и почти сразу начинается кость. Но это же невозможно! Пациента из «Рафаэль-Хауса» ни за что не допустили бы к Игре Воображения хотя бы потому, что ему не предоставить медицинскую справку об отсутствии психических заболеваний, а это обязательное условие для регистрации. Алану Игра понравилась бы. Он, может, и навоображал бы какую-нибудь дикую чушь, но к моменту появления этой технологии он уже находился в клинике по меньшей мере год.

Кэсси отвела взгляд от цветочного горшка у ее ног, и тут ее осенило. Медбрат! Он старался ничего не сказать ей и при этом сказал что-то очень важное. Если бы Алан ударился головой о шкаф, или подрался с другим пациентом, или его снова захватила идея, что он может летать, и он нырнул бы с края кровати, эту информацию не имело смысла скрывать. С какой стати? Она же не касалась его лечения.

Раньше пациентов с шизофренией оперировали. Совсем в недавнем прошлом. Врачи копались прямо в их мозгах и резали нервы на части. Но ведь лоботомию больше не применяли, а если и применяли, то разве шрамы не должны быть в другом месте? Кэсси с силой сжала виски, чувствуя, как под пальцами пульсирует кровь.

В деревьях, вдалеке, что-то шевельнулось, и она чуть не подпрыгнула от этого едва заметного движения. Может, птица или белка. Кэсси раздраженно покачала головой. Здесь ничего не подстерегало ее. Боже, ей едва удавалось собраться с мыслями! Пора возвращаться домой. Она посмотрела в планшете расписание: до

следующего автобуса оставалось полчаса. Пошла по тропинке к выходу с территории клиники.

В тот раз, когда день перешел в вечер, прежде чем она обнаружила, что все тело затекло, замерзло и вокруг нет ни души, самым худшим было то, что осталось позади. Или, скорее, это было самым лучшим из того, что с ней случалось, и самое худшее из-за понимания, что это всего лишь Игра Воображения. *«Лучше, чем реальность»* – гласил один из их слоганов, и да, раньше она воображала множество удивительных вещей, летала и меняла пол, была гигантской акулой и супергероем из пламени, но никогда не создавала и не чувствовала мир задом наперед, каким он стал теперь. Словно она проводила два ярких часа в своей реальной жизни, а потом ее вырывали оттуда в смутный беспокойный сон, называемый действительностью. И самое странное заключалось в том, что она ведь и раньше воображала Алана в своем мире. Ну конечно, она так делала! Но она воображала неправильно: как-то односторонне, плоско, ошибочно придавая ему черты других людей. Она снова пробежалась по воспоминаниям, и, в то время как некоторые из них оживали, остальные мертвым грузом покоились в памяти: так, она улавливала блеклый запах его дезодоранта, но не веселость его голоса, воображала его лицо, как он спит рядом с ней, но не его глубокое, медленное дыхание. И он всегда делал и говорил именно то, что она заставляла его делать и говорить. Он не мог удивить ее, потому что она не могла удивить саму себя. Только воображения для этого недостаточно.

За исключением того раза, когда все изменилось.

В следующий понедельник она пришла в техотдел и попыталась сообщить о неполадке. Рассказ получился сбивчивым, никак не удавалось объяснить, в чем разница. *«Все стало как-то ярче, или что-то в этом роде,* – говорила она. – *Менее четко? Не знаю»*. Парень из техотдела едва сдерживался, чтобы не закатить глаза. «Но что не так-то было?» – только и повторял он. И она в который раз пожимала плечами. Потому что вроде все было так, но…

Если это был не баг, то похоже на тренировку тела: ты напрягаешь и напрягаешь его, и в конце концов становишься быстрее или сильнее, чем мог себе представить раньше. В тот день у нее произошел некий прорыв, открывший в ней способность к воображению, о которой она

даже не догадывалась. И с тех пор плавание с дельфинами или космические путешествия потеряли всякий смысл. Детские игры. С тех пор всегда был Алан, только Алан, раз и навсегда. И именно после того раза она и не могла заставить себя снова прийти в «Рафаэль-Хаус» и страдать при виде того, что от него осталось. Не когда она могла создавать его силою воображения каждую ночь таким, каким ему следовало быть.

Дойдя до конца дорожки, она вернулась на подъездную дорогу, ее шаги по хрустящему гравию становились все быстрее. Ее тело стремилось убежать, оставить поскорее клинику позади. Оставить *его* позади. Обмякшее грузное тело, которое некогда было Аланом.

Перед мысленным взором стоял его образ. С рукой, постоянно тянущейся к голове. И вдруг она вспомнила Льюиса, как его рука тянется к уху, и почувствовала в себе желание сделать такое же движение. Своей рукой поднять ее. Своими пальцами коснуться кожи за ухом.

ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ

Вопрос: Как войти в Игру Воображения™ и выйти из нее?

Ответ: Перед первым входом в мир Игры Воображения™ для ввода наших специально разработанных биомолекул в свой мозг используй одноразовый назальный спрей, точно так же, как применяют спрей для повышения умственной работоспособности. Именно эти умные биомолекулы преобразуют твои самые смелые фантазии в виртуальную реальность. Затем просто надень приемник на ухо, и ты готов приступить.

После входа в Игру Воображения™, каждый сеанс будет автоматически прерываться по окончании персонального дневного лимита длительностью два часа, но завершить сеанс Игры Воображения™ можно в любое время: просто подумай свою предустановленную команду выхода. Не волнуйся, тебе не нужно понимать, как это работает! Ты должен знать только одно: ты контролируешь ситуацию. Ты

можешь войти в Игру Воображения™ и выйти из нее по своему желанию.

– Жареная картошка, – сказал он. – Ты просто любишь жареную картошку.

Рядом с ним никого не было, значит, он разговаривал с ней.

– Мне всегда нравилась твоя вегетарианская внешность, но тебе не помешало бы немного крови. Немного красного мяса. Один огромный стейк. А может, просто витамины. Из листовой сочной зелени.

– Салат?

– Гм, да, наверное.

– Ты никогда раньше этого не говорил – о крови.

– А когда бы я мог это раньше сказать?

– В те другие разы, когда мы были здесь.

– Но мы здесь никогда раньше не были. По крайней мере, я не был. Где это здесь, если подумать?

Все постепенно становится более четким. Сначала звук: негромкая барабанная дробь, лес точек-точек-точек.

– По нашей палатке барабанит дождь. Забавно. Я думал, солнце уже вышло.

Но они же не в палатке. Листья. Над ними блестящий темно-зеленый шатер. Большие листья тропических растений, размером с ладонь, размером с обеденную тарелку.

– Идет дождь, а не холодно. Вот тебе холодно?

– Немного. – Ей совсем не холодно.

– А ну-ка, иди сюда.

В его объятиях трогательно тепло. Она чувствует, как тяжелеют ее конечности, словно из нее вытекают вся энергия, вся решимость, весь тяжелый труд – оставаться одной, продолжать движение одной. Это такое облегчение.

– О… – произносит он протяжно и негромко, и она знает, что он чувствует то же самое.

– И что же говорит дождь? – спрашивает она. – Он вроде что-то говорит, но слишком быстро. Это всё точки, или есть тире?

– Не хочу его слушать, – отвечает он, – его слишком много, слишком много голосов и все сразу.

Пока он говорит, дождь почти заканчивается, только странная огромная капля сползает к кончику листа и наконец падает.

– Хочу слушать только твой голос.

– Это меняет дело. Обычно ты не хочешь.

– Ну, здрасте! У меня это отлично получалось, ты же всегда говорила, что я хороший слушатель.

– Конечно. Раньше – да, в последнее время – нет. Зато с тобой так классно разговаривать, просто первоклассно. – Она говорит именно то, что и имеет в виду, и при этих словах он прямо светится, солнечно-ярко, и они оба сияют, восхищенные.

– Скажи еще что-нибудь приятное.

– Я люблю тебя?

– Да.

– Теперь твоя очередь: скажи что-нибудь приятное.

– Гм… Ты самая красивая вегетарианка из всех, кого я знаю.

Она в шутку ударяет его.

– Вегетарианка ты или нет, но ты для меня единственная. Слушай, помнишь тот раз… наверху, у водопада?

– Летом, – сказала она. – А может, и нет, просто в моей голове всегда лето. Позднее лето.

– Вполне подходит. Должно быть достаточно тепло, чтобы мы могли снять одежду.

– Идем туда сейчас?

– Идем.

Дождь прекращается. Вместо него вода смеется, вода падает.

– Как хорошо. Еще приятнее, чем было.

– Помнишь ветки? Шершавые. И я заставила тебя спуститься.

– Я был джентльменом.

– Вот, пожалуйста: перина для джентльмена.

– Весьма признателен. Ради тебя я согласился бы и на каменное ложе…

– Я умею делать камни. Если ты этого хочешь.

– Нет, спасибо, я оставлю себе это ложе, из чего бы оно ни было. Ложе из облаков, ложе восторга…

– Ты играл в футбол? – Синяк. Еще синяк. Она указывает на них: на тот, что на его бицепсе. Один на бедре.

– Ну, можно и так сказать. Тебе нравится, когда я в синяках?

– Не то чтобы нравится… Возможно, они делают тебя более настоящим.

Он отстраняется.

– Кэсси, разве я могу быть ненастоящим? Разве ты не веришь в меня? Эй, ты же не собираешься плакать? А?

– Нет, если ты этого не хочешь.

– Определенно не хочу. Слезы прочь. Так-то лучше.

Он целует ее веки, потом губы.

– Алан, я верю в тебя. Это в другого тебя я не верю.

– Он… давай не будем говорить о нем. Давай некоторое время не будем говорить вообще. Угу?

– Угу.

Глава одиннадцатая

Голос Льюиса доносился откуда-то сверху. С вершины холма.

– Вид… просто потрясающий!

Ей не хватало сил, чтобы крикнуть ему в ответ, даже не могла поднять руку и помахать. Езда вверх по склону вымотала ее окончательно; ее костотряс никогда бы не справился, но этот горный велосипед был настоящей отрадой: сильный, с хорошей амортизацией, он побеждал холмы на раз. Она не спрашивала, откуда он взялся, этот Norco с небольшой блестящей рамой фиолетового цвета, спрятанный в шкафу у него в прихожей. Требовалось только подкачать шины и нанести на цепь немного смазки. Наверное, остался от его бывшей девушки или бывшей соседки по квартире, одно из двух, но Льюис не вдавался в подробности, а Кэсси не собиралась расспрашивать. Позволяя ему хранить свое прошлое от вмешательства посторонних, она оберегала от вторжения свое.

Она рванула вверх по склону, перепрыгнула рытвину, наполненную грязной жижей, и вся устремилась вперед, теряя высоту, а затем бросила вес на педали, продвигаясь вверх по склону холма. Она вся отдалась действию: мышцы горели, а легкие задыхались. В голове не осталось ни одной мысли, пока она продвигалась по тропе, сосредоточенно стоя на педалях. Последний солнечный день. В любой момент погода могла измениться, что нередко случается в начале июля: к завтрашнему дню прогноз обещал дождь. У Льюиса нашлось свободное время, а у нее не было срочных заданий. Ничего неотложного. Она предложила ему устроить день отдыха; за месяц их знакомства они почти не покидали квартиру. *«Не то чтобы мне не нравилась твоя кухня,* – сказала она, – *и, конечно, твоя спальня, но можно же провести некоторое время вместе вне этих четырех стен»*.

Она надеялась, что он наконец рискнет познакомить ее с кем-нибудь из своих друзей. Ну не ей же устраивать вечер с Харри или Николом! Но он выбрал велосипедную прогулку и только вдвоем. Сказал, что в будний день холмы будут в их полном распоряжении… и оказался прав. Несколько человек выгуливали собак, навстречу

попалась группа пешеходов с палками для скандинавской ходьбы и с рюкзаками, – вот и все, кого они встретили.

Она принялась крутить педали более энергично, ноги горели. Устремляясь к вершине холма, забыв о трудностях этого подъема.

– *Ух ты!* – только и смогла она выдохнуть, перегнувшись через руль. Грудная клетка судорожно вздымалась, пытаясь восстановить дыхание. Перед ними расстилалась зеркальная гладь озера, отражая синеву неба. Никакой ряби. Идеальная водная поверхность. Солнечные лучи касались ее, вспыхивая белым светом.

– Ты умеешь плавать? – спросила Кэсси. – Хотел бы поплавать тут?

Льюис указал на знак «Опасно».

– Купаться запрещено. По-видимому, может затянуть под воду.

– Но… так тихо… Как, по-твоему, люди все равно здесь купаются?

– Даже не сомневаюсь. Наверняка дети прыгают на спор. Взрослые приходят, прихватив пива, и в какой-то момент им начинает казаться, что поплавать в озере – отличная идея. Сам никогда не видел, но… много раз видел, как в этих местах ловят рыбу.

– В озере водится рыба?

– Похоже, парни с удочками именно так и считают. Готова перекусить?

Они оставили велосипеды на вершине склона и пошли к воде. Их сторона водоема защищена; чуть дальше ветер колыхал траву. Распластавшись, Кэсси упала на спину в траву. День выдался не жаркий, но она вся горела после часа езды на велосипеде. Она закрыла глаза и подставила лицо ветерку. Тем временем Льюис распаковывал корзинку. Бутерброды. Яблоки. Шоколад. Чай.

Кэсси приоткрыла один глаз.

– Вода есть?

Он протянул ей флягу с водой, и она села, чтобы попить. Дыхание более-менее восстановилось. Она пила и не могла напиться, пока фляга не опустела наполовину, затем взяла бутерброд, внезапно почувствовав сильный голод.

– Даже не верится, – сказала она между двумя глотками, – я никогда раньше не была здесь.

– Твоему велику пришел бы конец ровно через пять минут!

– Не, ну, даже пешком… Ты часто бываешь здесь?

– Часто ли я бываю здесь? – Льюис улыбался. – Да. Бывал. Хотя прошло уже много времени с последнего раза.

– Слушай! – Кэсси наклонила голову, и Льюис вопросительно поднял брови. – Точно! – воскликнула она. – Эта тишина… она идеальная. Словно она выше всего мира. Как во сне. Но это же не сон, да? Мы же не спим?

Он протянул руку и нежно ущипнул ее за бок, и она оттолкнула его руку.

– Нет, это не сон. Во сне щекотки не бывает. – Она доела бутерброд и принялась за второй. – Иногда у меня, правда, такое ощущение, что все происходит во сне. Я имею в виду нас.

– Я мужчина из твоих снов? Да?

– Не совсем… – ответила она. Хотя в каком-то смысле так оно и было: каждую ночь, когда она засыпала рядом с ним, он следовал за ней в ее подсознание, в сны, мягкие и сладкие настолько, что иногда она не была уверена, на самом ли деле что-то произошло – прикосновение, взгляд, разговор, или только во сне. – Нет, я хотела сказать другое: это место так отделено от всего остального, от тебя и от меня.

От прочей части моей жизни. Что все кажется таким… невероятным.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. Но я настоящий, честное слово.

Она шутливо ударила его по руке, а он также шутливо вскрикнул.

– Проверка. Может, здесь все не так, как во сне. Больше похоже на Игру Воображения.

– За исключением того, что в Игре вряд ли встретишь знак «Опасно». Там нет глубинных течений.

– И умеешь дышать под водой.

– А я бы еще, пожалуй, поменял уток на русалок.

– Да неужели?

– А почему нет? Пристроил бы их по краям. И они бы такие выпрыгивали из воды и говорили: «Привет!» – Он помахал рукой с бутербродом в сторону уток, чаек и камышниц[14], плавающих по водной глади. – По-моему, они бы здорово обогатили пейзаж. – Конечно. Богаче просто некуда. – Она взяла яблоко и вытерла его

краем куртки. Вот бы остаться здесь навсегда, только она и вода. С трудом верилось, что в озере водится рыба и есть течения, которые хотят утащить тебя вниз, невидимые под яркой гладью поверхности. Как с трудом верилось, что, когда она увидела Льюиса впервые, вид его шорт просто оскорбил ее. Теперь она позволила себе задержать на нем взгляд – мускулы, смуглая кожа, подвижный, здоровый и сильный, он полулежал, откинувшись назад на локтях. Когда они вместе, у нее возникает ощущение, что каким-то образом все устроится само собой; и ей нравилась мысль, что, возможно, рядом с ней он чувствовал то же самое.

– Ты их гладишь? – поинтересовалась она.

– Что? Шорты? Нет, конечно. Их не надо гладить: они из технической ткани.

– Ах, из технической.

– Тебе тоже надо купить такие.

– А с моими шортами что-то не так? – Она перевела взгляд на свои ноги в шортах из обрезанных джинсов.

– Ни за что не поверю, что в них удобно ездить на велосипеде.

– Зато они не стоят сто фунтов, поэтому… – Она тут же пожалела, что не промолчала. В голосе как-то сам собой прозвучало раздражение, чего она совсем не хотела. Льюис купил все для пикника, постоянно кормил ее обедом и завтраком, а она разговаривала с ним таким тоном.

– Но ты в них отлично выглядишь, – попыталась она загладить свою вину. – Похоже, они того стоят.

– Стопроцентно. Ткань почти не подлежит износу, и нет швов. Нигде не трется.

– Угу. Странно, но сейчас они вдруг стали чуточку менее привлекательными.

– Пожалуй, я лучше помолчу.

– Хорошая идея. Меньше болтай. Больше ешь.

Она протянула ему блестящее яблоко, а себе взяла другое и принялась раскручивать его за плодоножку. А, Б, В – старая игра, в которую они играли с Мэг. Каждый поворот соответствовал букве, и, когда плодоножка отрывалась, у тебя появлялась первая буква имени мужчины, за которого ты выйдешь замуж. Конечно, играть в эту игру непросто. Чтобы сыграть на отлично, нужно крутить яблоко по-

настоящему на отлично, иначе застрянешь на Дейве или Грейге. Ж, З, И… плодоножка оборвалась раньше, чем она успела дойти до Л – Льюиса. Кевина, Киерана… да кого угодно. А затем, чтобы получить первую букву фамилии, надо стучать по плоду, пока не лопнет кожура, но на это она уже не заморачивалась. Ерунда, конечно, вся эта игра. Отбросив плодоножку, Кэсси с хрустом впилась зубами в яблоко. Прожевав кусочек, проглотила его. И повернулась к Льюису:

– Помнишь, ты недавно говорил, что IMAGEN теряет пользователей?

Льюис пристально посмотрел на нее.

– И что, если бы мы узнали что-то такое, чего IMAGEN не хотела бы, чтобы мы знали?

Он нахмурился:

– По-моему, ты не хотела касаться этой темы.

– Не хотела. Но вернемся к твоей идее. – Она подождала, что он заговорит, но он молчал. – Ты серьезно так считаешь?

– Считаю что?

– Ну, если б у нас что-то на них было, мы могли бы поторговаться.

– Конечно, – мгновенно подхватил он. – Да. Абсолютно.

– И ты отдаешь себе отчет, какой это риск? Ты же знаешь, как они поступили со мной… тебя это не пугает?

Глядя вдаль, за озеро, он покачал головой.

– И все для того, чтобы ты смог вернуться в Игру Воображения?

Льюис пожал плечами. Прикончил второй бутерброд и принялся за яблоко, которое получил от нее.

Зачем? Вот что она хотела спросить. Что заставляло его так рисковать? По сути, рисковать всем. Связано ли это как-то с бывшей хозяйкой ее сегодняшнего велосипеда? Но каждый заданный ею вопрос и каждый данный им ответ позволяли ему задавать вопросы ей. Поэтому она просто проглотила свое любопытство.

– Я имею в виду твое предположение об уменьшении числа пользователей? – сказала она. – И что IMAGEN перекрывает им доступ, как и нам? Так вот, по-моему, дело обстоит по-другому.

– Почему?

– Из-за масштаба происходящего. Таких людей сотни, может, даже тысячи. Каким образом компания сохраняет все в тайне? Ведь достаточно одного поста в интернете, и все вскрылось бы.

Судя по выражению его лица, Льюис неохотно признал, что ее слова не лишены смысла.

– Допустим, не только мы попали в черный список IMAGEN, – продолжила она. – Соглашусь с тобой: это слишком невероятное совпадение. Значит, нас должно быть больше. Но не верится, что так много.

– Ну, может, и не так много, – возразил он. – Но даже если нас будет еще пятьдесят… ладно, десять, это уже серьезно. Иначе зачем им прикладывать такие усилия для сохранения тайны?

– Да, об этом я тоже думала. – Теперь настала ее очередь сомневаться. – Получается, что дело в чем-то другом. И они не хотят афишировать это другое.

– Что, например?

Она покачала головой, глядя на воду, на перевернутое облако, плывущее по поверхности.

– Просто мысли бродят. Ничего особенного.

Она не может объяснить. Вспомнились Алан и его жест – рука взметнулась к голове. К ране за ухом. Девушка с волосами, убранными в хвост, трет кожу головы, буквально расцарапывая ее. Вопрос, еще не оформленный словами, всего лишь проблеск мысли: Алан и Игра Воображения как-то связаны между собой.

– Может, ты и права, – проговорил Льюис, – по-моему, есть куча моментов, к которым они не хотели бы привлекать слишком пристальное внимание посторонних.

– Например?

– Представь, могут быть сотрудники, в чьи обязанности входит наведение порядка в Игре Воображения. Компания постоянно подчеркивает, что Игра не модерируется: единственный предел – сам пользователь и все такое. А реклама сводится к «Стань рок-звездой!» и «Побывай на Луне!», но вот подтекст – так это можно назвать?

– Возможно. Зависит от того, к чему ты ведешь…

– Ну, они же не говорят открыто: «Воплоти в жизнь свои самые темные, самые противозаконные сексуальные фантазии!» или «Убей своего босса безнаказанно!», но это тоже часть проекта. И все об этом знают, но поскольку это происходит не в действительности, то и значения не имеет. Вот представь, если бы им пришлось обнародовать подробности пользовательских фантазий.

– Персональные данные обезличиваются, поэтому вряд ли удалось бы разоблачить педофила, проживающего по соседству. И фантазии о всяких незаконных вещах не так уж часто встречаются. Имея дело с такой реалистичной технологией, большинство людей все равно сохраняют осознание не того, что за ними наблюдают, а возможности того, что за ними могут наблюдать. Согласна, категории, которые мы выбираем, – в смысле, пользователи выбирают, – компания использует для получения и анализа данных, и иногда эти данные бывают довольно тревожными. И этот фактор отразился бы на компании не очень хорошо. Но, если речь идет о фантазиях, разве они могут быть противозаконными? Наоборот, Игра Воображения дает безопасный выход для побуждений такого рода. Во всяком случае, это аргумент компании.

Кэсси откусила последний кусочек яблока. Обычно она съедала яблоко полностью, оставляя только плодоножку, но сегодня темные семечки, гнездящиеся в бледной плоти сердцевины, напомнили ей о тараканах в ее комнате. Она отбросила огрызок и взяла термос.

– Чаю?

– Да, пожалуйста. Вот скажи, что ты делала самое плохое?

– Ой! – Кэсси протянула ему чашку с чаем – крышку от термоса и подула на руку, куда выплеснулось немного горячей жидкости. – В Игре Воображения?

Он кивнул.

– Я расскажу, если ты тоже расскажешь.

Она сразу вспомнила тот случай, просто не знала, стоит ли признаваться в нем. До сих пор было стыдно за совершенное и за те категории, которые она тогда выбрала (*насилие >> убийство >> млекопитающее; кровь* – без записи испытанных угрызений совести). А Льюис, может, рассмеется. И ей станет легче, когда все превратится в глупую шутку.

– Я убила кошку.

– *Кошку?* Зачем убивать кошку?

– Ну, понимаешь… я тогда работала над сегментацией данных по некоторым категориям… Изнасилование, убийство, пытки. Физическое насилие, психологическое насилие. И вырисовывались некоторые закономерности: например, небольшое число пользователей выбирали такие субкатегории постоянно, каждый день и во время

каждого сеанса Игры Воображения, другие скорее разово. Просто попробовать. Будто человек спрашивал себя: интересно, как это – убить?

Она посмотрела на Льюиса, и он чуть заметно кивнул. Прочистила горло и продолжила:

– Хотелось посмотреть, получится ли понять, почему люди так поступают. Но убить человека я бы не смогла… У меня нет такого качества. И теперь я думаю: слава богу, что не убила человека, и неважно, что это всего лишь Игра Воображения…

Она сделала глоток чаю. У него был пластмассовый привкус от термоса.

– Будто *на самом деле* ты этого и не делал, а при этом… будто все равно сделал. Я не… не хочу вдаваться в подробности. – (Крик, похожий на крик крайне испуганного ребенка; болезненный хруст, мягкое податливое движение черепа под железным прутом; раздавленный мех, кровь и все еще смотрящий прямо на нее глаз.) – И тем не менее я убила, и именно по этой причине. Пришлось заставить себя, и впоследствии… – Она провела перед собой рукой. – Я все стерла начисто, совершенно начисто. Все это кровавое месиво, эти… останки. Затем снова вообразила эту же кошку живой, но воспоминание, что я ее убила, не исчезло.

– То есть ты жалеешь, что убила животное. – Она кивнула. – Не беспокойся, я не осуждаю. Честно говоря, я и сам недолюбливаю кошек, – пошутил он, на что она и надеялась.

Ее смех прозвучал натянуто.

– Глупо, конечно. И мне правда жаль. Я и выбрала-то кошку потому, что они очень похожи на людей. Не хотелось облегчать процесс… Кстати, по-моему, Пита знает, что я сделала. Она смотрит прямо в душу, и неважно, сколько сухого корма я скормлю ей. Да, давно хотела спросить: если ты не любишь кошек, откуда у тебя кошка?

– Ну, вроде как в наследство досталась. – Он держал почти доеденное яблоко в руке. – Как думаешь, можно бросить огрызок в воду?

– Наверное, нет.

Он бросил огрызок в высокую траву позади себя. И взял кусочек шоколада.

– Твоя очередь, – сказала она.

– Ладно, я никого не убивал. Но, пожалуй, сделал кое-что похуже. – Он посмотрел на нее, и черты его лица стали более жесткими. Появилась отстраненность, которой она раньше не замечала. – Я причинял боль.

– Причинял кому-то. Ты имеешь в виду…

– Мне бы не хотелось вдаваться в подробности, – повторил он, – но… да, я поступил очень плохо. И делал это медленно. Намеренно. Он заслужил такое обращение. – Пожав плечами, Льюис открутил крышку термоса.

– И… ты жалеешь о том, что сделал?

– Я ни о чем не жалею, как бы то ни сложилось. Какое это имеет значение? Ничего же не меняет. Но я бы не стал делать так снова.

С минуту они молчали, глядя на глубокую сверкающую воду.

– В мире случаются вещи и похуже, – проговорила Кэсси, откидывая волосы с лица. Очень хотелось смыть с себя весь их разговор. – Я, наверное, все-таки пойду искупаюсь.

– Нет, не надо, пожалуйста, не надо.

– Да ты только посмотри. Водная гладь, как зеркало. Разве она может таить опасность?

– Кэсси, перестань. Если ты полезешь в воду, и глубинное течение утащит тебя на дно, мне придется спасать тебя, а я, правда, совсем не хочу утонуть.

– Не надо меня спасать. Оставь это решение на моей совести.

– Да, но я бы все равно стал спасать тебя. Надеюсь, ты понимаешь это?

Она неохотно согласилась:

– Неужели правда стал бы спасать?

– Кстати, а у тебя есть с собой купальник?

Она неторопливо перевела на него изучающий взгляд.

– Хорошо, я, наверное, не стану возражать, если ты просто немного поплаваешь у самого берега… Кэсси, ну хватит! – Огрызок яблока Кэсси отскочил от его груди, и вслед за ним полетела смятая обертка от бутерброда. – Эй, послушай: прости меня, пожалуйста. За все… Я не хочу, чтобы мы поссорились. Мне очень по душе, что мы можем говорить обо всем.

– О чем? О купании нагишом? Об убийстве кошек? О сценах из «Бешеных псов»[15]? – Она отломила для него кусочек шоколада. – Да, обо всем! И о нас, и об IMAGEN, и об Игре Воображения. По-моему, – сказал он с набитым ртом, – именно встреча с тобой навела меня на мысль… возможно, получится вернуть ее. Потребовать восстановления аккаунта. Знаешь, одно дело, если я буду сидеть и болтать без умолку, и совсем другое, если буду действовать. Найду основание для сделки с ними.

– Какое основание?

– Ну… попробую отыскать других пользователей вроде нас, тоже занесенных в черный список. И мне нужно придумать, как разыскать этих людей.

– Попробуй посетить все группы психологической помощи в стране. Меня же ты нашел именно так.

– У всех свои совпадения, – рассмеялся Льюис. – Не факт, что этот способ сработает опять. Но… понятно, большой риск. Готов выслушать идеи получше… – Он сделал паузу и, когда она промолчала, добавил: – Если придется, я все сделаю сам.

– Еще шоколада?

– Но если бы нас было двое…

– Тогда я его убираю, да? И термос, если ты больше не будешь?

– Кэсси. – Он отодвинул термос подальше от нее. – Остановись на минутку, и просто… Слушай, может, ты все-таки поможешь мне?

– Каким образом?

– Не знаю… вдруг у тебя остались связи в IMAGEN…

Она подумала о Харри, своей бывшей коллеге, единственной, кого она еще могла назвать другом, и покачала головой.

– Нет, не остались…

– Или если б ты вспомнила что-то такое, что могло бы помочь. Ты же там работала! Подумай, вдруг у тебя появится идея, как разыскать таких пользователей, как мы… Или как ты только что сказала, возможно, есть что-то совершенно другое, и компания хочет сохранить это в тайне. Да что угодно, что подойдет для возвращения в Игру!

– Мне надо время подумать. Не уверена, есть ли что-нибудь…

– Даже просто понимая, чего я хочу, ты уже со мной. Ты на моей стороне. Значит, это не только я, Давид против Голиафа[16]. Кэсси закрутила крышку термоса.

– Ты сам-то веришь?

Он рассмеялся:

– Нет. А ты?

– Тоже нет. Но моя вера не имеет значения. – Она аккуратно укладывала остатки пикника обратно в корзину. – Людям нравится поддерживать неудачников, отождествляя их с более слабыми, меньшими, не имеющими опыта. Мы все остро осознаем свою уязвимость. И понимаем, что в глубине души мы крошечные, в общем-то, ничто. Цепляемся за все, дающее надежду, что ты можешь стать больше, чем есть на самом деле. Что получится вырваться за пределы своих возможностей и своих ожиданий. Передай, пожалуйста, обертку от бутерброда. Поэтому мы все Давид.

Он смотрел на нее, приоткрыв рот.

– Ты точно не Голиаф?

– Ха! – криво усмехнулась она. – Я определенно Давид.

– Ладно, Давид… А как насчет тебя?

– Что насчет меня?

– Мисс Разворот. Ты же говорила, что именно я вбиваю тебе в голову идеи насчет IMAGEN. И что же они там вытворяют?

На самом деле она не знала. Но, похоже, и Льюису, и Алану нужно от нее одно и то же: покопаться в IMAGEN и найти… что найти? Что-то здесь было не так. Все казалось каким-то неопределенным.

– Ну, немного суетятся. Возможно, находят себе друзей.

Он бросил на нее насмешливый взгляд, затем, протянув руку, в шутку постучал пальцем по ее лбу. Его прикосновение отозвалось в ней эхом: *точка, точка, точка*. Знакомый аккорд, но сыгранный неуместно.

Глава двенадцатая

Даже если бы она не нарушила соглашение, Кэсси все равно чувствовала себя неловко.

Данный сотрудник не должен контактировать, прямо или косвенно, с любыми лицами, нанятыми компанией IMAGEN…

Когда, закрыв за собой калитку, она пошла под моросящим дождиком по дорожке к дому Харри, втянув голову в плечи. Вокруг раскинулись частные владения с коттеджами, гаражами на две машины, садом, простирающимся за домом. Звонок в дверь, кажется, оповестил о ее прибытии и всех ближайших соседей.

– Входи, входи, да ты вся промокла! – Харри широко открыла дверь и распахнула объятия. – Спасибо, что не поленилась приехать на нашу окраину.

Последние несколько дней монотонный дождь не прекращался. Пол в коридоре застелен кремовым паласом, и, прежде чем ступить на него, Кэсси сбросила мокрые кроссовки. Харри пригласила ее в кухню.

– Вот, домашнее печенье. С кардамоном и еще чем-то.

Харри строго посмотрела на нее:

– Хватило бы обычного, из магазина.

– Ну а с тебя чай…

Харри права, печенье стоило прилично, но ничего: у нее осталось еще достаточно наличных, чтобы продержаться до конца недели.

– Я устрою для тебя небольшую экскурсию по дому, но сначала сядь и выпей чаю. – Харри поставила к столу еще один стул, достала чайный сервиз, который выглядел прямо как из 1960 годов, и села напротив.

– Сто лет тебя не видела, – сказала она.

– Да, целая вечность прошла, – согласилась Кэсси. За полгода, после рождения Айши, они виделись всего один раз. Встретились в городе, в кафе, и Харри настояла на том, что заплатит она. – И потом, у тебя было полно дел. Дети, переезд…

– Дела есть всегда! Ты хорошо выглядишь.

– Спасибо. – Оглядев себя, Кэсси пожала плечами.

– Да нет же! Это действительно так. Я не об одежде, хотя с ней тоже порядок, я про другое – кожа, лицо. – Она посмотрела на Кэсси поверх очков. – Кэсси Макаллистер, признавайся, у тебя появился мужчина?

Кэсси попробовала изобразить негодование, но тут же улыбнулась. Она ничего не могла поделать с собой.

– Боже, ну ты даешь! – Харри рассмеялась, но ее смех больше похож на переутомленное, неудержимое хихиканье, от которого Кэсси тоже завелась.

– Может, хватит уже? – Недовольный возглас прозвучал от дверного проема кухни, тоненький возмущенный голос. – Мама, хватит смеяться!

Харри сжала губы, уголки ее рта опустились, но плечи все еще подрагивали, когда она протянула руки к дочери.

– Почему? Тебе не нравится, когда мама смеется?

Руби, скрестив руки на груди, осталась стоять у двери.

– Да, не нравится.

– Но почему?

– Потому что слишком громко!

– Ну, хорошо.

Засвистел чайник, и Харри встала, чтобы заварить чай. Проходя мимо Руби, она взъерошила дочери волосы.

– А это мамина подруга Кэсси, помнишь? И она очень смешливая, так что, боюсь, мы еще немного посмеемся.

Кэсси улыбнулась и помахала рукой девочке:

– Привет, Руби.

– Нет! – И, развернувшись на каблучках, Руби потопала прочь, в глубь коридора.

– Мы постараемся не шуметь… – крикнула ей вслед Кэсси.

– Извини за ее выходку. Честно говоря, она превращается в маленького диктатора. Не любит, когда я разговариваю по телефону, рассказываю сказки ее сестренке, ухожу из дома без нее… – Голос Харри дрожал, и Кэсси не могла бы сказать однозначно, от затихающего смеха или от усталости и эмоций.

– Как поживает малышка Айша? Она наверху?

– Да, и сейчас как раз спит. Иногда мне кажется, ей нельзя давать спать днем, ну, знаешь, булавками ее колоть или что-то в этом роде. И

тогда есть надежда, что ночью она проспит дольше часа. И конечно, она не дает спать Руби, и мне приходится успокаивать их обеих…

– Боже! Не представляю, как ты еще держишься на ногах.

Разумеется, бывало, она и сама так поступала: сутками не спала. Но такое сравнение здесь неуместно. Ее Игры Воображения с утомительным и тяжелым трудом материнства. Совсем не то же самое.

Харри улыбнулась, словно показывая, что у нее нет выбора.

– Уф! – Она вздохнула протяжно и тяжело, будто снова пытаясь взять себя в руки. – Я часто напоминаю себе, что это не будет длиться вечно. И слава богу!

«Эй, – хотелось сказать Кэсси, – *помнишь, как мы ночи напролет проводили в офисе, чтобы успеть вовремя сделать всю работу в преддверии старта Игры Воображения? Тогда мы обе были новичками и полны энтузиазма. Помнишь, как мы там ночевали, и, чтобы не заснуть, ты ела растворимый кофе прямо из банки?»* Но она просто сочувственно улыбнулась. Харри напоминала матрешку. На поверхности – образ материнства, спокойный, сияющий и завершенный. Затем, внутри, – контуженный солдат на форсированном марше, который уже еле стоит на ногах, и конца-края этому маршу не видно. А внутри него – стержень, безусловная частица, готовность закрыть другого от пули. И это все разные уровни реальности.

– В любом случае это не очень интересно, – проговорила Харри, – давай-ка лучше послушаем твои новости. У тебя появился мужчина.

– Допустим. Что-то вроде того.

– Что значит «вроде того»? Он же мужчина. С которым ты занимаешься сексом.

– Да, – торжественно согласилась Кэсси. – Да… да, занимаюсь.

– А это, поверь мне, намного больше, чем у меня сейчас, так что давай без «вроде того». Расскажи мне о нем все…

Желая угодить хозяйке дома, Кэсси с улыбкой придвинулась ближе. И вдруг ее охватило сомнение. В глубине души она понимала Льюиса и в то же время ничего не знала о нем. Он смягчал жесткие границы мира, ночи без него казались холодными и заставляли ее съеживаться под одеялом даже в разгар лета. Но Харри спрашивала не об этом.

– Хорошо, тогда три вопроса, – пришла ей на помощь подруга. – Где вы познакомились, как он выглядит, чем занимается его отец?

Кэсси рассмеялась:

– Отвечаю в обратном порядке: понятия не имею; высокий, темноволосый и… – Неопределенный взмах рукой. – Довольно симпатичный; в группе.

– Ого! Ничего себе! Отлично. Значит, ты снова вернулась в группу?

– Да, но не волнуйся, – шутливым тоном ответила Кэсси. – У меня не было рецидива.

Тут же представилось, что ее слышит Джейк, и ей стало стыдно. Зачем она так делала – говорила таким голосом? Чтобы показать, что на самом деле группа ей совсем не нужна? Или что она отличается от других, с их обычными, банальными зависимостями?

В любом случае упоминание о группе заставило замолчать их обеих. Взяв печенье, Кэсси решила не упускать шанс и сменила тему разговора:

– Напомни-ка, когда ты возвращаешься на работу?

Она знала ответ, но это был отличный способ безопасно направить разговор в нужное русло. Надо соблюдать осторожность. И не стоило торопиться.

– Не раньше января, – ответила Харри. – Еще полгода буду в декрете, плюс отпуск. Если честно, я бы вышла и раньше. Чтобы мозг опять начал работать.

– Наверное, чувствуешь себя немного выбитой из колеи. За год многое может измениться.

– По-моему, как только вернусь, через неделю буду такой, словно никогда и не уходила.

– М-да, с тех пор, должно быть, многое изменилось. Всего лишь за год. – Кэсси представила, как Харри смотрит на нее, но не подняла глаз, чтобы проверить. – Я, наверное, не знаю уже и половины сотрудников из тех, кто сейчас работает в компании.

– Да, некоторые перемены произошли. – Голос Харри прозвучал настороженно, она тщательно подобрала слова.

– Я немного в курсе дел. Благодаря анонсам обновлений и всяким прочим рассылкам.

– Вот как? По-моему, в последнее время ничего интересного не было. Ничего особенного, все как обычно.

– А как же небольшая заминка, а? – собравшись с духом, Кэсси посмотрела на Харри. – На днях в новостях сообщили, что рост замедлился по сравнению с запланированным.

Теперь наступила очередь Харри прятать свой взгляд.

– Ой, Кэсси, вообще-то, у меня здесь и своих дел полно. Я не слежу за тем, что происходит в офисе.

Она определенно избегала этой темы. Разговоры об IMAGEN относились к кругу тем, которых они обычно не касались. Договоренность негласная, но всегда выполнялась непреклонно, и Кэсси никогда не завела бы такой разговор, если бы не тот факт, что ее подруга уже шесть месяцев в декретном отпуске, и есть шанс, что материнство могло притупить ее профессиональное «я» настолько, что удалось бы разговорить ее.

Обратная сторона заключалась в том, что если Харри и расскажет ей какие-то новости, то только хорошие.

– Понимаешь, в интернете было много версий, – проговорила Кэсси, – почему такое могло случиться. И это только те, что попались мне на глаза.

– Я ничего об этом не знаю. – Харри взяла печенье, разломила его пополам и положила половинку обратно в пакет. – К этой стороне дела я вообще не имею отношения.

Кэсси почувствовала, что пора отказаться от своего замысла. Сменить тему разговора, поболтать о чем-то незначительном, нейтральном. Порадоваться встрече с подругой, а не вести себя как агент под прикрытием. Это даже не игра в шпионов – руководство оперативниками, передача секретных документов. Это был другой вид шпионажа, манипулятивный и грязный. Прикрыв глаза, она подумала об Алане в безопасной палате, о конфиденциальности его лечения. О его расцарапанной до крови голове. О его мокрых щеках.

– Люди интересуются, это результат продаж, сфокусированных на международных проектах, или что-то более непредвиденное…

На лице Харри появилось беспокойство:

– Брось, Кэсси, ты же знаешь, что я не могу говорить об этом. Понимаю, тебе очень тяжело. Трудно признаться себе, что осталась не у дел. И все еще представляешь, будто добросовестно выполняешь свою работу, и ты всегда ответственно выполняла ее. Компания старается развивать у сотрудников чувство, что IMAGEN – одна

большая семья, именно так они заставляют нас работать наиболее эффективно. Но это не твоя семья. И никогда не была ею. – От сочувствия выражение ее лица стало мягче. – Это была всего лишь твоя работа. Ты потеряла только работу.

У Кэсси перехватило дыхание. Она отхлебнула немного чая и с трудом проглотила его вместе с болезненным комком в горле. *«Понимаю»,* – сказала Харри. Ничего-то она не понимает! С чего ей понимать?

– И вообще, о международных проектах ты знаешь не меньше меня, – продолжила Харри. – Особенно если учесть, что моя работа всегда фокусировалась на внутреннем рынке.

Кэсси, пожалуй, сдалась бы, если бы Харри не проговорилась. Ведь если IMAGEN готовилась к зарубежной экспансии, как и планировалось, Харри, несомненно, работала на этих проектах до того, как ушла в декрет. Крошечный обрывок информации – всего лишь намек, что у нее еще есть шанс узнать что-то полезное. Вопрос в том, что она должна спросить? И снова вспомнился Алан с расцарапанной, незаживающей раной за ухом.

– Говорят, приемники следующего поколения можно имплантировать…

Харри резко встала.

– Айша проснулась, – сказала она и поспешно вышла из кухни.

До Кэсси доносилось только пение Руби.

Она сидела на кухне одна и искренне удивлялась собственному идиотизму. Харри же до ненормальности предана и компании, и ей. Как можно было пренебречь этим? Именно благодаря преданности Харри их дружба не оборвалась во время конфликта. Харри легко могла бы позволить Кэсси просто исчезнуть из своей жизни. Как поступили все другие бывшие коллеги – и те, кого она считала друзьями, и просто знакомые. Но Харри не позволила. И единственный способ сохранить их дружбу заключался в соблюдении запрета на контакты, несмотря на то что, по сути, они нарушили его. Они никогда не обсуждали, что произошло. Потрясение, да. Помрачение, да. Последствия. Но не как Кэсси дошла до этого, и ни слова, ни полуслова о жизни и работе Харри в компании после увольнения подруги.

– Где моя мамочка?

Руби стояла в дверях, прижимая к себе книжку с картинками.

– Ушла наверх. Малышка Айша плакала.

– Она всегда плачет, – произнесла Руби с презрением. – Все время плачет, плачет и плачет. И еще ей всегда нужен новый подгузник.

– А ты не плакала, когда была маленькой?

Руби решительно помотала головой: влево-вправо-влево.

– Нет, я не плакала, и это было очень давно.

– Ты никогда не плакала, ни разу?

Но Руби уже потеряла интерес к этому разговору. Она подошла к Кэсси и протянула ей книжку, которую принесла.

– Можешь прочитать ее?

– Сейчас? Ты хочешь, чтобы я почитала тебе? Хорошо. – Кэсси взяла книжку. «*Совёнок, который не хотел летать*». – Гм… где ты хочешь сесть?

Очевидно, не на коленях у Кэсси. Девчушка забралась на стул матери, а Кэсси развернула свой так, чтобы они могли рассматривать картинки вместе. Она переворачивала страницы, показывая на картинках то, о чем читала: Луну, лестницу, совенка, и говорила за персонажей забавным голосом, за каждого другим. Разные голоса оказались для Руби в новинку. И она больше смотрела на Кэсси, чем на картинки.

– Конец. – Кэсси закрыла книгу.

Руби смотрела на нее большими карими глазами.

– Нет, не конец, давай придумаем продолжение.

– Давай. И что, по-твоему, будет дальше?

– Совенок полетит до самой Луны, и… – Руби внезапно застеснялась и замолчала, накручивая на палец прядь волос.

– А когда он туда доберется, то встретит семью космических сов, – подсказала ей Кэсси. – Они дадут ему скафандр и накормят сушеными замороженными червяками…

– Космическими червяками, – добавила Руби. Сморщив носик, она закрыла глаза. Ей очень нравилась эта игра. Кто бы мог подумать!

– Да, космическими червяками. А затем…

– Он будет скучает по дому, полетит домой, а потом найдет свою маму, и конец. – Глаза Руби снова широко распахнуты.

– Отличная история, – похвалила девочку Кэсси.

Сверху донеслось поскрипывание лестницы.

– Ага, и у меня есть еще. Можешь прочитать ее мне. – Руби соскользнула со стула и убежала за другой книжкой.

Кэсси еще раз пролистала книжку. Элле такая, пожалуй, понравится: ее племянница всего на год старше Руби, и у нее скоро день рождения. На кухонной стойке лежали ручка и небольшие полоски бумаги для составления списков покупок. Не доверяя памяти, Кэсси взяла листок и записала название и автора.

Из коридора донесся голос Харри:

– Руби, что ты там делаешь? Ты не надоедала Кэсси?

Поток протестов Руби возвестил о возвращении обеих на кухню. Харри принесла Айшу.

Кэсси сунула записку в карман.

– Харри, извини, забудь, пожалуйста, все, о чем я тебя спрашивала. Я вела себя, как идиотка.

– Да все нормально, – покачала головой Харри. – Не волнуйся. Эй, поздоровайся с нашей Айшей! Хочешь подержать? – Она протянула ребенка Кэсси. Та положила малышку на руку и дала ей палец.

– Привет, красавица…

От ее тепла и тяжести Кэсси почувствовала, как сжимается грудь. Айша обхватила ее палец четырьмя пальчиками, крошечными и влажными. Малышка моргала, терпеливо слушая комплименты, а Кэсси вдыхала теплый запах младенца, пока грусть не переполнила ее. Тогда она передала девочку обратно Харри, почти неловко обняв ее. Они обе притворялись. И, если будут притворяться достаточно усердно, возможно, все обойдется.

– Еще чаю? – Харри по-прежнему стояла у самой двери.

– Спасибо, я лучше пойду, – сказала Кэсси. – А ты попей чаю. Отдохни немножко!

– Мечтать не вредно… Скоро надо кормить Руби. И тебя! – Лицо Харри осветилось улыбкой, и Айша заулыбалась, словно в ответ. – Ну конечно! Ты ведь тоже хочешь покушать? Экскурсия по дому, похоже, откладывается на следующий раз, – сказала она Кэсси, когда они выходили в прихожую. – Наверху беспорядок, некоторые коробки даже не распакованы… Слушай, а как твоя сестра, ее детки?

– В полном порядке. Все отлично. А Тим, как он?

Под журчание светской беседы они подошли к входной двери. Прощальные объятия, будто ничего не случилось. Кэсси улыбнулась

подруге.

– До скорой встречи, – сказала она.

– Спасибо, что пришла. – Харри выдержала пристальный взгляд Кэсси. – Береги себя, ладно? – И она медленно закрыла дверь.

Глава тринадцатая

Путь обратно в город, по разбитым дорогам, превратился в целое приключение: опустив голову, Кэсси быстро крутила педали, только успевая стряхивать с глаз капли дождя. Мимо, слишком близко, пронесся, сигналя, микроавтобус. Она буквально могла дотронуться до него – ударила его ладонью. Не отставая, она бормотала себе под нос его регистрационный номер, понимая, что в следующее мгновение, как только он исчезнет из виду, он исчезнет и из памяти, но даже если потом вспомнится, то последнее, что ей придет в голову, – это обратиться в полицию. Если написать заявление, ее имя занесут в протокол, но ничего не будут делать: у них и так едва хватает людей для расследования по-настоящему серьезных преступлений. Но, хлопнув ладонью по близко проехавшей машине и выругавшись, она почувствовала себя лучше. Когда же Кэсси добралась до книжного магазина, зажатого между пустующим многоквартирным домом и магазином одежды с кричащей вывеской «все должно уйти», она уже немного успокоилась.

Детская секция, с яркими креслами-мешками и картонными персонажами – принцессами и пиратами, животными и инопланетянами, спряталась в углу. Кэсси прошла прямо к стенду с книжками для малышей. До пятого дня рождения Эллы остается еще неделя. На четвертый день рождения Кэсси ничего не подарила ей. Тогда она почти не понимала, лето было или зима, и постоянно выпадала из реального времени, не различая месяцы, недели и дни, делавшие этот мир стабильным. Поэтому она забыла о дне рождения племянницы. А когда через несколько недель до нее дошло, что она натворила, то убедила себя, что ничего страшного не случилось, поскольку Мэг перехватила бы любой подарок от сестры и отнесла бы его прямиком в благотворительный магазин.

Вероятно, Мэг поступит также и с «*Совенком, который не хотел летать*», но Кэсси все равно купит книжку. Выяснилось, что книжек про совенка целая серия, и Кэсси сомневалась, имеет ли значение, какая история будет первой, но в конце концов она выбрала ту, которую читала Руби. Еще ей хотелось купить поздравительную

открытку, но после покупки книги у нее останется на следующие четыре дня три фунта стерлингов сорок восемь пенсов. А ведь книгу надо еще упаковать и отправить по почте!

На мгновение в голове промелькнула мысль залезть в свой долговой фонд – взять десятку или хотя бы пятерку. Хотя почти три фунта за поздравительную открытку, это уж слишком! Может, она и почувствует себя хорошо, удовлетворив свое желание, но детей ровным счетом никак не защитит. А именно поэтому на рабочий стол планшета поставлена фотография Финна и Эллы, сделанная неизвестным фотографом. Для постоянного напоминания ей об опасности, которой она могла подвергнуть их.

Только один-единственный раз она просрочила выплату по кредиту: в тот месяц она переехала в социальное жилье и закрыла свой старый банковский счет, думая, что таким образом сможет избежать долга. Угроза пришла быстро и эффективно. «Доверенные финансовые решения» могли и не знать, где она теперь живет, но она забыла, что им известно, где живет ее сестра. По электронной почте ей выслали фотографию детей, играющих на заднем дворе. Элла сидела на корточках, поглощенная чем-то в траве, может быть, божьей коровкой. Она любила рисовать их, называя детками божьей коровки. Финн стоял рядом с ней, держа в руках палку, которая, несомненно, была мечом или волшебной палочкой. Снимок очаровывал: такие обычно вешают в рамочке на стенку. На секунду Кэсси даже растерялась. Наверное, фотографию делала Мэг. Ее захлестнула волна облегчения и благодарности за то, что сестра простила ее. А потом она поняла. И облегчение сменилось страхом, благодарность – чувством вины. Не прошло и минуты, как она сделала ответный платеж и поставила присланную фотографию на рабочий стол планшета в качестве напоминания. Постоянного напоминания о своей ответственности.

С тех пор каждый месяц она платила вовремя.

Последнее время она проводила так много времени в квартире Льюиса, со всеми ее акрами полированных полов, что ее комната показалась меньше и грязнее, чем когда-либо. Кэсси прислонила к стене мокрый от дождя велосипед. Проверила липучки на наличие попавшихся насекомых: только пара тараканьих детенышей размером с тыквенные семечки. Хотелось взять липкие листки за край и выбросить их в мусоропровод, но это была бы пустая трата – на них

еще много свободной липкой поверхности. Оставив тараканьи тела там, где они лежали, она отвернулась от кухонной стойки, чтобы не видеть их.

Она потрогала пальцем почву в горшке зонтичного растения: еще не слишком сухая. Хотя совсем чуть-чуть влаги не помешает. А вот слишком обильный полив мог убить так же легко, как и слишком скудный. Отступив назад, Кэсси внимательно осмотрела листья и осталась довольна их блеском и тем, как хорошо она ухаживала за растением.

– Ты отлично справляешься, – проговорила она вслух, помня, что растения любят, когда с ними разговаривают.

Несколько шагов – и вот она уже была в своей берлоге под кроватью. Она села по-турецки, положив *«Совенка, который не хотел летать»* на одно колено, и взяла шариковую ручку. Посасывая кончик ручки, она задумалась. Затем быстро написала:

> *Дорогая Элла, надеюсь, ты полюбишь эту книжку. Я выбрала ее специально для тебя, решив, что тебе понравится совенок. Его ярко-красные ножки напоминают мне твои в красных шерстяных колготках. Я всегда помню, как круто выглядят твои красные ножки. Надеюсь, мы когда-нибудь прочитаем эту историю вместе. Желаю тебе много любви и очень счастливого дня рождения! Скучаю по тебе. Тетя Кэсси.*

Книга отправилась в мягкий конверт, а конверт – в ее сумку.

Кэсси оперлась спиной о хлипкую стену, стараясь не думать о насекомых, которые жили внутри, под обоями. Сосед разговаривал по телефону. *«Ты, сука, это сделаешь,* – кричал он. – *Я, сука, не буду этого делать»*. Она могла выбраться отсюда, поехать к Льюису. Он бы утешил ее. В прошлый раз он дал ей связку ключей, чтобы, когда его нет дома, она могла войти и, свернувшись калачиком в его постели, дожидаться его. Но, если она увидит его сегодня вечером, ее утешение смешается с обидой. Хотя он-то в чем виноват, что она чуть не разрушила дружбу с Харри? Она же не из-за него изображала детектива, но обвинить другого легче, чем себя.

Она позволила себе переместиться чуть дальше по стене, уверенная, что у соседа можно чем-нибудь разжиться. Клиенты приходили к его двери в любое время суток, но оставались только на минуту-две. Она сказала Льюису, что, кроме Игры Воображения, у нее нет других зависимостей, и это правда. Но когда мир становился слишком жестким, не оставляя места для нее, когда неудачи навалились так плотно, что от их тяжести было не продохнуть, тогда находились и другие способы снять напряжение.

У соседа можно разжиться халявой. В качестве приветствия новому клиенту, особенно если учесть, что она живет рядом. Или, если с халявой не получится, может, он продаст ей что-нибудь подешевле. Поднявшись на ноги, она постояла, прислушиваясь. Он все еще с кем-то спорил по телефону. Она дождется, пока он закончит разговор, а затем пойдет к нему и спросит. Кэсси подошла к двери и взялась за щеколду. Дожидаясь тишины. Вот оно: тихо уже тридцать секунд, минуту. Она отперла дверь и тут же услышала, что он закрывает свою. На секунду увидела соседа, направлявшегося к лестнице. Услышала его удаляющиеся шаги.

Она снова закрыла дверь. Заперла ее. И какое-то время стояла, опустив голову и крепко обхватив себя руками. Потом достала из комода одну из старых футболок Алана, забралась по лестнице на кровать и прямо в одежде нырнула под одеяло. Всего на несколько минут. Позже она встанет и пойдет готовить тосты и чай без молока.

Футболка прижата к лицу. *Счастливые будни прекрасны*. Несколько минут в безопасности под одеялом, только дождь барабанил по оконному стеклу, усеивая все точками, будто хотел сказать о’кей. И будто все так и было о’кей…

О ’кей…

О ’кей.

Глава четырнадцатая

Наверное, есть теория, что прямые линии вредны для обучения. В библиотеке столы имели форму почек, скамейки и перегородки тоже были изогнуты. Но округлые линии или нет, все попытки Кэсси сосредоточиться на исследовании неизменно сводились к безутешному осознанию ограниченности ее интеллекта.

Она начала с конспектов отчетов биотехнологов, работавших над прототипом Игры Воображения на основе ранних итераций технологии, разработанной для применения в медицинских учреждениях. Но от обилия текста знаний не прибавлялось. Закрыв глаза, она на минутку откинулась на спинку стула. Неужели она обманывала себя, решив, что разберется во всем этом?

– Я считал, мы встречаемся внизу?

Кэсси резко открыла глаза и повернула голову. Рядом стоял Никол.

– Вот дерьмо! Прости, пожалуйста. – Часы на экране показывали 10:23, а они договорились встретиться в десять. – Задумалась немного.

– Прямо картина маслом. – Тон Никола остался невозмутимым.

Кэсси скорчила гримаску, неуверенная насчет сарказма в его голосе. Текст, по которому она пробиралась, был напичкан абстракциями и незнакомыми терминами, заставлявшими ее мозги завязываться в узел. Но, возможно, именно таким Никол и представлял себе легкое чтение.

– А что за задание? – спросил он.

– Да так… личный интерес.

– Круто, – кивнул Никол. Бросив рюкзак на стол, он сел рядом с ней и достал карту памяти. – Есть еще заказы?

– Откуда? Каникулы же! – Кэсси покачала головой. Библиотека была местом их встреч в дождливый день, и сегодня здесь жутко тихо и безлюдно, у стеллажей никого не видно. Студенты исчезли в поисках работы, если повезет, в сфере гостеприимства и в колл-центрах, остальным – уборка или танцы в стрип-клубах; возможна работа на стройке, если удастся отыскать не законсервированную. Оставались только самые состоятельные, закреплявшие свои оценки дополнительными занятиями. – Помнишь, в прошлом году, когда

начались летние школы, заказов было еще меньше? – Она вставила карту памяти в свой планшет, скопировала файлы и перевела деньги Николу.

– Тогда я, пожалуй, отдохну пока. Кстати, ты сгорела, знаешь?

– Да?

– На солнце. Надо с этим поаккуратнее. Есть признаки повреждения кожи.

– Ладно, к счастью для моей кожи, в обозримом будущем у нее нет шансов на дальнейшее повреждение. Спасибо за заботу.

– Не за что. – Никол наклонился к монитору. – Но это же не твоя научная область, да?

– Ну… Есть немного. – Кэсси провела рукой по волосам, будто таким образом могла сквозь череп помассировать мозг, который отказывается работать. – Тебе когда-нибудь доводилось чувствовать себя самым тупым в классе?

– А, ты об этом! Согласен, текст тяжелый. Но так везде бывает. И в психологии, и в других областях могут быть темы, в которых ты, к примеру, разбираешься легко и просто, а я ни в жизнь не пойму в них, что к чему.

– Очень сомневаюсь, что ты можешь в чем-то не разбираться.

– Я во многом не разбираюсь, – спокойно парировал он. – Достаточно во многом. – Никол встал и закинул рюкзак на плечо. – Как сказал один китаец: «Пойми, как мало ты знаешь, и это начало мудрости».

Кэсси удивленно вскинула бровь:

– Тогда я самая мудрая женщина на земле.

– Но если понадобится что-нибудь перевести, о мудрейшая, с технического языка на простой английский…

– Спасибо, – сказала она, – может, ты и получишь эту работу.

Никол ушел, а она закрыла страницу, которую изучала, и переключилась на более доступные ее пониманию источники: New Scientist, Financial Times, Economist и прочие влиятельные издания. Она пролистывала бесконечные статьи об Игре Воображения и IMAGEN, пытаясь отыскать конкретные факты. Пробегала глазами по объявлениям о государственном финансировании, по ключевым вехам, по цунами рекламы вокруг запуска первой в мире настоящей виртуальной реальности. Там были данные о компании, объясняющие,

что IMAGEN создавалась для монетизации новаторских академических исследований. Индивидуальный профиль профессора Морган, «матери виртуальной реальности». Восторженные заявления о ведущей мировой технологии и всесторонний анализ экономического воздействия. Пара отчетов, пытавшихся создать противоречие по поводу решения Департамента инноваций лицензировать Игру Воображения как развлекательную технологию, несмотря на инвазивные аспекты ее функционирования; несколько попыток разоблачения от активистов, боровшихся за сохранение конфиденциальности личных данных, и от «Кампании за Реальную Жизнь». IMAGEN подняла всю экономику. IMAGEN стала спасением нации. IMAGEN превратила нас всех в нарциссических зомби. Ничего нового. Это и так уже известно всему миру.

Проблема заключалась в том, что она не совсем понимала, что именно ищет. Но иногда случались и такие исследования, по крайней мере, у нее. Ищешь вслепую, пока вдруг не поймешь: вот оно! Вот она и искала, как крот: копала во всех направлениях сразу, записывала все, что читала, чтобы не ходить по кругу, и верила, что в конце концов поймет, что именно она надеялась отыскать.

Ее внимание привлекла статья двухлетней давности в технологическом приложении к Observer, под заголовком «Виртуальная отдача от реальных государственных инвестиций».

> *IMAGEN становится большой надеждой биотехнологического сектора, благодаря массированным правительственным субсидиям, но какой доход следует ожидать налогоплательщику?*
>
> После краха нескольких британских высокотехнологичных стартапов трудно переоценить, насколько сильно зависит успех Игры Воображения, новаторской разновидности виртуальной реальности от IMAGEN.
>
> На этой неделе объявлено о дальнейших государственных инвестициях в размере 10 миллионов фунтов стерлингов в расширение и коммерциализацию запатентованной технологии компании, которая, по

прогнозам экспертов отрасли, может найти применение в различных областях – от образования и здравоохранения до обороны.

Игра Воображения уже получила положительные отзывы, и мы изучаем потенциал ее влияния на правила игры в пяти ключевых областях: здравоохранение, образование, спорт, оборона и секс.

Здравоохранение

Будущее… Технология виртуальной реальности предоставляет огромные возможности для новых способов лечения и оказания услуг. Пациенты, страдающие от хронических болей, смогут найти облегчение в воображаемых безболезненных виртуальных переживаниях; виртуальная реальность также может облегчить пребывание пациентов в конце жизни в хосписах. Есть предположения, что модель Игры Воображения может в конечном итоге широко использоваться поставщиками услуг в области психического здоровья в качестве мощного терапевтического инструмента. Например, «управляемые истории» помогали бы пациентам, получившим травмирующие переживания, заменить их другим, более положительным опытом.

Настоящее… Технология виртуальной реальности, запатентованная компанией IMAGEN, уже тестируется для управления болью, но есть этические проблемы, связанные с ее использованием в сфере паллиативной помощи. Особенно это касается пациентов, страдающих деменцией: в идеале технология должна позволять медицинским работникам контролировать качество виртуального опыта, который переживает пациент. Точно так же и терапевтическое применение управляемых историй потребует от врачей подключения и общения с пациентом в виртуальной реальности и в конечном счете контроля за виртуальным опытом пациента.

Вероятность: 2/5.

Рентабельность: 4/5.

Образование

Будущее… Разработка учебных материалов, которые позволили бы сократить траты на дорогостоящее оборудование и поездки, открыв для всех доступ к зарубежным полевым практикам, посещению удаленных объектов, участию в сложных научных экспериментах и т. д. Иммерсивное эмпирическое обучение может раскрыть потенциал детей, испытывающих трудности в обучении, такие, как дислексия. Возможно, наиболее революционной возможностью является оценка потенциала и результативности в творческих областях путем анализа нейрологических данных студентов, поощряя непосредственные творческие навыки и потенциал, наряду с более традиционными творческими результатами. Студент, изучающий хореографию, может быть оценен во время виртуального балета с участием сотен танцоров; студент, изучающий архитектуру, может представить виртуальное здание в масштабе и в трех измерениях.

Настоящее… Сейчас нет способа интегрировать заранее задуманные образовательные элементы с виртуальным опытом индивидов, а методы анализа нейрологических данных являются рудиментарными. Нам предстоит пройти долгий путь, прежде чем мы сможем в полной мере оценивать или даже просто делиться друг с другом опытом, полученным силой воображения.

Вероятность: 4/5.

Рентабельность: 3/5.

Кэсси моргнула несколько раз, в глаза словно песок насыпан. Статья вышла два года назад, а технология образования по-прежнему прочно пребывала в настоящем. Вместо того чтобы бродить между виртуальными стопками книг и другой научной литературы, которые выстраивались бы и перестраивались в соответствии с ее мыслями, она сидела в библиотеке и читала статьи на экране компьютера. Университеты выжидали и наблюдали: вложив миллионы в устаревшие кампусы Second Life[17] и еще миллионы в неуклюжие гарнитуры, которые ненадолго пообещали стать будущим виртуальной

реальности, они боялись, что их снова нагреют. Краем глаза она что-то заметила: какое-то мерцание – то ли от экрана, то ли от потолочных ламп, гудевших над головой. Когда она смотрела прямо на экран или на лампу, сияние снова становилось ровным; возможно, мерцание происходило только внутри нее. Ее собственное мерцание. Здесь – не здесь – здесь… Она провела рукой по волосам. Вырезала статью, которую читала, чтобы позже внимательно изучить ее, и провела пальцем по экрану, отыскивая в результатах поиска следующий заголовок, который привлек бы ее внимание.

Последствия переподключения чувства кворума на клеточном уровне. Чувство кворума: этот термин попадался ей пару раз сегодня утром. Она навела курсор на словосочетание, чтобы посмотреть определение.

Явление, при котором микроорганизмы общаются и координируют свое поведение путем аккумулирования сигнальных молекул.

Незнакомая формулировка. Она занесла руку, собираясь поискать более подробную информацию, и опустила ее. Периферийное зрение снова уловило мерцание: здесь, не здесь, здесь…

Не здесь.

Кэсси вышла из системы, отодвинула стул и направилась к выходу.

* * *

Дневной свет снаружи был серым и ровным. Кэсси устроилась на невысокой стенке-ограждении, наполовину защищенной от моросящего дождика бетонным навесом, и свернула папиросу – одноразовую бумажку с тонкой полоской табака. Сидела, ничего не делая, только вдыхала и выдыхала дым, вдыхала и выдыхала… Ничего не делала, но чувствовала себя человеком, ощущая на коже мельчайшие капельки дождя и ветер, шевеливший распущенные волосы. Немногочисленные студенты летних школ сидели, прогуливались, улыбались и болтали по своим гаджетам, слепо двигаясь в пространстве. Две китаянки устроились на скамейке под одним зонтиком и о чем-то доверительно разговаривали. Кэсси

прижала руки к глазам, сухим от долгой работы за компьютером. Глупо. Так глупо без всякой причины рисковать дружбой и ее единственным другом. Следовало подойти иначе, хорошенько обдумав, что за человек Харри. Вспомнить о ее ценностях, лояльности, доброте. Надо было попросить о помощи, а не пытаться вытянуть из нее подробности, о которых Харри, по всей вероятности, даже не подозревала. Тоже мне эксперт-диверсант! Теперь придется ждать, пока Харри выйдет на связь, чтобы узнать, сожгла она еще один мост или нет. *Береги себя, ладно?* Она заморгала и открыла глаза. Под зонтиком одна девушка наклонилась к подруге, их плечи касались друг друга. Одна улыбка, две улыбки. Смех.

А может, не нужно ждать. И стоило самой сделать первый шаг – послать Харри сообщение? Когда она доставала планшет, из кармана выпал смятый клочок бумаги. *«Совенок, который не хотел летать»*. Кэсси наклонилась и подняла бумажку. На обороте – фотография бабочки, у которой нет одного крыла, и какой-то отрывок текста:

> *– ПО МЕСТУ ТРЕБОВАНИЯ*
>
> *– исключительно для уполномоченного получателя; может содержать конфиденциальную или юридически привилегированную информацию. Любое использование без явного согласия отправителя…*

Стандартное заявление о конфиденциальности электронной почты. Кэсси сунула листок обратно в карман, включила планшет, пропустила рекламу сайта знакомств: *«Регистрируйтесь бесплатно*, не оставляйте любовь на волю случая»* и начала писать сообщение Харри.

Внезапно она оборвала фразу на полуслове.

Та бабочка. Она что-то напомнила ей. Где-то она ее видела.

Достав листок, Кэсси внимательно изучила рисунок и фрагмент текста под ним. А ведь она видела эту бабочку совсем недавно! Во всяком случае, очень похожую. Но чем дольше она смотрела, тем больше в ней крепло ощущение, что она окончательно ничего не понимала. Сохранив сообщение для Харри, она открыла свои последние заметки, скопированные в библиотеке.

ВИРТУАЛЬНАЯ ОТДАЧА ОТ РЕАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

IMAGEN становится большой надеждой биотехнологического сектора… мы изучаем потенциал ее влияния на правила игры в пяти ключевых областях: образование, здравоохранение…

Вот оно. Здравоохранение. Она перескочила сразу к соответствующему разделу.

…модель Игры Воображения может в конечном итоге широко использоваться поставщиками услуг в области психического здоровья… терапевтическое применение управляемых историй потребует от врачей подключения и общения с пациентом в виртуальной реальности и в конечном счете контроля за виртуальным опытом пациента. Вероятность: 2/5.

Внезапно она выпрямилась, очистила экран и начала записывать. Она еще не понимала, что это значит, сложатся ли эти отдельные части в единое целое, но…

Игра Воображения

…она должна поймать мысль, пока та не ускользнула. Пунктирная линия:

«Рафаэль-Хаус».

Бабочка, почти такой же силуэт. Буквы внизу:

Медицинская группа «Хризалис»[18]?

Еще одна строчка, еще одна запись:

Врачи подключаются к пациентам?

Четвертая строчка, и она добавила обрывок определения, какой смогла вспомнить:

Микроорганизмы общаются…

Кэсси остановилась. Она сидела и в упор смотрела на экран, но в голове крутилась только беспокойная мысль о пересохшей коже губ.

Теперь она поняла, что произошло, что происходит.

Она добавила пятую строчку – одно заключительное слово:

Алан.

Она смотрела на то, что получилось, простое и ясное, как детский рисунок солнца.

Глава пятнадцатая

Признай, просто признай, что это правда.

Она вынуждена двигаться, потому что в голове бродили мысли, слишком безумные, чтобы сидеть с ними на одном месте. По коже словно пробегали крошечные электрические разряды, от которых она подергивалась.

Микроорганизмы общаются.

Микроорганизм – как биомолекула. Как, например, биомолекулы, составляющие основу Игры Воображения.

Возможно ли такое? Общение в Игре? В долгосрочной перспективе компания IMAGEN делала ставку именно на режим взаимодействия и двусторонней связи между пользователями. Но получалось, что они намного опередили свои планы, принятые еще во время ее работы в компании. Опередили как минимум на десять лет.

Допустим, она угадала правильно. *Микроорганизмы общаются. Врач общается с пациентом.* Что именно тогда должно происходить?

Для начала, какими фактами она располагала.

Алан. В отчаянии, в муках, в таком состоянии, какого она никогда раньше не видела. Он копался у корня своей боли, пытаясь вырвать ее.

Рана за ухом, длинные пряди торчащих волос. Между кожей и бугорком кости – тонкий мышечный слой. Приемник там, и, скорее всего, совсем крошечный. Тонкий и узкий. Даже элегантный.

Она шла, инстинктивно избегая столкновений, почти не замечая мокрых улиц, студентов, выныривающих, словно утята, в моросящий дождь. Мысленно она видела мышей. Белых мышей в террариумах из оргстекла, под лампами дневного света. Гнезда из рваной бумаги в отдельных прозрачных кубиках. Будто односпальные кровати в пронумерованных палатах клиники «Рафаэль-Хаус».

Алан был подопытным.

И не только он. И женщина в комнате отдыха, которая скребла голову под убранными в хвост волосами. Может, даже все пациенты, запертые в этом отделении.

И если они подопытные, в чем же заключалось исследование? *Терапевтическое применение потребует от врачей подключения и*

общения с пациентом… в конечном итоге контроля за виртуальным опытом пациента. Вспомнилась программа из двенадцати шагов и та ее часть, на которую она сама никогда не купилась бы: обещание спасения от безумной зависимости. Шаг второй: *мы верим, что сила, превосходящая нас самих, может вернуть нам рассудок*. Доктор в голове Алана. Психиатр, живущий в его безумии и пристально наблюдающий за его искаженным миром. Он придавал этому миру форму. Поправлял его. Он слышал голоса в голове Алана, направлял его видения, работал изнутри. Погруженный в сознание Алана, он, как инженер, переподключал его. Разрезал одни связи и восстанавливал другие. Он чинил мозг Алана. В конце концов, компания IMAGEN именно с этого и начинала: самое первое свое финансирование они получили на исследования, направленные на разработку терапевтических приложений с применением технологии виртуальной реальности.

Поразительная идея. Если бы она сработала… Представить невозможно все это безумие, одинокое страдание. А тут умы приводили в порядок. Чинили поврежденные фрагменты.

Что-то сдавило ее грудь изнутри, и горло издало тихий звук, который она изо всех сил постаралась проглотить.

Но… но не сработало. Ведь так? Потому что Алана не починили. Ни то тело, ни тот мозг, который прячется и спрятан, заперт за дверями, еще раз за дверями и снова за дверями. Таким разбитым она не видела его никогда.

Нет, исследование провалилось. Что-то пошло не так.

И теперь уже не придушенный всхлип пытался вырваться из нее, но медленное, тяжелое разраставшееся чувство ярости.

Дело в том, что, похоже, все замяли. Да, что-то пошло не так, очень сильно не так, но никому до этого и дела не было.

Если так-то подумать, гениальная идея.

Контингент, неспособный подать в суд, если все пойдет прахом. Подопытный, неспособный даже пожаловаться; пациент, чья связь с реальностью настолько слаба, что, когда он лепетал о том, что происходило у него в голове, врачи просто выписывали еще одну порцию таблеток, еще один нокаутирующий удар. А семьям нравились льготы в виде освобождения от платы за пребывание в клинике их

близких, таких защищенных от неудачной государственной опеки и пребывавших в наиболее благоприятных условиях.

Здорово смахивало на теории заговора, которые так обожал Никол. Она проработала столько материалов, но ей ни разу не попалась информация о медицинских экспериментах IMAGEN. Способны ли на такое врачи в «Рафаэль-Хаусе»? Психиатры, чей долг – забота об их пациентах? Возможно, да, если они на самом деле поверили в проект. Поверили, что эта технология позволит им лечить и исцелять пациентов, как никогда раньше.

Она замедлила шаг, затем остановилась на пару секунд. А после, не думая, зачем и куда идет, обошла университетскую площадь и очутилась у подножия Башни Брей. Сияя белизной, здание устремлялось ввысь, обещая омолодить всю округу, но вместо этого заставляло своих соседей ежедневно выглядеть на их реальные сорок или пятьдесят лет. Башня была университетским корпусом и не являлась официально связанной с IMAGEN. Но именно в ней родилась Игра Воображения. Когда для практического применения результатов академических исследований создали коммерческую компанию IMAGEN, именно на этом основании воздвигли Башню Брей. И с тех пор, как Кэсси выкинули из компании на улицу, она ни разу не подходила к Башне настолько близко. И вот она стояла в шаге от здания, буквально на расстоянии вытянутой руки. Но она держала руки, сжатые в кулаки, в карманах. Если бы она действительно дотронулась до Башни, то почувствовала бы ее поверхность, ледяную, идеально гладкую; словно айсберг, она простиралась этажами в темную глубь под ногами и была намного больше, чем можно было увидеть со стороны.

Похоже, она права, и такой вариант для IMAGEN являлся беспроигрышным. Если бы апробация исследований прошла успешно, далее последовали бы пилотные программы, лицензия на терапевтическое применение, огромные доходы от бюджетов здравоохранения здесь и в США. А если неуспешно? Ну может, это и не победа, но уж точно компания ничего не теряла; ничего важного, по крайней мере.

И вдруг она вспомнила: Льюис! Разве это не то, что он искал? Если IMAGEN проводила клинические испытания с подопытными, чье психическое состояние не позволяло им дать информированное

согласие, и эти испытания оказались провальными, что ж, тогда вот он, его главный козырь. Обратившись в компанию, он мог бы поставить их перед выбором: или они позволяют ему вернуться в Игру Воображения, или он все расскажет миру. В любом случае они прекратят испытание. Будут вынуждены пойти на это. Слишком рискованно продолжать после утечки информации. Они уберутся из головы Алана, дадут задний ход всему, что сделали. И хотя Алан по-прежнему будет потерян для нее, запечатан в себе, в собственной нереальности, его мучения прекратятся, что бы не вызывало их, причиняя такую боль, что он расцарапывал кожу до крови.

Только у нее не было доказательств. Одна непоколебимая уверенность никого не убедит, разве что Никола и его коллег – фанатов теорий заговора. Более того, она обнаружила, что не верит Льюису, несмотря на все его разговоры и тоску по Игре Воображения. Здесь ситуация была посерьезнее, чем озеро со знаком «Опасно», и если Льюис не напуган, то лишь потому, что никогда не сталкивался с жестокостью IMAGEN, не прочувствовал ее на своей шкуре, как она. Разрушенная карьера, непроходящий страх преследования, и за что? Она нарушила контракт, да, и потеря работы была справедливой расплатой, но она не причинила компании никакого реального вреда. И все же они сделали все возможное, чтобы уничтожить ее.

Над ней десятки глаз сверлили поверхность здания. Сверкающая иллюзия открытости. Стоя на земле, она не могла заглянуть внутрь. Но изнутри видно, что происходит снаружи.

Все ее поиски до настоящего момента начали обретать смысл. Визит к Харри. Изучение материалов в библиотеке. Связь с Льюисом. Все это, как можно догадаться, незначительно. Она ничего не значила для компании, зачем им следить за ней? Да и какое их дело? Она в безопасности благодаря своей незаметности.

Но теперь любое действие станет шагом к свету.

Поверхность Башни Брей такая гладкая и строгая, что взгляд скользил по ней, ни за что не цепляясь. И там, на самом верху здания, обитали тайны. В кабинете со стеклянными стенами, в голове женщины, с которой Кэсси встречалась всего однажды, в своей прежней жизни. Женщины, которая, возможно, прямо сейчас смотрела на нее из окна своего кабинета. Смотрела сверху вниз.

Она опустила взгляд. Повернулась и пошла прочь.

В ближайшем магазине косметики Superdrug Кэсси изучила свое обрезанное отражение в мутной полоске зеркала; выбрала ярко-розовый тестер губной помады и накрасила губы. Зависнув у стенда с тенями, она притворилась, что выбирает нужный оттенок, пока охранник не перешел в соседний проход. Взломав пластиковую печать на тюбике туши, которая обещала объем XXX-ультра, она украдкой нанесла ее на свои белесые ресницы. Она не пользовалась косметикой уже сто лет, и сейчас ей хотелось нарисовать целую маску, используя тональный крем, тени для век, румяна и все остальное. Но рядом маячил охранник, и ей пришлось ограничиться ресницами и губами.

Вернув тушь обратно на стенд, она выудила из недр сумки заколку и закрутила волосы в узел на затылке. В полоске зеркала лицо не помещалось полностью, поэтому она наклонилась, проверяя глаза, потом выпрямилась, проверяя губы. Макияж задумывался как броня, как маскировка, теперь же ее охватило беспокойство, не будет ли эффект противоположным. Половинки лица, которые смотрели на нее из зеркала, были отблеском прошлого, ее прежнего профессионального «я». Ладно, хоть чуточку ухоженный вид придаст ей уверенности и облегчит путь в Башню Брей.

Да и почему профессор должна узнать ее? У них и была-то всего одна короткая встреча три года назад. Откуда ей знать, кто такая Кэсси, когда та явится к профессору Морган в поисках ответов?

Глава шестнадцатая

Ожидая, что сработает звуковая сигнализация и повсюду замигают красные огни, Кэсси вошла в здание. Под пристальным взглядом охранника пальцы на обеих руках все как один словно стали большими пальцами, когда она пыталась отыскать в сумке пропуск посетителя. Наконец, ворота турникета скользнули в сторону, и фойе беззвучно приняло ее.

Пространство вокруг устремлялось вверх, заканчиваясь стеклянной крышей шестью этажами выше: оно представляло собой огромный центральный атриум по последней архитектурной моде. Который словно кричал: *«Смотрите, такая огромная высота вместит все наши великие идеи. Смотрите, мы концептуализируем ваше будущее, трансформируем ваш образ жизни»*. Кэсси представила, что под крышей атриума висели концепты, абстрактные, воплощенные, но невидимые. Перестав наконец озираться, она изо всех сил постаралась выглядеть естественно: да, она пришла туда, куда и собиралась прийти.

Расположение кабинетов было смутно знакомо по экскурсии для сотрудников компании IMAGEN, в которой когда-то участвовала и она. Вспомнилось, как они смеялись в стеклянном лифте, взволнованные, что скоро увидят место, где свершилось волшебство. Сегодня она предпочла не плыть через центр здания в прозрачном кубе, а прошла в конец первого этажа и стала подниматься по лестнице. После выйдя на галерею, которая серпантином обвивала концептуальное пространство, выходила на второй этаж, делала круг и снова обвивала, и так снова и снова, пока крыша здания не становилась почти осязаемой. Там Кэсси остановилась, перевела дух и немного поиграла, закрывая большим пальцем людей в фойе.

Место, где свершилось волшебство. Эта фраза принадлежала коллеге Бекке, ассистенту по маркетингу. Кэсси всегда считала, что именно так Бекка и понимала бизнес. Как и все сотрудники компании, она освоила упрощенное объяснение, как технология работала, могла ответить на часто задаваемые вопросы и осторожно заверить в безопасности. Но Кэсси слышала, как коллега произнесла эту фразу, и

могла с уверенностью сказать, что та ничего не понимала. Что она просто *верила*. С точки зрения Бекки, они делали что-то невозможное. А значит, волшебное.

Что делало профессора Морган главным волшебником. Еще одна шляпа к тем, что она уже носила: профессор синтетической нейробиологии в университете; главный научный сотрудник компании IMAGEN; дама-командор ордена Британской империи за заслуги в науке, технике и инновациях. Хотя в тот раз, когда профессор встретила их у входа в Башню Брей, в простой белой рубашке и мятых брюках, она не была похожа ни на волшебника, ни на CBE[19]. Она вообще выглядела демократично и с легкостью затерялась бы в толпе простых офисных работников. Кэсси не сводила с нее глаз, пытаясь представить, какие процессы происходили в чужом мозгу: неисчислимые нейронные связи, наверное, постоянно щелкали и жужжали, позволяя профессору понимать концепции, механизмы и возможности, которые Кэсси в лучшем случае поняла бы в общих чертах, настолько общих, что ей удалось бы удерживать их в своем сознании, может, минуту, а затем они расплывались бы в непостижимую сложность. Заметив ее пристальный взгляд, Морган слегка смутилась. Разумеется, несмотря на ореол необыкновенности, она оставалась обыкновенной женщиной, с рассеянной улыбкой, быстрым рукопожатием и в очках, одну из дужек которых скреплял клочок скотча. Стеклянная дверь.

Стеклянная стена. Все прозрачно, поэтому идеи могли видеть и понимать друг друга, могли объединяться, спариваться, порождая новые идеи, еще лучше и больше меняющие мир. Кабинет Морган наверняка находился на верхнем этаже. Хотя во время экскурсии им не показывали этот уровень, но ей запомнилось, что, когда они стояли у входа, профессор указала на самый верх Башни Брей. Тогда еще из-за поднятой руки у нее из брюк выбилась рубашка, и ей пришлось заправлять ее обратно, а они делали вид, что не замечают.

Проходя мимо тесных кабинетов, Кэсси украдкой поглядывала по сторонам. В некоторых было пусто, если не считать исписанных уравнениями белых досок, минимума офисной мебели и редких пожелтевших тигровых лилий. В других находились женщины и мужчины, настолько погруженные в свои компьютеры, что никто не

обращал на нее внимания. Вряд ли Морган стала бы работать в маленьком прозрачном кубе, как эти мелкие сошки.

Галерея поворачивала под прямым углом к ее предыдущему маршруту, и Кэсси оказалась перед большой приемной с несколькими дверями, которые, казалось, должны открываться по очереди. Внутри – ряд шкафов для документов и два больших стола, один из которых занимала темноволосая женщина в блузке в черно-белую полоску. Кэсси прошла мимо приемной, покинув поле зрения женщины. Ее внешний вид – помада, одежда – вдруг резко перестал вписываться в это сверкающее пространство. От этого ощущения она даже вспотела. Она запахнула кардиган и застегнула его на все пуговицы, прикрывая надпись «Это ваш окончательный ответ?» на своей черной футболке из благотворительного магазина. Зачем она зашла так далеко, если не собиралась рисковать? В груди закипела злость на себя. Делай или отойди в тень. Другого варианта не было.

Кэсси вошла в кабинет, и женщина подняла взгляд от бумаг на столе.

– Я могу вам чем-то помочь? – поинтересовалась она.

Кэсси широко улыбнулась:

– У меня встреча с профессором Морган. Я правильно попала?

Женщина не улыбнулась ей в ответ. Только заглянула в свой планшет.

– У вас назначена встреча?

– Да, мы договорились… гм… по-моему, на двенадцать часов, если только… – Кэсси оглядывалась вокруг, изображая раздражение. Взгляд скользил от двери к двери, от таблички к табличке. *Профессор Анжела Хан. Доктор Дэвид Маклин. Профессор Фиона Морган.*

– В расписании профессора Морган нет встреч на это время. – Женщина строго смотрела на нее, сложив руки на груди с таким видом, будто хотела сказать: *«Ты не пройдешь»*. – Как ваше имя?

– Ой, неужели я ошиблась днем…

– Если вы назовете свое имя, я проверю другие даты в расписании.

Мимо такого стража ей не пройти. Кэсси покачала головой.

– Похоже, я действительно перепутала дни, – бормотала она, отступая к выходу из приемной. – Совсем забыла, профессор же

перенесла встречу. Если честно, я бы и собственную голову забыла, не будь она привинчена…

Пока она отступала по галерее, она представляла, как женщина прошла вслед за ней к двери приемной. И ее тяжелый взгляд уперся в спину странной посетительницы.

Медленно спускаясь по серпантину лестницы, Кэсси лихорадочно соображала, что делать дальше. К тому моменту, когда она добралась до первого этажа, ничего лучше не придумалось, чем под благовидным предлогом остаться в здании, иначе охранник выставил бы ее.

Заметив напротив выхода кофейный и чайный автоматы с несколькими столиками и высокими табуретами, Кэсси подошла посмотреть цены. Самым дешевым был эспрессо, но его надолго, не вызывая подозрения, не растянешь. Взяв чай, она заняла место за столиком, откуда лучше всего просматривался выход. Дождь уже закончился, и сквозь стеклянную крышу атриума струился солнечный свет. Если повезет, женщина, охраняющая профессора Морган от посторонних вторжений, почувствует потребность в еде, свежем воздухе и дозе витамина D.

Люди приходили и уходили: они прибывали небольшими стайками, устраивались со своими планшетами и стаканчиками с кофе за столиками, немногословно, с серьезным видом, о чем-то беседовали и снова расходились. Отдаленно она узнавала в них себя. Вспомнилось чувство удовлетворения, которое она регулярно испытывала от собственной эффективности. Она вспоминала соблазнительно завершенную форму задачи, плана, проекта, дня, недели, года. Строительные леса рутинной работы скрепляли ее дни, удерживая их вместе. В окружении людей, и в то же время не имея к ним никакого отношения, она потягивала чай, стараясь не выделяться, даже сидеть, как они, – под углом к столику, уткнувшись в свой планшет. Вот почему она улетела… в первый раз оставила его. Хотела стать похожей на них, ощутить себя профессионально состоявшейся. Тогда, в аэропорту, она обняла его и оставила. Они еще уверяли друг друга: *«Через пару месяцев ты тоже полетишь. Время пройдет быстро. Все будет хорошо. Просто замечательно»*.

Услышав смех, она подняла взгляд. Громкий и неожиданный звук, резонирующий на фоне приглушенных разговоров. По лестнице спускалась та женщина. Она о чем-то пошутила с охранником, и

улыбка преобразила ее лицо, но полосатая блузка не стала от этого менее строгой. В руках женщина держала сумочку и жакет. Время обеда.

Не успела женщина пройти турникет, как Кэсси уже была на ногах. На этот раз она поднялась до самого верха в лифте. Быстро прошла по галерее и, дойдя до приемной со стеклянными стенами, остановилась. Стол по-прежнему был занят, на этот раз – молодым человеком. Профессор Морган, очевидно, слишком важная персона, чтобы оставить ее без охраны. Мысленно ругаясь, Кэсси смотрела на сменщика, понимая, что он тоже отлично видел ее. Повернувшись, она прошла несколько шагов к лифту. Затем развернулась и снова направилась к приемной. Пока она таким образом пыталась справиться с нерешительностью, сменщик покинул свое место, опустился на четвереньки и сунул голову под стол.

Принтер зажевал бумагу!

Не теряя ни минуты, Кэсси приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы только проскользнуть в приемную. Дверь закрылась за ней беззвучно. Сменщик, все еще стоя на коленках, пополз назад, а Кэсси, бесшумно ступая по ковру, пошла прямо к кабинету Морган. Она уже видела профессора, видела, как та склонилась к компьютеру, видела ее коротко стриженную голову и плечи в облегающей рубашке.

– Эй! Постойте… – Из-под стола появился сменщик.

Одновременно Кэсси стукнула костяшками пальцев по двери Морган и, толкнув ее, сделала шаг в кабинет.

– Простите, у вас назначена встреча?

Кэсси закрывает дверь, отрезая голос у себя за спиной. Теперь все должно выглядеть так, будто она пришла в назначенное время, иначе охрана явится прежде, чем удастся задать хотя бы один вопрос. Улыбаясь удивленной Морган, она протянула ей руку:

– Профессор Морган? Простите за вторжение.

Приготовленное вымышленное имя уже было готово сорваться с губ, но она вовремя заметила, что Морган узнала ее. Более того, профессор насторожилась. У Кэсси засосало под ложечкой. Какие слухи уже дошли до Морган? Что она знает о Кэсси и о ее проступке?

– Вы наверняка не помните меня… – Как бы сделать так, чтобы не называть настоящее имя? Времени на обдумывание явно нет. – Кассандра Макаллистер, – представилась она.

– Ну, почему же, помню.

Морган встала, похоже, собираясь протянуть ей руку, но потом передумала и просто кивнула. Краем глаза Кэсси заметила, что сменщик вернулся за стол. От облегчения ее улыбка стала почти искренней.

– Немного неожиданно…

Фраза Морган угасла на полуслове. Ее *приветливость* слишком откровенно фальшивила, а ее неумение обмениваться светскими любезностями увеличивало шансы Кэсси на успех. Профессор не умела лгать.

Морган по-прежнему оставалась на ногах, поэтому и Кэсси тоже не могла сесть. При всем желании оставаться вежливой, необходимость заставила Морган научиться защищать свое время и свою интеллектуальную территорию. Продолжая улыбаться, Кэсси чувствовала, как внутри нее бушевало смятение: десять секунд назад она точно знала, что именно спросит и как будет играть в эту игру, но теперь только молчала. Все, придуманное прежде, как-то сразу вылетело из головы.

– Извините, что отрываю вас от работы, – повторила она, пытаясь выиграть время.

– Боюсь, мне пора на совещание. – С этими словами Морган выключила компьютер. – Вам, пожалуй, лучше записаться на прием через секретаря кафедры. У меня довольно плотный график.

Это был самодовольный намек, и Кэсси подумала об Алане и почувствовала неприязнь к профессору за ее самодовольство, за ее стеклянный кабинет, за ее чистый стол, на котором не было ничего, кроме компьютера, блокнота и одной ручки, никакого обычного беспорядка, нарушавшего порядок мира чистых идей. И от этой неприязни мозг почему-то включился.

– Лучше на следующую неделю, – добавила Морган.

Улыбка Кэсси стала заискивающей. *Доверьтесь мне*.

– Вы не будете возражать, если я провожу вас и задам всего пару вопросов?

Морган взяла портфель и перекинула ремень через плечо.

– Разумеется, – ответила она.

Выйдя из кабинета, она заперла дверь и направилась прямо к лифту.

– Не уверена, что вам известно, – заметила Кэсси, пока они ждали лифт, – но некоторое время назад я ушла из компании IMAGEN.

Выражение лица Морган немного смягчилось, Кэсси не стала бы утверждать это наверняка.

– И теперь я работаю в университете и занимаюсь исследованиями в области психологии.

Стеклянные двери открылись, и Морган пропустила ее вперед.

– Мы изучаем ранних пользователей Игры Воображения, оформивших аккаунт, когда продукт только появился, и рассматриваем такие деликатные аспекты, как влияние виртуального опыта на их восприятие реальной жизни.

Атриум скользил мимо. Каждый уровень окрашен в свой цвет. Вишневый. Фиолетовый. Сизый. Сиреневый. Оранжевый. Желтый.

– Звучит интересно, очень интересно. – Морган произнесла эти слова так, словно официант принес ей блюдо с улитками и вежливо объяснял, как аппетитно оно выглядит. – Вы сказали, деликатные аспекты?

– Да, мы не дублируем обширные исследования безопасности продукта, которые уже, очевидно, проведены вашими коллегами. И ни в коем случае не ставим под сомнение их результаты. В фокусе нашей работы – потенциал Игры Воображения для обогащения реальной жизни человека. Неожиданные преимущества. На данном этапе наши исследования, скорее, качественные, чем количественные.

Они вышли из лифта.

– И я могу чем-то помочь?

– Несколько деликатный вопрос, но… одна из трудностей, с которыми мы столкнулись, связана с… гм… надежностью данных. Мы выявили тенденцию, что ряд участников имеет склонность к фантазиям, и не всегда удается отличить вымысел от реального положения дел. – Она пересекла с Морган фойе, затем миновала турникет. – Некоторые из эффектов, о которых сообщают участники исследования, на наш взгляд, кажутся маловероятными. Поэтому и возник вопрос о достоверности ответов в таких анкетах. И мне пришло в голову, если получится, исключить любые невозможные аспекты этих предполагаемых переживаний. Невозможные не технологически, но биологически.

Они уже вышли из здания. Морган остановилась и повернулась к ней лицом. При дневном свете она выглядела старше, чем в помещении: не выспавшаяся и хмурая.

– Уточните, пожалуйста, какие аспекты вы хотели бы исключить?

Проверочный вопрос не застал Кэсси врасплох.

– Разумеется. Так, одно из предположений заключается в том, что пользователи могут выходить за рамки своего ежедневного лимита в сто двадцать минут. Я понимаю, что восприятие времени зависит от разных факторов. И здесь можно много чего сказать. Но мне хотелось бы просто исключить возможность пребывания пользователя в Игре Воображения более двух часов в день относительно реального времени. – Она почувствовала, как краска залила ее лицо, когда она фактически молча призналась в том, что, предположительно, делала сама. – И при этом никакие привилегии в учетной записи не менялись.

Если Морган солжет, она поймет; и тогда узнает, как та лжет: что делают ее глаза, рот, руки. Она не ожидала услышать правду.

Ответ Морган прозвучал непринужденно:

– А, вы об этом. Понимаете, исключить категорично такую возможность нельзя.

– Серьезно?

– Мне сюда, не возражаете, если мы пройдемся вместе? – Морган указала на здание Ньюмена и пошла через площадь, Кэсси осталось только поспешить за ней. – Не знаю, известно ли вам, но были единичные случаи, когда продукт давал сбой.

– Я этого не знала.

– Как я уже сказала, всего несколько случаев. Сейчас мы приняли все меры предосторожности, чтобы такое больше не повторилось. На самом деле, это вопрос к компьютерщикам из IMAGEN. Проблема с шифрованием.

– Да, пожалуй. Таким образом, этот сбой…

– …позволял пользователям оставаться в Игре Воображения столько, сколько они хотели. Теоретически неограниченно. Хотя всегда существуют пределы. Физические пределы.

Физические пределы. Тебе нужно сходить в туалет. Ты понимаешь, что жутко голоден. Засыпаешь, измученный, пересекаешь границу между Игрой Воображения и сном и просыпаешься в

реальном мире, замерзший, руки-ноги затекли, лежишь мокрый в пустой ванне… В квартире беспорядок… входная дверь открыта…

– Если у вас все… – Морган сделала вид, что смотрит на часы.

– Э-э, да. – Кэсси заставила себя собраться. – Можно еще вопрос? Один или два участника исследования сообщили, что могут делиться своим виртуальным опытом. Я имею в виду, не рассказывать другим людям о своей Игре Воображения, после выхода из нее, но на самом деле взаимодействовать – делиться опытом в реальном времени, как мы взаимодействуем с вами сейчас, в этом разговоре.

На долю секунды по лицу Морган промелькнула тень. Затем она решительно покачала головой:

– Невозможно.

– Хорошо, спасибо. То есть вы однозначно утверждаете, что такое невозможно?

– Да.

Они подошли к зданию Ньюмена и теперь стояли друг против друга. Морган смотрела ей прямо в глаза, и в ее взгляде читался вызов.

– Странно, Кассандра, что вы этого не знаете. С вашим-то прошлым опытом работы. Если бы вы обратились к своим бывшим коллегам в IMAGEN, они ответили бы то же самое.

– Конечно. Просто для исследования необходима абсолютная уверенность, что такое невозможно. И… один участник исследования утверждает, что у него был опыт, когда его как-то контролировали или… или он просто делился с другой стороной…

– Я бы предположила, что это бред. И если пользователь склонен к бреду, – добавила она, – его аккаунт аннулируется.

– Да, в данном случае так и произошло. И вы правы, оказывается, у этого участника действительно есть проблемы с психикой, и довольно серьезные, насколько я понимаю. Не представляю, как ему вообще удалось пройти медицинскую проверку. По-моему, сама по себе идея нелепа. Разве можно делить одну и ту же Игру Воображения с другим человеком, другим пользователем? – Она со смехом покачала головой. – Да если бы такое было возможно, уверена, IMAGEN уже озолотилась бы!

Морган снова пристально посмотрела на нее в упор.

– Согласитесь, звучит неправдоподобно – спонтанные подключения внутри Игры Воображения. Вы правильно сказали,

нелепая идея. Теперь, если это все…

Кэсси заморгала. Улыбнулась:

– Огромное вам спасибо, вы не представляете, насколько для меня полезен наш разговор.

– Рада, что смогла помочь. – Профессор внезапно почти расслабилась, сохраняя совсем чуть-чуть настороженности. Будто она с честью прошла собеседование, устраиваясь на работу, и сейчас ей оставалось только изящно уйти.

– Еще раз прошу прощения за вторжение, понимаю, мне следовало записаться на прием. Если что-нибудь еще всплывет, можно я напишу вам на электронную почту? Или позвоню?

– Отлично. Конечно. Лучше на электронную почту. – Из внутреннего кармана жакета Морган достала визитную карточку и протянула ее Кэсси.

– Благодарю. – Кэсси похлопала по сумке. – К сожалению, у меня закончились визитки, но я обязательно пришлю вам свои данные на электронную почту. На всякий случай, вдруг захотите связаться со мной. Что ж…

– Кстати, если вы не видели новую выставку, посвященную Игре Воображения, рекомендую посетить.

– А где?

– Здесь, прямо в фойе. Хорошая выставка. Правда, некоторые экспонаты относятся к другим исследовательским направлениям, но в центре внимания – Игра Воображения. Многое, конечно, вам знакомо, но экспозиция оригинально представлена. Полагаю, за вход взимается плата. Если вам интересно, могу провести вас.

– Очень любезно с вашей стороны. Я бы с удовольствием посмотрела.

Рядом с Морган она прошла к входу в здание, мимо группы студентов, которые сбились в стайку, хвастаясь своими персональными приемниками. Кэсси указала на них:

– Когда вы видите пользователей вашей технологии, наверное, чувствуете, насколько поразительно это достижение?

– Ну, как вам сказать… – На лице Морган появилось удивление. – Пожалуй, есть немного.

Кэсси продолжала импровизировать, не желая отпускать ее:

– Понимаете, я так мало в этом разбираюсь, но с точки зрения первоначальных целей роста…

– Это не моя область. – Морган будто ощетинилась, ее тон внезапно стал резким. – Такова природа непредвиденных осложнений. Их невозможно предвидеть.

Подняв руку, она привлекла внимание человека в униформе и указала на Кэсси, затем на выставочное пространство. Мужчина с улыбкой кивнул в знак согласия.

– Вас пропустят бесплатно. А теперь мне пора.

И она быстро прошла через турникет в здание. Не предложив прощального рукопожатия. Даже не оглянувшись.

Глава семнадцатая

Отделавшись наконец от девушки, Морган поднялась в лифте на второй этаж и прямиком направилась в женский туалет. Поставив портфель у раковины, она открыла кран и подставила руки под нестерпимо горячую воду.

– М-да, – произнесла она, глядя на свое отражение. – И что теперь?

Она узнала ее лицо, а когда девушка представилась, имя тоже показалось знакомым. Но чтобы вспомнить ее, потребовалась целая минута. Кассандра Макаллистер. Работала в компании IMAGEN, служащая среднего звена. Первый звоночек. Один из первых.

Запустив пальцы в волосы, Морган терла голову, пытаясь справиться с головной болью. Когда она узнала Кассандру, частное исследование, о котором та упомянула, вызвало у нее беспокойство. Некий страх, что девушке поручили разузнать о несанкционированных проектах. Но никто не знал, как далеко продвинулся ее проект, а Кассандра, похоже, и понятия о нем не имела. Но это не означало, что ей вообще ничего не известно.

Конечно же, не следовало с ней разговаривать! Ну почему она не настояла, чтобы та записалась на прием? Сказала бы после Лизе внести ее имя в черный список. Вот что значит, когда тебя застигают врасплох, и, по-видимому, это часть плана. Каким бы ни был этот план и кому бы ни принадлежал.

Боже, какой у нее напуганный вид! Волосы торчали в разные стороны, как у сумасшедшего ученого на карикатуре. Морган угрюмо приводила себя в порядок. Проблема, собственно, в том, с кем эта девушка успела поговорить? Действовала она в одиночку или ее подослали, и, возможно, для проверки? Превышение временного лимита, взаимодействие в Игре Воображения, пользователь с проблемами психики… допустим, она что-то знала, но ее вопросы… звучали странно. Не так, как следовало ожидать, если бы ее проинформировал кто-то, имеющий доступ к фактам.

В любом случае она должна сообщить об этой встрече. Чтобы предупредить IMAGEN или просто прикрыть собственную спину.

Не стоило исключать, что девушка говорила правду. И она действительно работала над проектом в области психологии. Ну это проверяется достаточно легко. Сказала, что ушла из IMAGEN, но разве ее не уволили? Она же вроде сидела в Игре больше положенного и своевременно не сообщила о сбое в работе временного ограничителя. Морган покачала головой. Жестоко ее заставили замолчать… Но в таком случае она, похоже, расследовала собственные обстоятельства, надеясь подать иск о несправедливом увольнении. Тогда тем более важно предупредить Тома и всю команду топ-менеджеров во избежание какой-нибудь хитроумной огласки.

Взяв портфель, Морган покинула туалет, спустилась по лестнице, вышла из здания Ньюмена, пересекла площадь и вошла в Башню Брей.

Через десять минут после ухода из своего кабинета, она снова сидела там за столом, с запертой дверью и планшетом в руке. Она готовилась сделать звонок.

Глава восемнадцатая

В центре белой комнаты висела голова высотой два метра, созданная световыми лучами. Бледные изгибы очерчивали силуэт черепа с мозгом внутри. Инсталляция, вероятно, запускалась от датчика движения: когда Кэсси шагнула к голове, та засветилась чуть ярче, и появился короткий текст. *Игра Воображения: как она работает?*

Когда текст исчез, голова повернулась к ней в профиль. На переносице появилось пульсирующее бирюзовое пятно, которое вскоре распалось на тысячи крошечных точек. *«Специально запрограммированные биомолекулы вводятся в организм с помощью одной дозы назального спрея»,* – объяснял сопроводительный текст, и тысячи крошечных световых точек прошли через носовую мембрану, закручиваясь в воздухе подобно семенным головкам, каждая переместилась в определенное место, где осела и потемнела. Наблюдая эту инсталляцию, Кэсси почувствовала давление в собственном носу, словно из носа вот-вот пойдет кровь. Этот спрей, он жалил, и еще у него был не то запах, не то вкус, который инсталляция не передавала. В ее случае у спрея был запах горелой пластмассы, не проходивший несколько дней, отчего все это время она пребывала в полуобморочном состоянии. Некоторые коллеги описывали этот запах-вкус как металлический, сладкий или аммиачный, а были и такие, кто вообще не почувствовал ни вкуса, ни запаха.

Теперь мозг пронизывала бирюза: в одних отделах плотность бирюзовых точек была больше, в других – намного меньше. Биомолекулы Игры Воображения в исходном положении, готовые к выполнению своих индивидуальных задач.

«Биомолекулы работают под воздействием приемника, который надевается как гарнитура, – сообщил текст, – *в результате чего воображение трансформируется в реальность»*. На ухе головы появились очертания приемника, и он высветился в инсталляции отдельным цветом.

«Один набор биомолекул запрограммирован на работу в качестве переключателя. – Бирюзовые точки в мозге стали едва заметно

пульсировать. – *Когда от приемника пользователя поступает электронный сигнал, они активируют и деактивируют другие наборы биомолекул, управляя опытом Игры Воображения*». Громкий щелчок: пространство прорезал звук, будто нажали на выключатель. Распространяясь, сияние становилось ярче, пока не осветилась вся бирюзовая сетка биомолекул.

На полу, притягивая взгляд, появилось что-то темное. Цепочка следов манила ее войти внутрь черепа. Она пошла по следам, подгоняя под них свои шаги, и остановилась, когда они закончились. Здесь, в центре комнаты, когда она глядела сквозь прозрачные очертания мозга на голубые нити и белые стены за ними, открывался всесторонний обзор.

«Когда биомолекулы активны, они приглушают внешние раздражители, такие как свет, звук, давление, запахи и вкусы».

Снаружи черепа лента света прочертила в воздухе звуковые волны, которые зелеными зигзагами приближались к ней, и в то же время зазвучало пение птиц: его ноты и интервалы соответствовали пикам и спадам светового шоу. Достигая слухового прохода, звуковые волны бледнели – от изумрудного до аквамаринового, а потом превратились в едва видимые, и пение птиц прекратилось. На секунду возникла полная тишина. И никакого движения. Затем пространство вокруг взорвалось светом и цветом: на нее падали желтые звезды, фиолетовые треугольники, красные сферы, синие кубы – каждая форма, каждый цвет представляли собой другой смысл. Падая, они устремлялись к поверхности черепа – к глазам, рту, носу или коже. Кэсси даже пригнулась, прикрываясь поднятой рукой, и…

Ничего. Все исчезло – поблекло, распалось.

Она опустила руку. Умное представление, но далекое от передачи того момента, когда ваше «я» растворяется, момента совершенного небытия. Внутри нее шевельнулась изголодавшаяся потребность снова пережить это мгновение. Она переступила с ноги на ногу, подошвы скрипнули по твердому полу.

Текст объяснял, как внешние раздражители приглушаются, перехватывая химические и электрические сигналы в тех местах, где мозг иначе интерпретировал бы их и превращал в предписание или нечто воспринимаемое. «*Таким образом*, – говорилось в нем, –

пользователь остается в неведении обо всем, кроме самых навязчивых сигналов, поступающих из внешнего мира».

Что-то новенькое. Первые итерации полностью блокировали внешние стимулы; функция отключения звука относилась к тем изменениям, которые им пришлось внести, чтобы получить лицензию на коммерческое использование технологии. Пользователь должен воспринимать стимулы такой интенсивности, которые разбудили бы крепко спящего человека, например, сигналы сработавшей дымовой сигнализации или постоянный крик ребенка. Удивительно, однако, чего только не проспишь, если твои сны достаточно сладкие. Ты просыпаешься в реальном мире, входная дверь открыта…

Над ней и вокруг нее активные участки мозга светились оранжевым. *«И вот пользователь начинает воображать свою виртуальную реальность,* – сообщал текст. – *В это время соответствующие части его мозга становятся активными»*.

Части. Кто только выбрал такое странное слово?! У нее возникла ассоциация с мозгом, порубленным на части и приготовленным на обед. Как поварешкой зачерпывают части студнеобразной серой массы и вываливают их на чистую белую тарелку.

«Биомолекулы запрограммированы реагировать на эту активность двумя способами. Один набор создает соответствующие нейросвязи для передачи сигналов на те участки мозга, которые отвечают за сенсорное восприятие.

Больше звуковых эффектов. Брызги и шипение десятков электрических разрядов, вокруг нее вспыхивали нейронные связи – узор из искрящихся пересекающихся нитей, каждая из которых передавала собственное вымышленное сообщение. Кэсси стояла среди этого фейерверка и чувствовала, как ее охватывает детский восторг: трепет ночи, костер, пылающий в темноте. Пока она не подумала об Алане. И вспышки тут же превратились в удары ядерных ракет. Ночь у костра в зоне боевых действий.

«Это заставляет пользователя переживать опыт того, что он или она воображает, с подключением всех сенсорных систем – зрения, слуха, обоняния, рецепторов вкуса, осязания и самовосприятия в пространстве».

А если бы они с Аланом были вместе? Это был бы ее фейерверк? Или его зона боевых действий? Или это шипение – дождь

(представляя, она закрыла глаза), и капли стучат по шатру листьев над их головами, в их тайном месте, где они всегда смогут найти друг друга?

Сквозь шипящие звуковые эффекты донесся крик ребенка. В белую комнату вбежал мальчик. И остановился как вкопанный, с открытым ртом.

– Мама… папа… смотрите! – И пока его семья – мама, папа и старшая сестра – задавалась вопросом «Что бы это значило?», мальчик прыгнул в самую гущу фейерверка и стал крутиться вокруг себя, хватаясь за стреляющие нити света.

«Другой набор молекул действует как биологический/ электронный преобразователь. Биологические данные преобразуются в электронную информацию, которую приемник передает по защищенной сети 6G на центральные серверы компании IMAGEN. Таким образом, параметры воображаемого опыта пользователя, закодированные в виде цифровых пакетов, могут анализироваться и сохраняться, а также использоваться для улучшения будущего опыта».

Ввод данных, вывод данных. Когда она в шутку спросила Морган о взаимодействии в Игре Воображения, взгляд профессора стал неискренним, а покачивание головы – чересчур эмоциональным. Такая очевидная демонстрация честности! Кэсси поняла, что ей лгут. «Спонтанные связи», – сказала профессор. Но Кэсси не упоминала о природе общих переживаний опыта в виртуальной реальности, о которых якобы сообщали участники ее исследования по психологии. «Нелепая идея», – сказала Морган, словно подтверждая, что это правда. То есть, да, врач может подключиться к пациенту. И раз один пользователь может подключиться к другому, и вот уже два пользователя вместе создают одну реальность, тогда это вовсе не Игра Воображения. Потому что Игра Воображения – это нечто, происходящее только в твоей голове.

А эта реальность уже настоящая. И значит…

Всё. Значит всё. Меняет всё.

Получается, когда она, находясь в Игре, сидела на скамейке у клиники «Рафаэль-Хаус» под окном палаты Алана и произошло изменение цвета, – она еще подумала, что, наверное, сработало обновление или случился сбой, – в тот день, то, что она считала Игрой

Воображения, было настоящей реальностью. И там с ней находился прежний Алан, которого шизофрения отняла у нее, а Игра Воображения, выходит, – не более чем место, где она нашла его.

И значит, что с тех пор каждый раз, когда она воображала его в виртуальной реальности, все было по-настоящему, общим для них обоих и созданное ими обоими. Она не понимала, как это работает, но именно так все и было. Без всякого сомнения.

– Мам, смотри, как круто! – Завороженный зрелищем, мальчик все еще ловил световые лучи.

– Маркус, выходи оттуда!

Мама бросила на Кэсси взгляд, наполовину робкий, наполовину оборонительный. Кэсси улыбнулась и покачала головой, показывая, что ее нисколько не беспокоит вторжение мальчика. Все в порядке. В полном порядке.

Внутри хватало места для двоих.

Глава девятнадцатая

– Хорошо, Кэсси? Земля вызывает Кэсс…

Она не сводила взгляда с замка цепи, которой велосипед был пристегнут к стойке, когда до нее вдруг дошло, что кто-то, а именно Никол, зовет ее.

– Что случилось? Проблема с велосипедом? Новый, да?

– Угу, хотя на самом деле дали напрокат.

Фиолетовый горный велосипед Льюиса. Он сам предложил, чтобы она пользовалась им, пока живет у него, и они оба согласились, что в ее доме с таким лучше не показываться. Езда на этом велосипеде по неровному асфальту городских дорог напоминала полет по воздуху.

– Вот только забыла цифры… – Слово вертелось на языке, но вспомнить его не получалось. В качестве объяснения она встряхнула цепь.

– Комбинации? И замок тоже новый?

– Нет, он у меня уже сто лет, – покачала она головой.

Обычно Кэсси не раздумывала: код настолько въелся в ее долговременную память, что пальцы набирали его автоматически. Выйдя с выставки, посвященной Игре Воображения, она едва помнила свое имя. И ее беседа с Морган, намеки, которые вольно или невольно сделала профессор, начисто вышибли из головы все остальное.

– Но я ничего не помню, – просто ответила Кэсси.

– Не напрягайся слишком сильно. Так ничего не получится. Подумай о чем-нибудь другом.

Она почувствовала, как на лицо медленно наползает улыбка: чего-чего, а думать о другом ей совсем не трудно.

– Ты в порядке? Извини, но выглядишь ты немного прибабахнутой.

– Прибабахнутой?

– Ага. Обдолбанной. Под кайфом.

– Ха! Ничего подобного, просто была на выставке, вот и все. Той, что в холле здания Ньюмена.

– Не видел. Хотя, судя по твоему лицу, пожалуй, надо сходить. Вероятно, что-то умопомрачительное.

– Так и есть. У них там голова, сделанная из света, и… – Она пожала плечами, не в силах подобрать слова. – И вся выставка посвящена Игре Воображения, объясняет, как она работает.

– А, об этой… – В трех коротких словах он начисто отверг всё – сотни тысяч виртуальных миров, созданных силой воображения сотен тысяч индивидуумов. – Не. Мне такое неинтересно.

Она никогда не слышала, чтобы он говорил таким тоном. Не просто пренебрежительно, а даже враждебно.

– Почему?

На его лице появилась гримаса, будто слова были кислыми на вкус.

– Не одобряю, – ответил он.

Ей захотелось рассмеяться над формальностью этого выражения. Но Никол оставался серьезен, и она сдержалась.

– Чего именно не одобряешь? – поинтересовалась она. – Потому что сделано мегабогатой корпорацией? А ты типа антикапиталист?

– Мегабогатой, говоришь? Забавно… Один из моих друзей устраивался к ним на работу, и за неделю до того, как должен был приступить, – Никол сделал рубящее движение рукой, – извини, приятель, работы нет. Полная заморозка найма. Странно, да, для самой успешной в мировой истории компании? – Его тон напоминал пружину, туго скрученную сарказмом.

– Так ты поэтому не одобряешь, из-за своего друга?

Он нахмурился:

– Да из-за всего! Из-за этих их тестиков. Сколько вы зарабатываете сейчас? Сколько вы хотите зарабатывать? Сколько зарабатывает ваш папа?

Она не стала говорить вслух, что это просто бизнес. Хотя IMAGEN и является дочерней компанией университета, но однозначно она не благотворительный фонд, не социальное предприятие и не государственная служба. Ее бизнес-модель – ваша чистая стоимость.

– Вы когда-нибудь обращались к врачу? – продолжал Никол. – С небольшой депрессией? Ну, тогда извините, не подходите. Не можете вступить в наш клуб.

– Знаешь, им просто надо убедиться, что у человека все в порядке с психикой. Что у пользователя крышу не снесет…

– Вы где-нибудь засветились? Может, вас арестовывали, когда вы решили воспользоваться своим демократическим правом на протест, в результате чего в вашем досье появилось предупреждение? Не подходите!

«Нет денег. Сомнительное психическое здоровье. Кляксы в тетради». Кэсси точно вписывалась во все три категории, но к какой из них относился сам Никол? Скорее всего, у его неприязни личные корни. И он будто прочитал ее мысли:

– Нет, я даже не пытался. Это как культовая мыльная опера. В любом случае несерьезно. Инструмент для отвлечения людей. Ты в курсе, что этот проект финансируется государством? Очень удобно, чтобы мы всегда оставались послушными. Я предпочитаю проживать свою жизнь в реальном мире. С реальными людьми. – Он шаркнул кроссовкой по серым плитам, на которых они стояли, грязным и с пятнами голубиного дерьма. – Реальную гребаную жизнь.

У нее промелькнула мысль указать на противоречие: почему же тогда такой непреклонный защитник реальности предпочитает постоянно находиться слегка под кайфом? Даже самым ярым поклонникам реальной жизни нужно иногда расслабляться. Наверное, тот же самый когнитивный диссонанс позволяет ему класть в карман свои пятьдесят процентов от академических услуг, которые они оказывают студентам, даже если он выступает против маркетизации университета.

– И еще: если б мне захотелось поиграться с их игрушкой, – говорил Никол, – я бы не стал проходить тестики. Кстати, ты в курсе, что они продолжают владеть тем, что попадает внутрь тебя? Я про сеть и биомолекулы. Получается, что компания *владеет* частью твоего мозга. Их авторское право, у них патент.

– Может быть, технически… но это ничего не значит. Не похоже, что они в состоянии вернуть свою собственность. Каким образом?

– Сестра, скальпель, пожалуйста…

– Да ладно тебе! Закон никогда не встанет на их сторону.

– Девять десятых наших законов связаны с владением, так? И кто, по-твоему, сможет нанять лучших юристов? У них беспроигрышный вариант. И еще я бы не стал афишировать, что у меня есть деньги и все такое.

– И как же тогда?

– Налаживать связи с нужными людьми. Есть другие способы.

– Ты имеешь в виду биопрограммное обеспечение. Взломать их продукт?

Никол улыбнулся и произнес, преувеличенно четко выговаривая слова:

– Черный рынок. Это все, что я хочу сказать.

– Но… – Кэсси нахмурилась, пытаясь справиться с внезапно нахлынувшим возбуждением. – Без назального спрея все равно не обойтись: нужна биомолекулярная сеть. Хотя ты же не пробовал? Может, эти нужные люди – мошенники.

– Я же сказал, предпочитаю реальную жизнь.

Множество вопросов теснилось у нее в голове. Кто эти нужные люди? Каким образом модифицировалась украденная биопрограмма? Станет ли она работать, если ДНК пользователя занесена в черный список? Сколько это будет стоить? Но легкий приступ паранойи запечатал ее губы. Нельзя задавать такие вопросы, стоя у Башни Брей. Могла ли она вообще доверять Николу? С ее точки зрения, больше, чем другим. Надо побыть одной и все обдумать…

Вопросы промелькнули, и она щелкнула пальцами.

– Кстати, – кивнул он, – черный рынок есть для всего, если что…

– Ладно, хватит. Я все поняла и запомнила. – Наклонившись к велосипеду, она повернула колесики на кодовом замке. Цифры выровнялись. Замок открылся. – Ура, свобода!

– Ну, видишь? – воскликнул Никол, когда она сняла цепь с велосипедной стойки. – Я же говорил: не мешай мозгу делать свое дело.

Кэсси сунула цепь в сумку и вскочила на седло.

– Правило Жизни от Никола, номер сто семьдесят два… – сказала она, отталкиваясь. Она слышала, как он что-то говорил то ли себе, то ли ей. Что-то вроде: *«Не гоняйся за тем, что потеряла»* или *«Они все время там»*.

Глава двадцатая

Льюис приготовил стейк.

– По две минуты с каждой стороны, и стейк идеален. Все, что нужно. – С громким стуком он поставил перед Кэсси тарелку и, усевшись напротив, приступил к еде.

Кэсси взяла нож и вилку, рассеянно смешала фасоль, красиво выложенную по краю тарелки, и принялась гонять фасолины в лужице растопленного масла. Льюис посмотрел на нее, ожидая похвалы.

– Ты не голодна?

Голодна ли она? Кэсси на мгновение задумалась. Да, пожалуй. Она голодна. Просто сейчас это неважно. Чувство голода казалось далеким и нереальным.

– Не любишь стейки?

– Нет, все замечательно. И пахнет великолепно.

Она отрезала кусочек мяса. Цвет розовый. На тарелку вытек сок с кровью. Голос Алана: *«Тебе бы не помешало немного крови. Немного красного мяса. Огромный стейк»*.

«Ты никогда не говорил этого раньше, о крови».

Теперь она знала наверняка: ничего ей не померещилось, хотя она и находилась в Игре Воображения. Он действительно говорил с ней, и его голос, и его слова были настоящими. Настоящие лицо, тепло, тело. Настоящий разум. Настоящий он сам.

Она откусила немного мяса, прожевала и проглотила, не почувствовав никакого вкуса.

– Кэсси? Ты в порядке?

– В полном. А почему ты спрашиваешь?

– Обычно у тебя хороший аппетит.

– Извини, наверное, я слегка не в себе.

Кэсси съела немного фасоли, приготовленной в слишком большом количестве масла. Вытерла жир с губ.

– И еще ты все время молчишь.

Волна раздражения подхватила ее и понесла: неужели так трудно просто заткнуться и перестать доставать ее?

– По крайней мере, я не болтаю с набитым ртом, – ответила она.

Увидела, как он отшатнулся, и пожалела, что вовремя не сдержалась. Он же Мистер Непринужденность, Мистер Высокий Темноволосый и Довольно Симпатичный, а она придирается к нему, будто они двадцать лет женаты. Но это не было неуважением, порожденным фамильярностью. Его голос внезапно стал чужим, а ее присутствие здесь – неправильным. И вообще, кто он такой? Этот человек, которого она знает всего несколько недель и о котором не знает ничего? Этот мужчина, который кормит ее, трахает, изображает ее парня?

Он судорожно сглотнул:

– Извини, если мои манеры не на высоте.

– Может, перестанешь извиняться? Ты постоянно извиняешься!

Он пристально посмотрел на нее:

– В самом деле? Кэсси, это не так. Когда, например, я извинялся?

Ей не удалось вспомнить ни одного случая. Раздражало общее впечатление, которое он производил на нее, может быть, его лицо, поза или что-то еще.

– Понятия не имею. Это я так, обобщила.

Льюис нахмурился, прищурив узкие глаза, такие темные, что в них ничего нельзя было разглядеть. У Алана глаза прозрачные, как вода, ну или когда-то были такими. Окна его души. Она не сводила взгляда со своей тарелки и думала об ужине в запертой палате. Что же он там ест? Еда никогда не приводила его в восторг: всего лишь топливо для прогулок по холмам, для бега, игры в футбол. А теперь это топливо откладывалось в жир. Невыразительные дни, перемежающиеся кружками невкусного чая с сахаром, дешевым печеньем, горками макарон с сыром, картофельным пюре с маргарином. Но ведь он там, внутри, разве нет? Ее Алан. Сидит в шезлонге на песчаном пляже. Запертый в ловушке этого тела. Молодой человек, совсем недавно ставший взрослым, но еще с мальчишеской худобой, со всей своей молодостью, все еще сияющей золотом. И когда он и она оказались в одной Игре Воображения, тот молодой человек стал настоящим.

– Слушай, хочешь лечь спать? Одна, я имею в виду. Ложись, я принесу тебе чай.

Он говорил мягко, поглядывая на нее с беспокойством, и она выдавила улыбку.

– Нет, спасибо, – ответила она.

Посмотрела на него: на Льюиса, который на ее стороне. На Льюиса, который хочет того же, что и она. Отложила нож и вилку.

– Сегодня я кое-что сделала… я рискнула.

– То есть?.. Что за риск?

– Я поговорила кое с кем, кого знала раньше. По профессиональной линии.

Его вилка с кусочком стейка остановилась на полпути ко рту.

– В IMAGEN?

– В университете. Этот человек занимается исследованиями в области биотехнологий. И занимает… довольно высокий пост.

– Вот дерьмо! Боже, Кэсси, это я во всем виноват, я подтолкнул тебя…

– Ты же понимаешь, что вряд ли ты сможешь подтолкнуть меня.

– Ладно. Согласен. Но оно того стоило? Получилось выяснить что-нибудь?

– Да. На мой взгляд, да. Всё, как ты сказал. Нас на самом деле больше.

– Я оказался прав?

Она снова улыбнулась, чувствуя, как губы растягиваются в тонкую линию.

– Ты оказался прав.

– И как ты… прямо вот так и спросила?

– В основном, да. – Она пожала плечами.

– И он, она, они… так и подтвердили?

– Это следует из ответов. Оказывается, было несколько несвязанных между собой случаев, когда удалось взломать биопрограмму Игры Воображения. И ты, по-видимому, один из них.

– Потрясающе. – Поднявшись со своего места, он перегнулся через стол: во рту у него был вкус мяса и жира. – Ты удивительная.

Раньше эта похвала польстила бы ей. И она попробовала отыскать это ощущение внутри. Наверняка где-то там оно должно быть.

– Знаю, – отозвалась она. – Я удивительная.

– Несколько случаев… Как, по-твоему, сколько?

– Может, я и преуменьшаю, но как минимум двузначное число. Кто скажет точнее? Но я не уверена, что это имеет значение, потому что потом я поговорила с другим человеком.

– Еще один контакт?

Она покачала головой:

– Просто хороший знакомый, не из IMAGEN. Но в чем-то он разбирается. Он компьютерщик, и еще… он относится к тем людям, которым известно, как обходить запреты. Понимаешь, о чем я?

– И о чем же ты спросила его?

– Вообще-то, я не спрашивала. Так, всплыло в разговоре.

Он потянулся к ней, словно хотел поцеловать еще раз.

– Ладно, и что он сказал?

– Говорит, что, если знаешь нужных людей, есть способы попасть в Игру Воображения. Без IMAGEN. Без их ведома.

Он на мгновение замолчал.

– Даже если твоя ДНК в черном списке?

– Не знаю, у меня не было возможности уточнить. Он просто сказал «черный рынок».

– Черный рынок, – повторил за ней Льюис, откинувшись на спинку стула. – Но ведь это так просто, все может быть так просто. Не нужно торговаться, шантажировать или что-то в этом роде. Они никогда не узнают об этом.

– Не узнают, – согласилась она.

Удивительно, что Льюис не додумался до этого раньше. Слишком безопасный, слишком законопослушный, чтобы думать таким образом. Еще удивительнее, что и ей такой вариант тоже не пришел в голову, а может, и неудивительно: ведь до недавнего времени она не позволяла себе даже думать о возможности возвращения.

Их забытые тарелки стояли между ними, еда Льюиса наполовину съедена, Кэсси почти не притронулась к своей.

– Насколько, по-твоему, он надежен, этот твой знакомый?

Кэсси задумалась, взвешивая враждебность в голосе Никола, когда он говорил об Игре Воображения, против десятков раз, когда он помогал ей не нарушить сроки выполнения заказов.

– На него можно положиться… нет, не так… он очень надежный. Но он не нейтрален – ненавидит их, ненавидит IMAGEN. У него есть все виды теорий заговора о них, не знаю, влияет ли это на положение дел. То, чему он хотел бы верить. – Она на мгновение задумалась. – Я могла бы расспросить его… выяснить побольше. С кем нам нужно связаться. Но его образ мыслей… не знаю, сможет ли он помочь…

– Нет, – сказал Льюис, как она и предполагала. – Оставь мне. Я сам поговорю кое с кем. И наверняка решу эту проблему, если она вообще решаема. – С минуту он сидел, задумавшись, прикрыв свои узкие глаза. Затем, словно очнувшись, посмотрел на нее и слегка нахмурился. – Ты сказала «нам».

– Что, прости?

– Выяснить, с кем *нам* нужно связаться. Ты так сказала.

Кэсси опустила глаза, собираясь убрать со стола.

– Будешь еще есть?

Когда Льюис мотнул головой, она встала и счистила остатки еды в мусорное ведро.

– Ты сама делаешь выбор, – говорил Льюис. – Не хочу уговаривать тебя. Я понимаю: на тебя нельзя давить. И в любом случае не факт, что это сработает. Может, твой знакомый просто пытался произвести на тебя впечатление или что-то в этом роде. Поэтому мне нужно знать: я спрашиваю для себя или для нас обоих?

Она открыла краны и подождала, пока вода нагреется. Если возможность существует, Льюис решит эту проблему. Наверное, именно на это она и надеялась. Иначе зачем рассказывала ему? Если она ответит: *«Да, для нас обоих»*, ничего необратимого не случится. Всегда можно передумать. Она заткнула раковину пробкой, добавила немного моющего средства, которое запузырилось, распространяя едва уловимый запах фальшивого лимона. Она уже вышла из тени, и если IMAGEN собирается прийти за ней, то пусть она встретит их в свете прожектора, сияющего на полную мощность. В Игре Воображения, где она снова найдет его. Где Алан будет ждать.

Льюис говорил, а из кранов текла вода. Ее имя. Какой-то вопрос.

Она выключила воду и погрузила руки в пузырьки и тепло.

– Для нас обоих, – сказала она.

Глава двадцать первая

Издали, с противоположной стороны улицы, Кэсси наблюдала за расходящимися после собрания участниками группы. Они выходили по трое и по двое, желали друг другу спокойной ночи и снова возвращались к своей жизни. Иногда мужчина или женщина выходили по одному, опустив голову, торопливо избегая контакта глаз, даже намека на контакт или угрозы, что он неизбежно случится.

В десять минут девятого, с последними задержавшимися, появился Джейк. Он помахал им на прощание рукой и, закрыв дверь, приготовился запереть ее.

Кэсси перешла улицу. Джейк обернулся, и она помахала ему. Подождав, пока она почти дошла до него, он красноречиво поглядел на воображаемые наручные часы.

– Собрание группы уже закончилось.

– Извини, я давно здесь. Хотела… Но тебе, наверное, нужно домой.

Он посмотрел на нее изучающим взглядом. А она глядела себе под ноги, на тротуар, потом на дорогу, на входную дверь соседнего дома. Дверь открылась и закрылась, из подъезда вышел дряхлый старик с такой же старой собакой. Когда Кэсси снова посмотрела на Джейка, он по-прежнему внимательно глядел на нее.

– Подожди-ка минутку, – сказал он, отворачиваясь.

Перед тем как позвонить жене, он на секунду задумался, щурясь на вечернее солнце.

– У тебя есть полчаса, – сказал он. – Идем, прогуляемся.

Они шли по тротуару, направляясь навстречу заходящему солнцу, и она не спрашивала, куда они идут.

– Ты еще не вернулась в группу.

– Нет.

– И Льюис тоже.

– Нет.

– Не мое дело, конечно, но ты пришла поговорить, поэтому…

– Я знаю, что ты… – Она собиралась сказать «будешь волноваться», но это было лишь предположение. С какой стати он

должен волноваться о них? – …выслушаешь меня.

– Я оказался прав?

– Да.

– И ты хочешь рассказать мне об этом?

Она не ответила.

Они находились рядом с собором Святой Марии.

– Сюда. – Джейк свернул на тропинку, которая вела в обход на небольшую лужайку со скамейкой. Кэсси последовала за ним, и они сели.

Хорошо сидеть бок о бок: можно разговаривать, и не нужно смотреть в глаза собеседнику.

Она заговорила первой:

– Я бы очень хотела рассказать тебе все, и, если бы смогла объяснить, смысла было бы больше, а так…

Она сделала паузу: о чем именно рассказывать? О страхе, который до сих пор заставлял ее молчать? Мешал ей поговорить даже с таким надежным человеком, как Джейк? Но в последние недели она рисковала еще серьезнее, и прямо сейчас она стояла на пороге самого большого риска из всех. Нет, страх тут ни при чем. Слишком трудно объяснить. Слишком много такого, во что другой и не поверит.

– Понимаешь, у нас с Льюисом одна и та же проблема. И она заключается не в выпивке и не в наркотиках.

– Но это все равно какое-то пристрастие?

– Да.

– И у Льюиса оно же?

– Да. И это не то… я знаю, надо избегать таких отношений, не позволять им сорвать твое выздоровление… это не тот случай. Когда один тянет другого вниз. По-моему, не тот. Хотя и касается нас обоих. – Она повернулась к Джейку лицом. – Это пристрастие поглотит мою жизнь. Точно так же, как если бы речь шла об алкоголе или наркотиках. Такое уже происходило и теперь произойдет снова.

– Собирается произойти. Ведь у тебя не было рецидива?

– Нет, но…

– Кэсси, это только твой выбор. Ты можешь контролировать ситуацию; не позволяй ей контролировать тебя.

– Понимаешь, я *хочу*, чтобы всё повторилось. Правда, хочу…

У нее перехватило дыхание. И она замолчала, глубоко вздыхая. Ноги утопали в траве нестриженой лужайки: белые маргаритки закрывали глазки на ночь, а тут ее посеревшие от грязи кроссовки.

– Есть один человек, он для меня самый дорогой на свете. – Она искоса взглянула на Джейка. – Не Льюис, – добавила она, – нет, Льюис, конечно, тоже по-своему дорог, но… в общем, это не он. Однажды я потеряла этого человека и думала, что навсегда. Этот мужчина… молодой человек, которого я… Ну, как-то так. Теперь нашелся способ вернуть его. И вернуться к нему.

В наступившей тишине она представила, сколько вопросов мог бы задать Джейк. В отдалении то нарастал, то затихал шум машин, в небе над головой кричала чайка, а он ни о чем не спрашивал.

– Знаешь, – наконец сказал он, – единственный способ, который здесь может сработать, чтобы ты не впала в зависимость, – самой захотеть этого. Хоть алкоголь, хоть наркотики, неважно, раз ты говоришь, что твоя проблема из той же серии, надо просто захотеть этого.

– Я не могу. Мне нельзя.

– Ну вот. – Джейк пожал плечами. – Ты зачем пришла?

Она в ужасе уставилась на него.

– И не надо смотреть на меня так, будто мне все равно. Это не так. Я лишь хочу донести до тебя мысль, что все в твоих руках. Ты пришла, чтобы поговорить со мной; просишь совета, но, похоже, просто хочешь услышать, что все в порядке. Что это нормально – отпустить, перестать пытаться, позволить проблеме поглотить тебя. Так вот, от меня ты этого не услышишь.

Что-то черное – муравей или крошечный жучок – карабкалось по носку ее кроссовка. Кэсси внимательно следила за ним, широко раскрыв глаза и плотно сжав губы.

– Так что, если тебе все еще нужен мой совет: *попробуй*. Постарайся найти что-то еще, то, что имеет значение. Может, не такое большое значение; вполне возможно, ничто и никогда не будет иметь такого значения. Это жизнь, понимаешь? И дерьмо – тоже часть этой жизни.

Она откашлялась.

– Позволю себе перефразировать: а что такого особенного в моем дерьме?

– Ну, хорошо. Знаешь, в конце концов… если тебе повезет, что-нибудь еще *обязательно будет* иметь значение. Настоящее значение. Вот смотри, я люблю свою жену. Люблю своих детей. И вдруг – бах! И вот оно случилось. То, что тоже имеет значение. – И он указал на собор как олицетворение веры.

Кэсси отвернулась. С ней такое не случалось: ей никогда не доводилось верить. Хотя для многих людей в группе вера стала спасательным плотом. А вот семья у нее когда-то была. И она все еще любила их, даже если они совсем забыли о ней. Сделав пару глубоких вдохов, она сказала:

– Я попробую.

– Хорошо. Я рад.

Не то муравей, не то жучок уполз. Исчез в траве или заполз в ее кроссовку через дырку в изношенной подошве.

– Мое время, наверное, вышло. Тебе пора домой, а то жена начнет гадать, где ты.

– Пожалуй. – Но он остался сидеть. – Не знаю, слышала ты про Эйприл?

Эйприл. Женщина, которая помнила все имена и угощала всех чаем. С бесконечным удивлением в широко распахнутых глазах.

– Ее нашла дочь на прошлой неделе. Передозировка. И это не несчастный случай, она поступила так осознанно. Снотворное.

– О Боже! Какой ужас! Из всех людей… кто бы мог подумать.

Кэсси не знала, насколько они были близки, Эйприл и Джейк. Стоило ли выражать ему свое сожаление. Но все равно сказала:

– Мне искренне жаль.

Это были правильные слова, и она имела в виду именно то, что произнесла вслух; просто ей не всегда удавалось прочувствовать эти слова как надо.

Он покачал головой:

– Смерть – всегда потрясение, кого бы она ни коснулась. Хотя, на мой взгляд, об этом мало кто догадывается. В любом случае вот подумал, что надо сказать тебе. – Он встал. – Похороны завтра, вдруг захочешь прийти.

Его голос звучал тяжело, устало, и она вдруг представила, как Джейк, словно Атлас[20], держит их всех на своих широких плечах, согнувшись почти вдвое. Опираясь на свою веру и стараясь не

показывать, как нелегко ему нести это бремя. Жаль, что он не всегда рядом, чтобы защитить ее, как медведь, большой и сильный. Ей захотелось обнять его, хотя она не была уверена, кто кого станет утешать; да и в любом случае она знала, что он отодвинет ее в сторону, мягко, твердо, и она почувствует себя полной идиоткой. Вместо этого она кивнула, когда он назвал ей время и место похорон. Пообещала, что придет. И еще раз пообещала, что попробует.

Глава двадцать вторая

Середина летних каникул, и в парке полно детей. На западе небо темнело. К вечеру оно расколется, и без грозы не обойдется. Кэсси чувствовала ее приближение по своим ноющим зубам и затрудненному дыханию. Дети визжали, но душный воздух приглушал их непосредственную первозданность. Тяжелые тучи висели над их пронзительными играми; когда смех переходил в истерику, для вынесения приговоров и утешения призывались родители.

Сидя на скамейке между качелями и лесенкой для лазания, Кэсси не переставала вглядываться в бегущую, брыкающуюся, взбирающуюся массу детей, высматривая Эллу и Финна. Она была в «Хорошем парке», где они так любили гулять. Где они любили гулять раньше. Приоритетная зона обслуживания привлекала респектабельные семьи и часто посещалась туристами. В отличие от небольших клочков зеленых насаждений рядом с домом, где находилась квартира Мэг, где полно собачьего дерьма, иголок, битого стекла, здесь были аккуратные лужайки и ухоженные клумбы. Цепи качелей не покрывала ржавчина, карусель плавно крутилась вокруг своей оси, поэтому именно сюда, хотя и далеко от их дома, особенно для Эллы, Кэсси обычно приводила детей, давая Мэг небольшую передышку. Элла обычно просила, чтобы ее несли, умоляла, уговаривала, ныла, и в конце концов Кэсси сдавалась, потому что Элле было всего три годика, и ножки у нее еще короткие для такой долгой пешей прогулки. Тогда начинал жаловаться Финн. И она отвечала, что ему уже пять, а значит, он достаточно взрослый, чтобы идти своими ногами, но он все равно хныкал, а она отвлекала его рассказом о нем самом. И так они добирались в «Хороший парк» и обратно.

Теперь Элле уже исполнилось пять лет, а Финну – почти семь. Оба достаточно взрослые для пеших прогулок. За последний год Кэсси несколько раз видела их здесь. Она всегда держалась вдалеке, защищая себя от безразличия Мэг, а детей – от собственного легкомыслия.

Они часто приходили сюда, но сегодня их не видно.

Если забыть, что Кэсси сидит здесь уже пять часов, ее можно принять за мамочку, урвавшую десять минут для себя, пока дети

носились по площадке. За это время она пропустила похороны Эйприл. Но туда пришло бы много знакомых, да и сидеть в парке, дожидаясь появления племянников, было более важным делом. Жаль только, что не сдержала обещание, данное Джейку.

«*Я люблю свою жену,* – сказал он. – *Я люблю своих детей*». Она знала историю Джейка. Там, где она была закрыта, как сжатый кулак, его можно сравнить с раскрытой ладонью. Что потерял Джейк: мать и отец (умерли от пьянства), младший брат (умер от наркотиков), восемь лет (тюрьма, рукоприкладство, хранение наркотиков с намерением сбыта), первая жена и дочь (разошлись и живут на другом конце света). И все же у него хватало сил сказать: «*Если тебе повезет, что-нибудь еще обязательно будет иметь значение*». Ему повезло встретить женщину, которая, зная его историю, все равно полюбила его, дала ему второй шанс на любовь, брак, детей.

А каким образом повезет ей, если вообще повезет? Как будет выглядеть это везение? Только не так. Не как мамочка в субботний день в парке развлечений, одним глазом присматривающая за своими детьми. Неважно, как аккуратно она поливала свое зонтичное растение, как часто кормила глупую кошку Льюиса. На самом деле она была безответственной. Самой себе она уже доказала это. Никогда ей не стать человеком, который заботится о других. Забавно, но в течение многих лет она считала себя сильной, даже храброй. Когда умерла мама, она пропустила неделю занятий в школе, а затем вернулась и сдала экзамены. Когда ушел отец, она продолжила учебу, закончила школу, поступила в университет, начала взрослую жизнь. Правда, тогда рядом с ней был Алан. Но позже, когда все рухнуло, и проще всего было бы поступить, как Эйприл, она, с опущенной головой, поплелась по жизни дальше. В некотором роде перестроила свою жизнь. Пытаясь загладить вину.

Но все это время она обманывала себя. Теперь она не сомневалась в этом. Эгоистичная и слабая, она не устояла перед первым настоящим искушением.

Рискуя вызвать в парке неодобрение всех взрослых, она скатала папиросу, решив подождать до полдника. Они ведь могли и не прийти, и, скорее всего, не придут. Обычно она оставалась до тех пор, пока толпа детей не редела, разобранная родителями. Дети неохотно возвращались домой к еде, ванне и постели. Или до тех пор, пока с

первыми каплями дождя парк не становился безлюдным. Завтра она снова придет, а после… дальше она не знала. Можно было бы пойти к сестре домой. Мег, конечно, не впустит ее; с тех пор как произошел тот инцидент, она ни разу ее не впустила. Но Кэсси, хотя бы мельком, увидела бы малышей, и для нее этого было бы достаточно. И даже имело бы достаточное значение. И, возможно, помогло бы ей сделать тот выбор, который Джейк ждал от нее: разрушенное настоящее вместо идеального прошлого.

Она никогда не сомневалась, что у нее будут собственные дети, от Алана. Сейчас, конечно, эта мечта не сбудется. И все же время от времени она ловила себя на том, что представляла, как все могло бы быть. Луч солнца проскользнул между облаками, она прищурилась и позволила себе снова увидеть. Их ребенок – девочка – осторожно ступала по бревну. Алан шагал рядом, чтобы поддержать дочь, если она начнет терять равновесие, и поймать ее, если она будет падать. Почти так близко, что протяни руку – и коснешься; мир, который они с Аланом придумывали вместе. Он мерцал за тяжелым занавесом реальности, а временами налетевший ветер подхватывал, дергая, занавес, и из-под него проступало яркое захватывающее сияние Игры Воображения.

Кэсси заставила себя вернуться в реальный мир. Основательно изменила, переосмыслила сцену. Сосредоточила внимание на облупившейся краске на скамейке под ее ладонями. Краска была грубой и настоящей, но чтобы заметить это, все равно пришлось сделать усилие. Когда же она позволила себе расслабиться, скамейка и облупившаяся краска снова исчезли. Так же, как и сухой теплый запах вытоптанной травы. Но стоило ей сосредоточиться, и вот они снова на месте. Прикосновение, запах, звук. Шум высоких детских голосов, приглушенные крики родителей.

– Финн, спокойнее и ровнее!

Услышав это имя, ее словно ударило током. Бросило в дрожь. Голос, издавший «папин защитный крик», был незнакомым. Чей-то еще Финн. Она огляделась в поисках другого Финна – скользнула взглядом по горкам, карусели, лесенкам для лазания – и замерла. Элла сидела на качелях, вытянув ноги вперед, а Финн неумело толкал ее, так что качели больше кружились и дергались из стороны в сторону, чем

поднимались и опускались. Рядом с ними стоял незнакомый мужчина, который, собственно, и крикнул имя. Теперь он раскачивал качели.

Она смотрела, как он качает ее племянницу, осторожно, несильно и невысоко, выдерживая короткую прямую линию и ровный ритм. Элла наклонялась вперед и назад, ее слишком большая футболка развевалась на худеньком тельце. Обычно Кэсси сажала ее на защищенное сиденье качелей для малышей и тихонько раскачивала, а она сидела с открытым ртом, будто сосредоточенно училась через глаза, уши, рот, нос и кожу, смотрела на свои ноги, словно загипнотизированная зрелищем, как они летают над землей. Сейчас она визжала, от полета в небо у нее кружилась голова. Повернувшись, она что-то сказала мужчине, и Кэсси почувствовала, как она вся напряглась, готовая вскочить, готовая подхватить, если маленькие ручки Эллы соскользнут с цепей.

– Подожди, детка, – услышала она. – Ты хорошо держишься? Держись крепче.

Через некоторое время он замедлил движение, поймал ее, и Элла соскользнула на землю, уступая качели Финну. Его волосы стали длиннее; они развевались, когда он по дуге взлетал вверх, и падали на глаза на спуске.

– Выше! – сразу же закричал он. – Я хочу выше, еще выше! До самого верха! – И мужчина толкал сильнее, и Кэсси видела волнение на лице Финна.

В какой-то момент, когда он неуверенно наклонился вперед, его ноги коснулись верхней перекладины, и она услышала его визг и увидела, как быстро мужчина потянулся, напрягся и поймал его около вершины дуги, схватившись обеими руками за сиденье, а затем спокойно опустил его, притворившись, что не заметил страх Финна.

– Куда дальше? – Вот все, что он сказал.

Всего мгновение на раздумья, и вот Финн уже бежал, и Элла тоже. К ней – мимо нее – они пронеслись не более чем в футе от нее. Мужчина даже одарил ее чем-то вроде улыбки, когда шел за ними. Повернувшись, Кэсси смотрела, как Финн забрался на карусель, а Элла вскарабкалась на подпрыгивающую желтую утку.

«Найди что-нибудь еще, что имеет значение». Вот она и искала, как и обещала. Она пыталась найти что-нибудь еще. И они на самом деле имели для нее значение; и что из этого вышло? Они пробежали

мимо. Они больше не узнавали ее. Это она не имела значения для них. Дети ее сестры пришли в парк с мужчиной, которого она видела в первый раз, и он имел для них значение. Человек, не связанный с ее семьей кровными узами. Похоже, хороший человек. Если не знать, можно даже подумать, что замечательный отец.

Кэсси наблюдала, как дети, устав играть, начали кампанию за мороженое. С того места, где она сидела, их голоса терялись в общем гаме. Она видела, как Элла указала на фургон, и они оба потянули мужчину, – по одному на каждую руку, – пока тот не сдался, и они все вместе не встали в очередь. Теперь они стояли неподвижно, и ей очень хотелось посмотреть на них поближе. Увидеть, как они подросли, на кого стали похожи – на маму, или на бабушку с дедушкой, или на тетю. Она уже подумывала, не встать ли ей тоже в очередь за мороженым. Можно же просто стоять неподалеку, не привлекая их внимания. А можно и заговорить с ними: *«Привет, вы не помните меня?»* И еще спросить: *«Тебе понравилась книжка, которую я прислала тебе?»* Эта мысль, шевельнувшись в ней, заставила ее сесть прямо и приготовиться действовать. Если бы он хоть на мгновение оставил их. Отвернулся бы поговорить с кем-нибудь. Но было уже слишком поздно: они стояли у прилавка и выбирали мороженое. А затем направились к воротам. Готовые вернуться домой. Финн и Элла, держась за руки, ели на ходу.

Держась за руки. Именно так они и покинули ее квартиру, когда она в последний раз присматривала за ними. В последний раз, когда она была для них семьей. В тот раз, когда они стали друг для друга потерянными.

Глава двадцать третья

Ты засыпаешь в полном изнеможении, пересекаешь границу между Игрой Воображения и снами и просыпаешься в реальном мире, замерзшая, с одеревеневшим телом, мокрая, в пустой ванне.

Все тело ломит от многочасового неподвижного лежания на твердой поверхности. Ты опять обмочилась, но это нормально. Вот почему перед сеансом ты и устроилась в ванне. Твои трусики, футболка холодные, липкие, с кисло-сладким запахом. Ты выкарабкиваешься, локти, коленки больно бьются об эмалированную поверхность. *Обхватите руками ноги, голову наклоните к коленям!*

Пара минут уходит, чтобы вспомнить, кто ты.

Каждый раз, приземляясь в этом мире, ты теряешь тот. Теряешь Алана. Теряешь себя – то «я», которым ты была, когда находилась с ним. И возвращаешься к тому «я», которым ты являешься сейчас и здесь и узнаешь его с большим трудом.

Ты стоишь, шатаясь. Стягиваешь грязную одежду и бросаешь ее в раковину. Ты обещала себе, что больше такое не повторится. Сегодня… вчера вечером. Ты останешься в реальном мире и присмотришь за детьми.

Дети… но они все равно еще будут спать. Для них это целое приключение – остаться у тебя на ночь и спать на твоей большой кровати. А Мэг отправится на свидание, первое с тех пор, как ушел их отец. Когда ты зашла за детьми вчера вечером, у всех троих голова шла кругом: Мег в блестящем топе, раскрасневшаяся и хихикающая, Финн и Элла носились как угорелые. Дети не сразу успокоились. Прокравшись в полночь из комнаты в ванную, ты сперва убедилась, что тебе их видно при свете из коридора, и все было в порядке. Оба посапывали, накрытые одеялом: Финн спал на животе, Элла раскинулась, как морская звезда.

Ты наклоняешь лицо к насадке для душа. Позволяешь горячей, с паром, воде очистить тебя и утешить. Ты долго стоишь под душем, пока не начинаешь чувствовать, что оттаиваешь, возвращаешься к жизни. Потом, завернувшись в халат, идешь проверить детей.

В спальне никого, одеяло откинуто. Наверное, они уже проснулись и отправились в гостиную, смотрят там телевизор или прыгают на диване.

Если бы не одно «но»… Не слышно ни звука. Ни из гостиной. Ни из кухни. Ни из другой свободной комнаты. В квартире никого… входная дверь открыта, коридор пуст. Боже, который час? Как долго… как долго она находилась в Игре?

Натягивая одежду и завязывая шнурки кроссовок, она вся дрожала. Схватив ключи и планшет, выбежала из квартиры. На мгновение беспомощно замерла на площадке, от ужаса по коже бегали мурашки. В здании двенадцать этажей, лифт и две лестницы. Наверняка панель лифта слишком высока для Финна. Хотя он же дотянулся до защелки ее входной двери… Им нравился лифт, плавно поднимающийся и спускающийся… Приняв решение, она нажала кнопку вызова лифта. Услышала, как он отозвался, бесконечно медленно. Пока он полз с первого этажа вверх, она думала о Мэг. О невозможности рассказать ей. От этой мысли у нее задрожали колени и подкосились ноги, и она оперлась рукой о стену. Она должна найти их. Она согласна на что угодно – сломает свой приемник, останется в реальном мире навсегда…

Лифт остановился, на мгновение возникла безмолвная надежда, и двери открылись. К горлу подступила тошнота, и она услышала, как говорит: «Нет», развернулась и, рывком открыв дверь на северную лестницу, побежала на самый верхний этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Они должны быть где-то здесь. Обязательно должны. Нужно проверить каждый этаж, и она найдет их. Она бежала по коридору, крича: *«Финн! Элла!»* Теперь на южную лестницу, вниз на один пролет. Их имена отскакивали от стеклянной крыши и улетали вниз, к самому началу лестницы. Перегнувшись через перила, она видела только уходящий вниз темный лестничный колодец и ни одной живой души. Снова в коридор – бегом по коридору – вниз. И опять, и опять. Каждый коридор – копия предыдущего, ковер заглушал ее шаги, ее крики, их имена замертво падали на пол, как только покидали ее рот… Жесткая высота лестничного колодца, ее голос – эхо, которое никто не слышал. Снова ковер, пол коридора, кажется, накренился, и она бежала по нему вверх… Номера на дверях, танцуя, расплывались, и не получалось вспомнить, на сколько этажей она спустилась, сколько

этажей над ней и сколько еще впереди. Дважды ей казалось, что она добралась до самого низа, но выяснялось, что ниже есть еще этажи, и когда наконец она выскочила в фойе…

Их там не было. Никого. Нигде.

Выбежали на улицу? Но чтобы открылась входная дверь, надо нажать кнопку. Неужели Финн знает, что ее нужно нажать? Или они все еще в доме, за любой из дверей, мимо которых она пробежала, дверей с танцующими номерами. Она постучит в одну из дверей, и та откроется. И она увидит Финна и Эллу, устроившихся на чужом диване, с тарелками кокосовых хлопьев, перед телевизором, и добрую соседку, позаботившуюся о потерявшихся детках. За соседней дверью живет одинокий мужчина. Он всегда такой тихий, держится в сторонке… Чтобы пройтись по соседям, требовалось время, которого у нее нет. Она выбежала в безлюдное тихое воскресенье. Небо, оно какое-то неправильное: солнце скользило за многоквартирным домом, а должно было подниматься над морем. Не утро, а день, ближе к вечеру. Она бросилась к дороге вдоль берега, по которой с грохотом мчались машины, и стала высматривать заблудившихся детей, во всех направлениях, приподнимаясь на цыпочках, будто от этого можно было увидеть намного дальше. Ничего. Никого. Рядом с ней – низкая каменная стенка, как раз такой высоты, чтобы легко вскарабкался пятилетний ребенок. А за ней – падение. Всепоглощающие свинцовые воды моря.

Это не реальность, это сон, подобный тем снам, когда она, забыв чемодан, опаздывала на поезд, и пусть она проснется, ну пожалуйста, пусть проснется… Но она-то знала: все случилось на самом деле. Случилось самое худшее.

На мгновение она разрешила себе подумать о звонке в полицию. Они обязательно ответят, что дети в безопасности, у них, – заблудились, и неравнодушная женщина привела их в участок, и Кэсси может прийти за ними прямо сейчас. И еще на одно мгновение она разрешила себе подумать, что, если повезет, Мэг никогда не узнает о происшествии.

Затем дрожащей рукой она достала планшет и позвонила сестре.

Остальное она помнила какими-то осколками, с зазубренными краями, которые при каждом воспоминании больно впивались в нее. Голос Мэг в трубке, настойчивый, громкий, и ее собственные слова,

едва слышные, слабые. На отрезке от парковки до улицы она два или три раза останавливала машину. На перекрестке сидела за рулем, как парализованная: налево или направо? Заметив впереди две маленькие фигурки, резко нажала на педаль газа и только потом поняла, что детей сопровождают двое взрослых, пара, а значит, это не они. Окутанная ощущением нереальности происходящего, она передвигалась по улицам, внимательно просматривая тротуары, парапет у моря, пляж. И когда наконец увидела точно их, ее охватила паника. Боже! Они все еще в пижамах: Финн – с человеком-пауком, Элла – с Hello Kitty. И они разговаривали с незнакомым мужчиной. Бросив машину поперек неширокого переулка, она выскочила и побежала к ним, выкрикивая их имена, а мужчина протянул ей свой планшет со словами: «Я только что позвонил в полицию». И пока он говорил, с противоположной стороны улицы подъехала патрульная машина, а затем, почти сразу, появилась Мэг… И Мэг избегала встречаться с ней взглядом. Дети плакали в истерике, замерзшие и напуганные, а она не переставала твердить: «Мэг, мне так жаль, очень жаль!» И наступило облегчение оттого, что дети нашлись, такое сильное, что еще чуть-чуть, и она упала бы в обморок, даже пытаясь обнять детей и отчаянно стараясь утешить их.

И тут Мэг посмотрела на нее.

Под ее взглядом Кэсси отступила назад, опустив руки по швам. Она тонула, охваченная ужасом от того, что сделала. И ей следовало бы понять, но у нее не получалось, что, хотя дети нашлись, для нее они по-прежнему потеряны. Как и вся ее семья.

Если бы она больше старалась извиниться, если бы не сдавалась, если бы сказала всю правду, было бы тогда все по-другому? В первый раз, когда Мэг повесила трубку, она утешала себя тем, что сестре нужно побыть несколько дней наедине с собой, чтобы успокоиться. Дни перетекали в недели: чем больше она отодвигала их разговор, тем тяжелее становилось начать его. Как она объяснит? Начиная тестировать Игру Воображения, она уже тогда с трудом находила слова, чтобы описать ее Мэг. Все казалось одновременно наполненным слишком глубоким смыслам и в то же время незначительным. Ощущения были ни на что не похожи, и тем не менее все воспринималось лишь как игра. Воспитывая детей, Мэг занималась настоящим, серьезным делом. Кэсси же в Игре всего лишь отвлекалась от жизни. А потом, когда она нашла Алана, – в тот день, сидя на

заднем дворе клиники, на скамейке за бамбуковой решеткой для цветов, – ей уже нечего было рассказывать. Только Алан, а он слишком особенный, слишком сокровенный, чтобы делиться им.

Когда все рухнуло, и она начала снова собираться с силами, то нашла в себе мужество продолжать попытки наладить отношения с семьей. Звонила. Появлялась около дома Мэг. Посылала письмо за письмом. Она двигалась по жизни дальше: своя крохотная комнатушка, свой молодой бизнес, Джейк и группа психологической поддержки, и, если прикладывать достаточно много усилий, продолжая извиняться, Мэг, конечно, простила бы ее, и Кэсси вновь обрела бы семью. В конце концов, дети не пострадали: никто не причинил им никакого вреда.

Но затем появилась эта фотография, сделанная неизвестным фотографом: Финн и Элла играют на лужайке за домом. И она поняла, что ее действия снова подвергли детей опасности. Действия были ее, хотя, казалось, предпринял их кто-то другой. Она была не в себе. Именно это она и пыталась объяснить Мэг в своем последнем письме. Прочитав письмо, она с отвращением порвала его и начала снова. Изложила факты. Предупредила. Что взяла деньги в долг и предложила квартиру Мэг в качестве залога. Она не верила, что это законно, поскольку квартира принадлежала не ей. Сейчас она выплачивала этот долг, и Мэг не о чем было беспокоиться, но она хотела предупредить сестру, что Финн и Элла могли оказаться в опасности. Она понимала, что после такого Мэг никогда не простит ее. Поэтому она больше не будет пытаться восстановить их отношения. Но она обещала сделать все возможное, чтобы уберечь детей от беды.

Все возможное. По крайней мере, это было ей по силам.

Парк опустел, где-то вдалеке откашлялся гром. Кэсси поднялась со скамейки. Следующий платеж только через месяц, но к тому времени она уже превратится в того, кому сама не стала бы доверять. Долг надо заплатить сейчас, пока она еще являлась частью этого мира. И не только следующий взнос, но и всю сумму.

По дороге она проверила в планшете баланс. Последний платеж она сделает с недавнего заказа от студентов летней школы. Пятьдесят процентов принадлежали Николу, но с этим она разберется позже. Плюс гонорары, которые она откладывала для других оперативников. Все равно не хватало почти тысячи.

Упали первые капли дождя, когда она, отстегнув велосипед Льюиса, поехала в ближайший магазин велосипедов. Ей предложили семьсот пятьдесят фунтов, она выторговала восемьсот, но дальше торг не пошел. В другом магазине, через несколько улиц, вообще не стали торговаться.

Третье место, которое она попробовала, находилось на окраине квартала Новый Город, где жили богатые студенты. В витрине – винтажные дорожные велосипеды с легкими рамами из углерода, на их ценниках значилось не менее четырех цифр. Она продаст его за тысячу фунтов, сказала она молодому человеку в магазине, а он с улыбкой ответил, что у нее нет шансов, и было бы большой удачей, если бы магазин смог продать велосипед за столько. Она улыбнулась в ответ, стараясь не показывать своего отчаяния, и принялась расписывать его отличное состояние: почти не пользовались, ни царапины, стоит более двух тысяч фунтов стерлингов, новый, легкий… Шаг за шагом они продвигались к соглашению о цене. До последнего момента, когда они пожали друг другу руки, Кэсси убеждала себя, что на самом деле она не продавала велосипед, а просто теоретически выясняла, сколько он мог стоить. Да и Льюису он не нужен. И в любом случае с его стороны глупо было одалживать ей велосипед: нашел кому доверять! Он сразу должен был понять это. Добрый, но глупый.

Дорога домой, с заходом в круглосуточный банкомат, заняла у нее два часа. Дом Льюиса находился намного ближе, но сегодня она не смогла бы смотреть ему в глаза.

Глава двадцать четвертая

– Мне правда очень жаль. Прости, пожалуйста.

Позднее солнце светило прямо в глаза. Словно в них попала пригоршня песка, сухого и горячего: она отвернулась от окна в поисках темноты. Такое ощущение, будто ее допрашивали. Льюис отнесся к утрате велосипеда хуже, чем она ожидала.

– Куплю тебе новый… ну, прямо сейчас у меня нет денег, но…

– Мне новый зачем? Что, по-твоему, я буду с ним делать? – Он сложил руки на груди, спрятал ладони в подмышках и плотно сжал челюсти. Она никогда не видела его таким.

«Надо было держать его запертым в шкафу, – чуть не вырвалось у нее. – *И тогда велосипед дожил бы до следующего объекта твоей благотворительности, который ты пустил бы в свою постель».*

– Прости, пожалуйста, – повторила она.

Вчера вечером она договорилась об окончательном погашении долга. Он будет погашен, как только сумма спишется с ее депозита. И через пару дней все станет так, будто она никогда не занимала деньги, а Элла и Финн никогда не были залогом ее глупости. Льюиса, конечно, жалко. Особенно, когда он такой взвинченный из-за нее. Но она поступила бы так снова, даже не задумываясь.

– Мы же договорились, ты не будешь брать его к себе!

Жаль, что он никак не успокоится.

– Да. И я пристегнула его…

– Ты пристегнула! Чем? Твоей жестяной цепочкой? Сколько, по-твоему, времени уйдет, чтобы перекусить ее кусачками? – Он не ждал ответа. – Ну, как же так можно?!. Ты даже не взяла его в квартиру, а просто оставила на лестничной клетке какой-то дурацкой многоэтажки!

«Малоэтажки», – подумала она, но не стала поправлять его вслух.

– Я все понимаю. Просто он такой тяжелый. Надо было взять.

– Вот именно, надо было.

Сколько раз еще просить у него прощения? Она не хотела находиться здесь. Ни в этой квартире. Ни в этом теле. Вчера вечером, когда она наконец добралась домой, у соседа опять вовсю грохотала

музыка. Она попросила сделать потише, а он пригласил зайти. Райан – так его зовут, – парень как парень, когда поговоришь с ним, хотя она не помнила, о чем они разговаривали. Не помнила, сколько выпила. Но достаточно, чтобы отравиться. Чтобы мозг распух в черепе так, что каждое движение причиняло ему жуткую боль. Достаточно, чтобы от запаха еды, которую готовил Льюис, ее мутило, словно от сильнейшей качки. Жаль, не догадалась сказаться больной и остаться в постели. Отложила бы признание до завтра. Так нет же! Смиренное отвращение к себе заставило ее встать и тащиться через весь город на своем стареньком дребезжащем велике, и сейчас терпеть его гнев вперемешку со своим похмельем.

Он имел полное право сердиться, но ее удивило, как безжалостно он себя вел. Не то чтобы он не мог позволить себе еще один велосипед. Он даже не нуждался в нем, этом еще одном велосипеде. Она унижалась столько, сколько могла вытерпеть: и сейчас, в пылу его гнева, ее вина клокотала в негодовании, на которое у нее не было никакого права.

Наверное, он почувствовал ее состояние. Он покачал головой, как бы отпуская ситуацию.

– Ладно, забудь, – проворчал он с видом человека, который ищет, по чему бы хорошенько так ударить кулаком.

Кэсси смотрела, как он поворачивался к ней спиной. И неожиданно вспомнила Мэг. Драку между ними, которая произошла вскоре после смерти мамы. Из-за маминого кардигана, который Кэсси, думая, что он принадлежит ей, носила неделями, практически не снимая, пока Мэг не заметила темное пятно. Масляное пятно от какой-то упавшей еды. Завязалась такая жестокая драка, что даже отец очнулся от горя. Он держал Мэг, оттаскивая ее от Кэсси, а та кричала: *«Безмозглая неуклюжая сука, ты же испортила его навсегда!»* Мама носила этот кардиган в тот единственный раз, когда Кэсси создала ее в Игре Воображения. Она все еще видела его, в точности такой же, как настоящий, чувствовала, вдыхала его запах: пушистый, оранжевый, ручной вязки, все оттенки от абрикоса до заката, переходящего в красновато-ржавый. Едва уловимый запах шерсти и ландыша. Этот кардиган было легко создать силой воображения. Со всем остальным было гораздо труднее.

Кэсси потерла лоб. Встала и взяла сумку.

– Я сказал, забудь… Куда ты идешь?

– В какую-то дурацкую малоэтажку. – Льюис посмотрел на нее озадаченно. – Домой я иду.

У него вырвалось что-то вроде стона:

– Нет, слушай, ну, хватит уже. Тебе не нужно…

– Мне вообще ничего не нужно. Просто, по-моему, в данный момент ты не хочешь видеть мое лицо или слышать мой голос, и, честно говоря, это желание в некотором роде взаимно, поэтому… я собираюсь дать тебе, ну, ты понял… – Повернув руки перед собой ладонями вниз, она показала жестом, будто выравнивает ситуацию. – …Остыть.

У него едва заметно дернулась челюсть, и на мгновение Кэсси показалось, что она снова разозлила его.

– Подожди минутку, – буркнул он, выходя из комнаты, и уже из другой комнаты крикнул: – Хочу показать тебе кое-что.

Головная боль внезапно утихла. Большой палец наткнулся на зазубрину на краю стола, и она принялась расковыривать ее ногтем. Кэсси так пристально смотрела на столешницу, что древесные волокна начали колыхаться, как живые. Она моргнула, стараясь успокоить их, а заодно и свой опять сжавшийся желудок.

Вот оно. Сейчас. Сейчас произойдет.

Льюис вернулся вроде с пустыми руками, и она поняла, что угадала.

Он уселся напротив. И она физически почувствовала, как он, разжимая кулак, наблюдает за ее лицом.

– Где… ты их достал? – Она взглянула на него.

Но он только покачал головой. На ладони, рядышком, лежали две изогнутых штуки – не то ракушки, не то панцири насекомых.

– Думаешь, сработают?

Кивок.

Сейчас они не светились, и так будет до тех пор, пока она не возьмет приемник и не наденет его на ухо. Он подключится к ее сети, свет начнет пульсировать, а затем превратится в ровное голубоватое сияние.

Голос Льюиса звучал откуда-то издалека. Она постаралась сосредоточиться. Что бы он ни говорил, это могло оказаться важным.

– …как они работают, – продолжил он. – Шифруют твою ДНК, позволяя вскочить на существующий аккаунт. Итак, надеваешь приемник, он сканирует сеть и захватывает первый попавшийся неактивный на данный момент аккаунт – и бац! – ты Джон Смит или кто-то еще.

– Но это же на один раз?

– Нет! В том-то вся и прелесть. Каждый раз подключение происходит к другому аккаунту. Завтра вечером ты будешь Джейн Браун. А на следующую ночь – Аннабель Неважно-Как-Тебя-Там. Ты всегда на шаг впереди.

Она посмотрела на часы на микроволновке.

– Сеанс обязательно должен проходить ночью?

– Ночью наибольший шанс отыскать неактивный аккаунт. Большинство пользователей спят.

Льюис растянулся на кровати, стаскивая простыню с уголков матраса. Скомкал ее и бросил в кучу вместе со старым пододеяльником и наволочками.

Спрашивать неловко, но, пожалуй, в этом был свой смысл. Неправильно, если их тела будут лежать на постели, в которой они трахались. Наверное, он почувствовал то же самое. Во всяком случае, он не спрашивал ее. *«И конечно же»*, – сказал он и принес из сушилки чистое белье.

Он взмахнул, расправляя в воздухе свежую хрустящую простыню, и Кэсси поймала ее угол.

– Ты уверен? – спросила она.

Он замер с вытянутыми вперед руками.

– Ты передумала?

Его голос прозвучал резко: в нем чувствовалось напряжение. Да какое это имеет значение? Практически никакого. С ней или без нее, он возвращался в Игру Воображения. Вероятно, в этом вопросе выразилось его желание, чтобы она находилась рядом, когда они, оттолкнувшись от края, начнут движение, каждый к своей цели. Она улыбнулась и помотала головой.

Наклонившись, он заправил простыню под матрас.

– Хорошо. Я тоже.

Кэсси заправила простыню со своей стороны, красиво и плотно натянув уголки.

– Я вчера разговаривала с Джейком. – Льюис смотрел на нее, словно не понимая, о чем речь. – Из группы.

– А, Джейк. Ну, да, конечно. Зачем?

– Потому что… как только я поняла, что может произойти, мне резко понадобился совет. Знаешь, я много работала над собой, старалась привести свою жизнь в порядок. – Она взяла наволочку, вывернула ее наизнанку и засунула руки в уголки. Схватив подушку за ушки, она привычным движением стряхнула на нее наволочку.

– Ловко ты! – Льюис наблюдал, как она умело справлялась со сменой постельного белья.

– Подсмотрела у мамы. И с одеялом так можно. Бросай его сюда, покажу.

– И что сказал Джейк?

– Ничего особенного, о чем самому нельзя догадаться. Его совет сводился в основном к тому, чтобы я взяла себя в руки. Но потом до меня кое-что дошло. Про группу и прочее… Нам с тобой никогда не приходилось делать то, что делают все остальные: мы никогда не сопротивлялись искушению, потому что его не было. Речь шла только о том, как справиться с утратой. По крайней мере, в моем случае. Утратой Игры Воображения. Да, тяжело, но все равно проще по сравнению с тем, с чем сталкиваются остальные участники группы. И даже сейчас – это я тоже поняла из разговора с Джейком, – я не соскальзываю. Я не сдаюсь. Я делаю этот выбор.

Она встряхнула, расправляя, одеяло на кровати и помолчала, давая Льюису возможность согласиться или возразить. Она выбрала Игру Воображения: неужели можно было предположить, что она поступит иначе? Все предыдущие разы она создавала силой воображения такого Алана, какого хотела, ту его версию, в основе которой лежали ее память и фантазия. И он получался настоящим. Теперь она надеялась – верила, – что снова найдет его. В ней бурлило возбуждение, хотелось, чтобы ее поняли и разделили с ней это ожидание. Но с самого ужина, когда, готовясь к сегодняшнему вечеру, они съели совсем немного пасты, Льюис едва ли произнес два десятка слов. Она все время болтала, потому что от предвкушения у нее кружилась голова и язык

будто оторвался от нёба. Льюис же был полной противоположностью ей: он снова ушел в себя.

– Полностью информирована, – говорила она, – осознаю, что со мной произойдет. Делаю осознанный выбор между тем, что все считают реальным, и тем, что реально с моей точки зрения. И выбираю то, что сама сделаю реальным. – Она замолчала. – Ты собираешься переодеваться?

– Переодеваться?

На нем были джинсы с ремнем. Она уже переоделась в самую подходящую одежду из того, что нашлось у Льюиса: спортивные штаны и старенькую, мягкую от долгого ношения футболку с изображением какой-то музыкальной группы.

– В более удобную одежду.

Он оглядел себя.

– А, ты про это. Да, переоденусь.

Она села на хрустящее свежестью одеяло и внимательно посмотрела на Льюиса.

– Итак, я делаю свой выбор, и ты прекрасно понимаешь, о чем я. Ты делаешь то же самое.

Льюис закончил натягивать наволочку на подушку.

– По-моему… ты, наверное, тоже кого-то потерял.

Он аккуратно положил подушку в изголовье кровати.

– Это был ее велосипед?

Он кивнул, всего один раз.

– И она ушла… она умерла?

Он опустился на кровать рядом с ней, словно рухнул с огромной высоты.

Поразительно, насколько они похожи. Оба потеряли дорогих им людей и снова обрели их в Игре Воображения. Только ее связь реальна, а его – просто воспоминание, память о той, кого уже нет в живых. На глаза навернулись слезы жалости к нему. И она снова – на этот раз искренне – извинилась:

– Прости меня, пожалуйста, мне, правда, жаль, что так получилось.

– Мне тоже, – чуть слышно ответил он, расстегивая ремень.

Чистые простыни. Мягкая одежда. Много подушек. Вода на прикроватных тумбочках, когда они проснутся, умирая от жажды.

Мысленно она уже обходила все свои заповедные места, одно за другим. Она готова и совсем близко. И почти слышала его голос.

«Кэсси, я жду. Я жду тебя уже целую вечность. Наверху, у водопада. Встретимся там? Если ты веришь в меня. Встретимся там».

ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ

Вопрос: Безопасна ли Игра Воображения™?

Ответ: Игра Воображения™ является результатом более чем десятилетних обширных научных исследований и разработок. Эта передовая биотехнология разработана ведущими специалистами мирового уровня и тщательно протестирована, что гарантирует отсутствие абсолютно любых побочных эффектов. Для использования в Великобритании Игра Воображения™ лицензирована Департаментом инноваций, что является дополнительной гарантией отсутствия нежелательных побочных эффектов. Пользователю обеспечена полная безопасность!

Она ввинчивается в ничто, в блаженное отсутствие всего.

Она ни в чем не нуждается. Только в том, что есть сейчас.

Нет такого понятия, как будущее. Никакого прошлого. Только сейчас.

Бестелесная.

Свободная.

Улучшенная.

Обретая свое «я», она всплывает.

Она висит в чем-то медленном, похожем на воду, и чувствует, как оно обтекает кожу. Нежное сопротивление несет ее вверх, раздувая волосы, чистое, как воздух, и ее дыхание тоже прохладное и прозрачное, зрение не искажено. Но, глядя вниз, она видит лишь себя.

Ей приходится прикладывать больше усилий, чем она помнит по предыдущим сеансам. Если она и ожидала чего-то, так это попасть

сразу на их место. Оказаться там с Аланом. Но она одна. Она прощупывает свое сознание и ничего не чувствует. Подключения нет.

Вот что значит отсутствие практики! Она открывает рот – пробует на вкус зелень, запах мокрых листьев. *«Наверху, у водопада. Встретимся там?»* Силой воображения она создала самое начало. Теперь надо поработать над ним. Если она сделает все правильно и… поверит, он будет там. Обязательно будет.

Она закрывает глаза и приступает.

Сначала вкус и запах: она концентрируется на влажной земле, озоне, мягких травяных нотках растений. Так как она делает все правильно, то начинает вдыхать свежесть воды, которая вызывает желание открыть глаза, но… не сейчас. Еще рано.

Далее – ее кожа. Ноги босые, в прохладной траве. Трава приминается под ногами, щекочет лодыжки. Легкий ветерок треплет ее волосы, доносит до нее брызги водопада, легко касается ног. С брызгами появляется звук. Вода стремительно обрушивается на скалу. Она дорисовывает в качестве фона водопад, а сверху дополняет слоем из капель дождя, барабанящих по тугим листьям. В их дроби нет никакого закодированного сообщения. Обычный дождь, ровный и нежный, как ритм ее сердца, естественный, как дышать. Будто его и не нужно создавать. Достаточно просто заметить, что он есть.

Заметить. И сейчас она замечает, что улавливает дыхание, сначала слабое, почти неслышное. Его дыхание. Спокойное и медленное, а теперь отчетливее и совсем близко.

Она поворачивает лицо. Чувствует его дыхание у себя на щеке. Подстраивает свое дыхание под его, вдох-выдох. Какое-то время они просто дышат вместе.

Ей нужно открыть глаза, нужно дотянуться до него, коснуться, но эта мысль выбивает из ритма. Ее дыхание становится более поверхностным и быстрым. Если она откроет глаза, кого она увидит? Он так долго был потерян для нее. Невосполнимо потерян. А теперь он совсем рядом. Она думает о запертой палате, о теле, втиснутом в синий стул с подлокотниками, скрытом под всеми слоями его плоти, и ее веки сами собой закрываются еще плотнее.

– Привет, – говорит Алан. – Эй, нет! Не делай так! Не думай о нем. Он не имеет к нам никакого отношения, во всяком случае, здесь.

– А что я увижу, если посмотрю?

– Не знаю, что ты увидишь. По-моему, это зависит только от тебя. Хочешь, расскажу, что вижу я?

– Давай.

– Тебя. С длинными волосами, распущенными как летом. Вижу, как ты гуляешь на солнце.

– Я что, сгорела?

– Не совсем. Скорее, загорела. И мне нравится твое платье.

Платье. Она чувствует, как подол платья касается ее бедер.

– Такое армейское платьице, или сафари, – говорит он, и она знает, что он имеет в виду: ее старое платье, которого уже давно нет. – И ты выглядишь… готовой.

– Готовой?

– Да, готовой действовать.

При этих словах она чувствует себя сильнее. Достаточно сильной, чтобы открыть глаза.

– Теперь, – говорит он, – твоя очередь. Расскажи мне, что ты видишь. – Она смеется в ответ. – Ладно, как скажешь, так и будет.

– Хорошо. Правда, хорошо. – Она протягивает руку и дотрагивается до него. На нем такая же футболка, что и на ее теле, в постели Льюиса. – Она у меня все еще хранится, эта футболка. Ты любил носить ее.

Эта футболка с фестиваля, на который они ездили летом, после окончания школы; кто на ней изображен, разобрать уже нельзя, рисунок выцвел почти до невидимости; хлопчатая ткань стиралась так много раз, что совсем вытерлась, и, когда ее надеваешь, кажется, будто на тебе ничего нет. Теперь дождь барабанит по крыше их фестивального шатра; сквозь рубашку она чувствует каждую частичку его. Выступ его плеча. Жесткий изгиб мышц его руки, на уровне груди. Бугорок его соска, ритм его ребер, диафрагмы. Стараясь не думать о том, что в бодрствующем мире все это потеряно, она кладет руку ему на грудь, чувствуя себя все ближе к его коже: только мягкое знакомое скольжение ткани разделяет их. Его сердце бьется сильно и ровно, прямо в ее ладонь.

– Это ты, – шепчет она.

Они вместе, одно целое. Футболка, платье… вся одежда не имеет значения. Тепло и свет пульсируют от того места, где он заперт внутри нее. Его запах наполняет ее, небесно-голубой над теплой золотистой

кожей. Она вдыхает глубже, глубже, вдыхает такой родной запах. Его подбородок касается ее головы, ее лицо прижато к его шее, но вот она отстраняется, чтобы увидеть их. Детеныши обезьян, прижавшиеся друг к другу.

– Мы так и останемся? Останемся здесь?

Ее «да» обрушивается на них обоих: нет нужды говорить об этом.

– Только, – говорит она, – не знаю, сколько времени осталось. Теперь я не могу уходить из реального мира, как раньше. Наверное, не смогу, как раньше…

– Реальный мир… Почему ты так называешь его?

– Потому что этот мир не… – Она останавливается на полуслове. Она не может сказать, что этот мир нереальный, потому что именно таким он и должен быть. Потому что *здесь* есть Алан, и они вместе. А *там*, в запертой палате, в глуши, раскачивается взад-вперед дурная насмешка с кровью под ногтями. – Ты же знаешь, я верю в тебя. Но, если ты настоящий, как насчет… другого тебя?

– Не думай о нем. Он – ошибка. Он – не я.

– Но ты здесь из-за него. Так? То, что сделали с ним, означает, что теперь мы можем быть вместе. – Она протягивает руку, гладит его золотисто-рыжие волосы, проводит пальцами по коже его головы. Кожа за ухом гладкая. Никакого отека. Никакого шрама. Никакой крови.

– Я же сказал тебе… – И его рука накрывает ее руки. – Я – не он.

– Они хотели, как лучше, – отвечает она. – Пытаются вернуть тебя обратно. Но не получается, не могло получиться, иначе…

Слишком тяжело, у нее кружится голова. Она хочет сказать, что, если бы лечение прошло успешно, он снова стал бы самим собой и не сидел бы взаперти в палате. Но он и тот, и другой: он сам и не сам. Тот, который спит на узкой кровати в палате, и тот, который стоит рядом с ней у водопада. Она не может верить в одного и не верить в другого. Не может выбрать своего Алана и повернуться спиной к другому.

Нужно так много спросить, но вопросы ускользают, будто рыбки. И совсем не хочется думать. Хочется только верить. Она отстраняется и смотрит на Алана, заглядывая ему в лицо, но он закрывает глаза, словно отворачивается от нее.

– Похоже, ты уверена, что у меня есть ответы.

– Но ты же наверняка знаешь. Чего он боится. Что с ним происходит. С вами обоими…

– Не делай этого, – говорит он. – Перестань, просто будь здесь. Мы вместе. Ну же, это не он ждет тебя, не он пришел увидеться с тобой, не он знает, куда идти…

Теперь она чувствует, как края того места, где они стоят, начинают колоться, как шипы. За ее спиной – темнота.

– Не делай этого, – повторяет он, но она отворачивается от него и идет туда. Она должна знать.

Грохот водопада расползается, сглаживается, изображение становится почти статичным. Сквозь пелену его брызг слышатся голоса: тихие, бормочущие, клокочущие и вонзающиеся, словно бур, глубоко внутрь. Она протягивает руку, пальцы касаются чего-то мягкого, без кожи, податливого и влажного. Разлагающегося. Гнилого. Отдергивает руку, но оно крепко прилипло, и вот уже оно повсюду вокруг нее. Воздух – как горячая смола, как горящая резина. Тьма лезет в нос, покрывает рот, превращается в свинец в ее легких. Она мертвым грузом тянет вниз, подбираясь все ближе и ближе. Хочет удержать ее. Вселиться в нее. Крепко охватывает ее лодыжки, запястья, рот и нос. Втягивает ее в себя, вниз… а она отчаянно сопротивляется, отбивается изо всех сил, стараясь вырваться к свету, который есть Алан, его сияние, его светящаяся кожа, его яркие золотистые волосы. Она борется, ругается, зовет на помощь, понапрасну расходуя дыхание. Судорожно хватает ртом воздух и не находит ничего, чем можно дышать, нехватка воздуха, как нож, в ее легких…

Алан. Она сосредотачивается на нем, ярком пятне, напрягается, стараясь усилить этот свет. Это же ее Игра Воображения! Она контролирует ситуацию или нет? Кэсси пытается сконцентрироваться, заставить свет разлиться и оттолкнуть тьму… «О Боже, – шепчет она, с трудом в очередной раз втягивая воздух в легкие. – О Боже! Неужели у него вот так все происходит?»

Он ловит и удерживает ее, и ее грудь вздымается к нему. Его сердце уверенно бьется для нее, но собственное стучит в три раза быстрее. Липкая гниль пачкает руки и аккуратно подстриженные ногти… Ее охватывает паника, она пытается стряхнуть мерзкую черную слизь.

– Кэсси, – обращается он к ней, – все по-настоящему в порядке.

Она заставляет себя подстроиться под ритм его дыхания. Смотреть на него. Открыться. Позволить ему видеть то, что у нее внутри. Показать ему все самое худшее в себе. Показать побег, который она хотела бы, чтобы он совершил. Побег, от которого и он, несомненно, не отказался бы, поскольку его жизнь стала так незначительна, так похожа на одну сплошную пытку. Побег из этого тела, из той палаты, прямо *сейчас…* от ползущей, поглощающей тьмы, которую она все еще ощущает. Которую видит краем глаза, за пределами света, листьев и воды.

– Все в порядке, – повторяет он, – если ты жалеешь, что я не умер. – И она качает головой, зажмуривается, но он не дает ей притворяться. – Ты же не хотела, а даже если и так, то все в порядке. Потому что это не я, а он, да? Он – ошибка. Уж я-то знаю.

Но всё далеко не в порядке: и то, чего она желала для него, и подстерегающая тьма. И всё становится не в порядке. И это «не в порядке» затвердевает внутри нее. Втягивает ее в себя, отрывая от Алана.

– Я знаю, что у тебя на уме. Строишь планы, как спасти его. Хочешь стать солдатом в армейском платьице…

– Неужели ты не понял? Что я должна? Я не могу оставить его… тебя… вас обоих…

– Кэсси, прошу. Останься. Сколько сможешь, сколько нам отведено.

– Но… – Она качает головой, и его лицо начинает расплываться. Больше не чувствуется его тепло, не слышен надежный стук его сердца. – Я должна попытаться. Помочь ему. Это не значит… я обязательно вернусь…

Теперь его голос звучит словно издалека, будто он стоит по другую сторону водяной стены.

– Я здесь из-за тебя, – доносится до нее. – Потому что ты меня знаешь. И именно так ты и спасаешь меня. Останься здесь. Если тебя здесь нет…

Его слова теряются. Рев воды превращается в белый шум, и ей нельзя больше оставаться, когда тьма плещется совсем близко. «Стоп, – думает она, – *стоп*!» И команда сливается с белым шумом, и, возможно, именно поэтому она звучит так вяло: вместо плавного перехода в мир, который называют реальным, возникает затянувшийся

миг раскачивания двух миров – головокружительное, тошнотворное наложение их друг на друга, какого она никогда раньше не чувствовала, одна реальность переходит в другую, а затем…

СТОП.

Глава двадцать пятая

Ты проснулась в реальном мире, замерзшая, одеревеневшая…

Шум не прекращался. Пронзительный, настойчивый, не дающий погрузиться в сон. *«Алан,* – подумала она, а потом: – *Льюис».* Это его квартира. Его входная дверь. Кто-то настойчиво тыкал в дверной звонок, звук которого высверливал мозг.

Она протянула руку к Льюису, вернее, попыталась протянуть. Ее рука осталась неподвижно лежать на кровати. *«Сядь!»* – приказала она себе. И осталась лежать, словно замороженная.

«Льюис», – снова подумала она, будто он мог услышать свое имя, произнесенное в мыслях, и вытряхнуть ее из этого паралича.

Если бы только удалось пошевелить пальцем, хотя бы одним… Собрав всю силу воли, она сфокусировала все внимание на указательном пальце правой руки, напрягаясь в ожидании ответа. Обездвиженность прошла внезапно: кисть руки судорожно дернулась, хватка ослабла, позволяя ей сесть прямо.

Она сидела на пустой постели.

– Льюис? – Из-за надрывающегося звонка ее голос казался призрачным, едва слышным. Прочистив горло, она снова позвала: – Льюис!

Жалюзи закрыты, но между ними виднеется полоска света. В полумраке комнаты видно, что его сторона постели смята, и подушка еще хранила неглубокую вмятину, в которой лежал приемник. Проверяя, она поднесла руку к своему приемнику: он по-прежнему там, куда она прикрепила его. Она сняла его с уха и положила рядом с приемником Льюиса.

В дверь не прекращали настойчиво звонить. Она встала, заглянула в ванную, затем – в кухню. Включила свет в гостиной: кошка, свернувшись на диване калачиком, открыла один глаз и снова закрыла его. В квартире больше никого, лишь резкий звон отражался от стен. Теперь звонили какими-то всплесками – тире и точками. На мгновение ей показалось, что там, за дверью, стоял Алан. Он пересек границу между мирами и ждал по другую сторону двери, вызванивая для нее сообщение азбукой Морзе. Хотя, конечно, это не Алан, а Льюис.

Вышел за молоком или круассанами, а ключи забыл дома. Ему ли не знать, как трудно вытряхнуть другого из Игры Воображения.

Она подошла к двери и, наклонившись, посмотрела в глазок. На площадке стоял не один человек, а двое: один высокий, другой пониже. Хотя их очертания искажались, тот, что пониже, определенно был женщиной.

Кэсси повернула защелку и открыла дверь.

Женщина, стройная и светловолосая, в темно-синем брючном костюме, отступила в сторону. Пока Кэсси смотрела на мужчину, молодого, ухоженного, с дежурной улыбкой консультанта по ипотечным кредитам, женщина обошла ее сзади, просунула руку между Кэсси и дверным проемом, и той ничего не осталось, как шагнуть вперед, уступая ее безупречному виду и спокойной деловитости. Не успела Кэсси сообразить, что происходит, как оказалась босиком на бетонной лестничной площадке, и дверь в квартиру закрылась.

– Эй! – бросилась она к захлопнувшейся двери и, потеряв равновесие, с глухим грохотом упала на нее.

Из квартиры доносилось, как по половицам деловито стучали каблуки женщины. Вдоль по коридору, затем звук замирал у входа в каждую комнату и, наконец, затих в спальне.

Кэсси поднялась, держась за дверной косяк. Перед глазами проплыли оставленные при покраске кистью отметины: краска затекла в выемки отделки. Затем она со всей силы принялась колотить по деревянной двери, сотрясая дверную коробку.

– Мисс Макаллистер, – обратился к ней «ипотечный консультант». Занеся кулак, Кэсси замерла, готовая ударить снова. – Это ваша квартира, мисс Макаллистер?

Она повернулась, опустила руку и, открыв рот, пристально посмотрела на него, подыскивая слова: *«Кто вы такие? Откуда вы знаете? Не ваше дело! Мой друг вернется с минуты на минуту!»* Но не успела она выбрать подходящий вариант для ответа, как за спиной снова послышался стук каблуков по половицам. И она развернулась обратно к двери, готовая с боем пробиваться обратно внутрь.

– Это квартира вашего друга, да? Зачем же вы впутываете его? – В его голосе не было угрозы. Таким же тоном он мог бы спросить: не хотите еще раз провести расчеты по другому ипотечному продукту?

Но его слов оказалось достаточно, чтобы она потеряла уверенность и позволила женщине выйти на лестничную площадку, захлопнув за собой дверь. В одной руке та держала пиратские приемники, в другой – кроссовки Кэсси.

– Наденьте обувь, пожалуйста! – Протягивая кроссовки, она держала их за задники – там, где подкладка протерлась до дыр. Шнурки болтались, потрепанные и серые; белые резиновые подошвы почти почернели от грязи.

Кэсси схватила кроссовки обеими руками, и все трое замерли, выжидая, что будет дальше.

Она ни в коем случае не собиралась выполнять то, что ей велели, но на шершавом бетоне ноги замерзли. У нее не было ни планшета, ни ключей, ни бумажника, а из одежды – только спортивные штаны и футболка Алана. Та самая, которую он носил несколько минут назад, потертый хлопок еще хранил тепло его тела. *«Алан»,* – мысленно произнесла она, оглядываясь в поисках хоть чего-то, оставшегося от него: шепота его голоса, эха его слов, отголоска утешения. Тело дрожало в тонкой футболке. Она чувствовала себя почти обнаженной. Присев на корточки, она надела кроссовки. Дырявые задники терлись о пятки.

Женщина пошла к лестнице, и мужчина жестом пригласил Кэсси следовать за ней. Но с какой стати они заставляли ее идти с ними? Ей всего-то и нужно дождаться возвращения Льюиса, и вместе они бы справились с этими посыльными в деловых костюмах. Когда вернется Льюис… от внезапно нахлынувшей тревоги у нее свело живот. Что, если он не ушел за круассанами? Слишком уж странно, что его не было рядом как раз в тот момент, когда появились эти люди. Хотя они и не представились, понятно, что они и есть та самая беда, которую она навлекла на себя. А если они узнают, кто такой Льюис и что он для нее значит, беда может распространиться и на него. Неужели они чем-то зацепили его и убедили оставить ее одну в своей постели? Нет, он не поступил бы так добровольно. Она знала, он не оставил бы ее по собственному желанию… и не собиралась оставлять его. Она дождется его прямо здесь.

– Нет. – С этим словом она опустилась на пол лестничной площадки. И, кажется, продолжала опускаться дальше, когда две фигуры в темных костюмах вытянулись над ней, и темные тени от них

поползли по стене лестничной клетки вверх, все выше и выше, а она погружалась все глубже в холод, который просачивался сквозь спортивные штаны, сквозь кожу и плоть, в самые ее кости. Множество булавок и иголок впились в ее руки, и она перестала чувствовать их вес. Внутри все ныло из-за разлуки с Аланом. Его не было внутри, не осталось ни одной молекулы. В ней вообще ничего не осталось, кроме тьмы и зевоты.

Причиной всему была Игра Воображения. Нейроны работали несинхронно. Минутная задержка с восстановлением способности двигаться приковала ее к постели Льюиса. Наверное, и сейчас происходило то же самое – нехватка дофамина, который помогал выбраться из воображаемого мира и вернуться в мир реальный. Она могла бы попробовать объяснить весь процесс до конца, это погружение… как модифицированную биопрограмму? Но какое значение это имело сейчас? Она сидела, опустошенная, и ей едва хватало сил, чтобы дышать. Действие дофамина должно вот-вот начаться. Надо только продолжать дышать. И считать. Считать вдохи и выдохи.

И тогда молодой человек заговорил:

– Настоящим договорились о нижеследующем: Кассандра Макаллистер не должна вступать в прямой или косвенный контакт, преследуя любые цели, с любыми лицами, нанятыми компанией IMAGEN, без предварительного письменного согласия…

Он цитировал подписанное ею соглашение. То самое соглашение, которое она нарушила. А это значит, выбора у нее не было.

– …в интересах каждой из сторон, чтобы вы сейчас поехали с нами, – продолжил он, – и мы могли бы уладить этот вопрос неофициально.

Казалось, мозг Кэсси отяжелел и сбился в один большой комок. И тут не обошлось без IMAGEN. Теперь понятно, откуда они явились. И откуда знают, кто она такая. Взломанная биопрограмма выдала ее, и вот, как и предполагалось, они пришли за ней. И хотя в ней не осталось ни капли бойцовского духа, она вспомнила слова Алана: «Хочешь стать солдатом в армейском платьице».

Никогда еще она не чувствовала себя менее похожей на солдата. Скорее, потерянным ребенком, замерзающим на лестнице и которому

некуда идти. И нет никого, кто защитил бы ее. И больше никаких вариантов.

«Ты думаешь, как спасти его».

Потребовались невероятные усилия, чтобы, опершись ладонями о бетон, она сперва поднялась на корточки, затем встала. Сделала один шаг.

Не отрывая взгляда от лестницы, она пошла за женщиной. Шаг. Еще шаг. Снова шаг. Входная дверь распахнулась, и она вздрогнула от дневного света. Снаружи ярко и безлюдно. Женщина открыла дверцу серебристого автомобиля, и мужчина усадил ее на заднее сиденье, она не сопротивлялась. Пусть закрывает дверь.

Голова наклонена вперед, руки зажаты между коленями. Она все еще считала вдохи и выдохи. Город двигался вокруг нее. Дневной свет был, но без солнца, поэтому ей не удавалось определить, сколько теперь – три или шесть утра; она не знала, как долго пробыла с Аланом.

*** * ***

Машина остановилась. Дверь открыта. Обхватив себя руками, она выбралась наружу.

Давненько она не стояла на этом тротуаре. Если у нее когда-нибудь будут дела в этой части города, она лучше обойдет эту улицу стороной. Чтобы даже не видеть этот офис. Эту неприступную глыбу, с рядами освещенных окон, которая возвышалась над ней. При мысли, что ей предстояло пройти через главный вход, она даже споткнулась, а может, просто шнурок развязался. И он слишком далеко, чтобы нагнуться и завязать его. В данный момент она не способна на такое усилие, поэтому, пока ее вели к зданию, шнурок змеился рядом. А ведь вход-то не главный. Подъезд для доставки. Так она обычно приходила и уходила, когда главный вход был уже закрыт, а она начинала работу рано или заканчивала поздно. И здесь же она обычно пряталась в те последние месяцы, когда появлялась в офисе, как ходячий мертвец. При первой же возможности отыскивала за не распакованными коробками укромный уголок, расстилала на бетоне куртку и

сворачивалась на ней калачиком, проваливаясь в тяжелый сон, насколько позволяло время.

Подвальный этаж освещали белые лампы. Каблуки женщины стучали по голому бетонному полу, словно резец по камню, эхом отдаваясь в пространстве, подпертом колоннами. Они шли по направлению к лифту, мимо картонных коробок, сложенных в высокие штабеля. На каждой коробке что-то написано по-китайски. Эту надпись перечеркивала жирная полоса маркера, и сверху торопливыми каракулями было приписано «Макулатура».

Двери лифта открылись. Они вышли на этаж, ковер привычно приглушал шаги. Ощущение, будто все как во сне. Она случайно пришла на работу в пижаме – опаздывала на встречу, которую очень боялась, на встречу, где с ней должно случиться что-то ужасное, какое-то наказание или унижение. Пространство расширилось и открылось: спрятаться было негде. Ее вели в отдел, где она прежде работала.

Вот ее стол. И ее кресло.

– Присаживайтесь, – сказала женщина. – Вы что будете – чай, кофе? Лахлан принесет вам.

Мужчина улыбнулся улыбкой банковского работника, и теперь Кэсси узнала его. Лахлан – чей-то племянник. То ли директора, то ли главного управляющего. Он проходил в компании стажировку и неделю работал в ее отделе, разнося цифры по таблицам. Тогда он носил более дешевый костюм. И его дежурная улыбка только начинала формироваться.

Это небольшое воспоминание придало ей немного уверенности. Но женщина по-прежнему ускользала из памяти. Обычная стрижка-боб, очки, брючный костюм – эти атрибуты лишали ее индивидуальности, и Кэсси никак не удавалось вспомнить ее.

Офисное кресло слишком низкое. Нащупав рычаг, она настроила сиденье по своему росту. Позволила себе облокотиться о стол из искусственной древесины. Попыталась заставить работать свой закупоренный мозг – хоть как-то упорядочить некоторые мысли. За ней наверняка наблюдали… поэтому она не станет открывать ящик стола, не станет заглядывать внутрь. В любом случае что бы она там не нашла, это будет в полном беспорядке. В этом теоретически безбумажном офисе бумаги были запрещены. Значит, спутанный комок

кабелей и зарядных устройств, аварийный запас носовых платков, болеутоляющих таблеток, печенья. В общем, такое, что обычно не держат на виду. И ничего из того, что ей нужно.

А что *на самом деле* ей нужно? *Ты думаешь, как спасти его*. Она не понимала, что ей следует искать. Что-то очень конфиденциальное, в разы выше уровня зарплаты любого маркетолога. Она подняла голову и заморгала, глядя на экран компьютера – единственного разрешенного предмета на рабочем столе. Любая информация в локальной сети защищена паролями, шифрованием, блокировками, которые снимались только по отпечатку пальца конкретного сотрудника.

Она развернула кресло. Взгляд уперся в мезонин, где находились кабинеты топ-менеджеров компании, со стеклянными стенами, закрытыми решетчатыми жалюзи. Она снова повернула кресло, еще на сорок пять градусов. Ощущение происходящего во сне постепенно замещалось чувством привычного. Они специально оставили ее здесь, за ее прежним рабочим столом. Это часть их стратегии по отношению к ней. Сначала дать размякнуть. Напомнить, что она потеряла. Но зачем им так напрягаться? Однажды они уже отняли у нее Игру Воображения. Почему бы просто не отнять ее снова?

Она запрокинула голову, вспоминая, как ярко бывала освещена эта часть кабинета. Окна тянулись вдоль обеих стен высокими полосами. Снаружи ничего не видно, но свет наполнял все пространство помещения, которое было в два раза выше обычного. Слишком много света. Казалось, он то тускнел, то светлел, концентрируясь в пикселях, которые плясали у нее перед глазами. Еще один биомолекулярный сбой. Она принялась сильно моргать, широко открывала глаза и прищуривалась, пытаясь исправить мир, остановить его мерцание и распад. В правую руку опять впились булавки и иголки. Холодная боль растекалась по руке, скапливаясь в локте и в плече. Она с силой сжала сиденье кресла. Грубая ткань, гладкий пластик с невыразительной текстурой, словно она касалась его рукой в латексной перчатке. Попробовала отыскать чувство, которому можно было доверять, нечто реальное, за что уцепиться.

– Ваш чай.

Она слышала, как Лахлан поставил кружку на стол, и видела, как он снова ушел – темная уменьшающаяся фигура. Протянув руку, она коснулась фирменной кружки. Горячая. Поднесла ее к лицу, стараясь

сфокусировать зрение. На керамике напечатан слоган: *«Единственный предел – вы сами»*. Сделала глоток, позволяя горячей жидкости обжечь рот, и почувствовала, как чай потек по горлу. Она положила в кружку сахар, хотя предпочитала несладкий чай, – сейчас он нужен ей, – и стала смотреть, как поднимается пар.

Через некоторое время на дне остались только остывшие чаинки. Снова появился Лахлан и пригласил следовать за ним. Ну не совсем пригласил. Они поднимались по лестнице в мезонин – к кабинетам со стеклянными стенами. И снова ощущение происходящего во сне, новая перспектива искажала чувство привычного.

Лахлан остановился перед дверью и, постучав, открыл ее. Вежливый жест: «Прошу». Она вошла в кабинет, и ее провожатый исчез, закрыв за ней дверь.

Глава двадцать шестая

Человек за столом поднялся и протянул ей руку.

– Кассандра, – обратился он к ней по имени, – если не ошибаюсь, мы с вами не встречались во время вашей работы здесь? Меня зовут Том Освальд, я технический директор.

Кэсси позволила сжать и отпустить свою руку. Разумеется, она знала, кто такой Освальд. Технический директор, второе лицо в компании, сразу после генерального директора. Энергичный мужчина, высокий и широкоплечий. Зрительно его фигура казалась меньше из-за скошенности углов, словно его плечи и локти были сделаны из осыпающегося песка. За три года работы в IMAGEN она разговаривала с ним, наверное, дважды; естественно, он не помнил.

– Садитесь, садитесь, пожалуйста. – Он жестом указал ей на приготовленный для нее стул; стол оказался между ними успокоительной глыбой.

Кабинет представлял собой залитый светом куб. Освальд поднял жалюзи, и через стеклянную стену справа открылся отличный вид с высоты птичьего полета на офис открытой планировки, который она покинула совсем недавно. Одинокая фигура в синей накидке уборщика переходила от одного рабочего места к другому, вытряхивая мусор в черный мусорный мешок, разбрызгивая спрей на поверхность мебели и протирая ее. Кэсси видела оставленную на столе кружку. Теперь уборщику придется отнести ее на кухню, нарушив свой график передвижения. Ей следовало бы отнести кружку самой.

Освальд откровенно рассматривал ее, развалившись в кресле и свободно сложив руки на животе. Кэсси, словно противоположное ему отражение, сидела ссутулившись, сложив руки на груди и сжав колени. Она отчаянно пыталась представить себя не в спортивных штанах и футболке, а в деловом костюме из черного шелка, и не в кроссовках, а в кожаных туфлях на шпильках.

Когда Освальд поднялся со своего места и наклонился к ней через стол, она напряглась, а он снял со спинки кресла пиджак и вынул из карманов бумажник, ключи и авторучку.

– Вот, накиньте. – Он протянул ей пиджак и коротко улыбнулся, заметив ее нерешительность.

С большой благодарностью, которую решила не показывать, Кэсси взяла пиджак, тяжелый, словно вырезанный из цельного куска древесного угля, и прикрылась плотной тканью на подкладке, как щитом или одеялом, вдыхая слабый запах табака и одеколона.

– Итак, прошу, выслушайте меня. Мне искренне жаль, что вас привезли сюда рано утром. Понимаю, немного тяжеловато. – На его лице появилось нечто среднее между улыбкой и гримасой, будто от легкого разочарования некомпетентностью подчиненных. – Вам наверняка интересно узнать, зачем.

Она медленно пожала плечами: ответ очевиден.

– Я нарушила соглашение. Юридические вопросы. Мне запрещено возвращаться в Игру Воображения.

Положив локти на подлокотники, Освальд переплел пальцы.

– Гм, юридические вопросы. Да, соглашение вы нарушили… вкупе с некоторыми другими моментами. – В его голосе почти звучало сожаление, когда он перечислял ее проступки. – Вы солгали о своих полномочиях при получении доступа к нашим ведущим сотрудникам; пытались получить секретную коммерческую информацию о наших продуктах; использовали поддельный пропуск для проникновения в исследовательский центр… не совсем по вашей части, поэтому… полагаю, действовали не в одиночку, да? И еще – поддержание контактов с сотрудниками IMAGEN…

Кэсси почувствовала, как у нее округлились глаза, но постаралась сохранить спокойствие. Харри? Неужели Харри настолько подозрительна, что сообщила о визите подруги и о ее вопросах? Не тогда ли IMAGEN и начала активно интересоваться ею, отслеживая каждый шаг? С трудом верилось, что преданность Харри компании могла настолько перевесить их дружбу. *«Компания старается развивать у сотрудников чувство, что IMAGEN – одна большая семья,* – сказала ей Харри. – *Но это была всего лишь твоя работа»*.

Освальд все еще говорил. Теперь он смотрел не прямо на нее, скорее всего, сверялся с информацией, которая подавалась ему на линзу. Это всегда заметно. Выглядит, будто один из собеседников перестал слушать другого, хотя они по-прежнему смотрят друг на друга.

– Краденый приемник… использование незаконно модифицированной биопрограммы… несанкционированное использование чужого аккаунта… Но! – Его руки разомкнулись в открытом жесте. – Не стоит слишком беспокоиться обо всем этом. По крайней мере, сейчас. На самом деле, вы здесь потому, что у меня есть предложение, которое я хочу сделать вам. Ничего сложного для вас; вы помогаете нам, а мы, естественно, – услуга за услугу – поможем в ответ вам.

Она нахмурилась, изо всех сил стараясь сосредоточиться на таком неожиданном повороте: был разочарованный директор, стал энергичный переговорщик.

– Продолжайте.

– Все очень просто: мы хотим, чтобы вы помогли нам провести коррекцию Игры Воображения.

– Мне же туда нельзя.

Взаимное замешательство длилось несколько секунд, и Освальд неожиданно усмехнулся:

– Нет, речь идет не о подключении. *Коррекция*. Только небольшая коррекция функционала Игры Воображения.

В голове роилось так много вопросов, что она не могла выбрать, какой задать первым, и, прежде чем успела хоть что-то сказать, он поднял руку:

– Знаю, вы не нейробиолог, не компьютерщик, не синтетический биолог и считаете, что мы ошиблись адресом. Нет, не ошиблись, и вы именно тот, кто нам нужен. – Он наклонился вперед. – Кассандра, между нами, хотя мы и не были близко знакомы… я знаю о вас довольно много. – Его слова, наверное, можно было принять за угрозу, но они прозвучали совсем не так. В его голосе появилась нотка восхищения. – Вы проработали в IMAGEN три года, верно? Первые два года ваша работа в компании была безупречной. За тот период у вас выдающийся рейтинг. Вы последовательно достигали все поставленные цели и даже превосходили их. Вы получили максимальный годовой бонус.

Она внимательно наблюдала за ним, не сомневаясь, что он снова читает с экрана линзы. Но он смотрел на нее в упор, даже не мигая. Он знал о ней всё, запомнил наизусть то, чего больше никто не знал и не хотел знать. Он понял, насколько эффективно она работала.

– Известно ли вам, что IMAGEN готовится к международной экспансии? Мы надеемся, что очень скоро запустим Игру Воображения в США, и почти готовы к запуску этого продукта в Японии и Южной Корее. Мы находимся на ранних стадиях вывода новых продуктов на рынок в Великобритании. А значит, нам нужен хороший персонал, поскольку мы продолжаем расти.

Зачем он говорит это ей? Ее внимание привлекла деталь, которая, как она знала, не соответствовала реальному положению дел.

– Но это же не так. Вы не растете. Вы уменьшаетесь.

Она ожидала, что он выкатит реплику о запланированной консолидации. Но он только кивнул, явно впечатленный ее вызовом.

– Поговорим об этом позже. Сейчас я хочу подчеркнуть, что таких сотрудников, как вы, тем более настолько преданных своему делу, очень мало. И хотя ясно, что IMAGEN не несет – не может нести – никакой ответственности за случившееся, в отношении вопросов, которые привели к тому, что вас уволили, – он тщательно подбирал слова, – мы тем не менее признаем: такого вообще не должно было случиться.

– То есть я не была виновата. – Сощурив глаза, она пыталась прочесть выражение его лица. – Вы это хотите сказать?

– В том, что случилось, вы не были *единолично* виноваты.

Потому что она устала. Сразу перешла от Игры Воображения и Алана к этому непонятному разговору, да еще и в таком месте, куда бы никогда больше добровольно не пришла, предварительно не поспав хотя бы двадцать минут. Из-за серьезного выражения лица Освальда и неожиданной мягкости его тона. Вот почему она закрыла глаза и плотно сжала губы.

Он наверняка ждал, что она заговорит. Если бы она была уверена, что голос не подведет, то попросила бы Освальда озвучить его предложение. Но вместо этого всеми силами приходилось унимать дрожь при дыхании.

– Юристам нетрудно составить и новое соглашение, – наконец произнес он, – где будут улажены все вопросы. Вы сразу получите дополнительную месячную зарплату, и мы выплатим ваш бонус, право на который вы утратили в связи с увольнением. Достаточно, чтобы вы переехали в новую квартиру, если захотите. И всё будет выглядеть так, будто прошлого года никогда не было. Его можно стереть. – Освальд

сделал паузу, затем продолжил еще более вкрадчивым голосом: – Посмотрите. Вон туда. Уборщик уже полирует ваш стол, прямо сейчас.

Она открыла глаза. Разрешила себе посмотреть.

– Вы сможете вернуться в офис так быстро, как захотите. Вернуться к своим коллегам. С некоторыми из них вы уже работали. Допустим, на следующей неделе. Всё зависит только от вас.

Она смотрела на свой рабочий стол, переводила взгляд на столы, места за которыми через несколько часов займут ее прежние коллеги. Ранние пташки – Фил, Эмили, Лотта – будут на месте ровно в восемь. Последней прибудет Каролина, взбодренная кофе и переполненная извинениями. Поздоровавшись, все привычно рассядутся за своими столами, жалуясь на предстоящий день, сочувствуя друг другу по поводу назначенных встреч, сроков и переполненных почтовых ящиков, и будут пребывать в благодатном неведении, как им повезло: у них есть место, куда можно прийти, работа, команда, частью которой является каждый из них.

Она кашлянула, прочищая горло.

– А что насчет Игры Воображения? – Какой смысл скрывать от него, как сильно она хочет вернуться, как далеко зашла, сделав еще один шаг?

– Игры Воображения? Ну, конечно, мы вернем вас туда. Ваш аккаунт можно разблокировать практически немедленно. Да я сам могу это сделать.

Его предложение… было слишком замечательным для правды. Если это не сон… Кэсси поджала пальцы в кроссовках и почувствовала, как грубая ткань трется о кожу. Если это не сон или что-то еще…

– Вы, наверное, устали. Я попрошу Лахлана принести нам кофе, – сказал Освальд, поднимая планшет. В голове промелькнула мысль, что именно она заставила его произнести эти слова. Ей никогда не удавалось создать силой воображения тающий шоколад и запах кофе.

– Если не трудно.

Пальцы до боли вцепились в рукава пиджака Освальда. С высоты своего «насеста» она наблюдала за уборщиком: вот он брызнул спреем на ее стол, вытер, пошел дальше. Она вполуха слушала Освальда, который расписывал, как скоро она сможет вернуться в отдел, как

хорошо впишется в команду маркетологов. За последний год появились новые лица, но некоторые бывшие коллеги еще работали…

Если эта смесь лести и подкупа – Игра Воображения, то какая-то жалкая. Да и сама Кэсси выглядела жалкой, со своей фантазией о счастливом конце.

Вошел Лахлан и поставил на стол две кружки. Кэсси сразу взяла кружку с кофе и поднесла ее к самому лицу, закрыла глаза и сосредоточенно прислушалась к своим ощущениям. Вдох, выдох.

Запах, какой и должен быть: глубокий, черный и сильный. Совершенно реальный.

По другую сторону стола Освальд ждал ответа на свое предложение, в обмен на твердое обещание всего, чего она могла пожелать. Держа кружку двумя руками, Кэсси пыталась понять, что все это значит.

Алан и то, что они с ним сделали. Какое отношение она будет иметь к тому эксперименту, если вернется в лоно IMAGEN.

Как сотрудник, она занимала бы идеальную позицию, чтобы получить побольше информации. И придумать, как помочь.

Но ей известна только половина предложения. Она узнала, что Освальд предлагает, но не знала, что он хочет взамен.

– Хорошо, – сказала она. Он глубоко выдохнул и опустил плечи, не скрывая, что его прежнее, казалось бы, расслабленное поведение – всего лишь тонко сконструированный расчет. – Нет, подождите. Хорошо – это о развитии ситуации: вы обозначили, что получу я. А как насчет вас? Что получает от меня IMAGEN?

– Что мы получаем. Сейчас расскажу. – Он кивнул, словно выкраивая себе мгновение, чтобы собраться с мыслями. – Итак, Кассандра, необходимо понимать, что у вас есть одна особенность. Не эксклюзивная, конечно, у других людей она тоже встречается. Но, в силу разных причин, вы – идеальный вариант, чтобы помочь нам исправить небольшую ошибку, вызывающую незначительные осложнения.

Небольшую ошибку. Незначительные осложнения. И тем не менее эта встреча наверняка тщательно спланирована. Они ждали, пока она нарушит условия подписанного соглашения. Примчались за ней на рассвете, привезли сюда, для беседы с одним из самых главных директоров компании. И, поскольку Освальду известно практически

все о каждом ее шаге, сколько же времени и сил было потрачено на слежку за ней? Это несоответствие звучало как предупреждение. Она плотнее натянула пиджак Освальда на плечи, понимая, что все, услышанное дальше, будет в лучшем случае полуправдой.

– Итак, как вам известно, за последний квартал рост числа пользователей Игры Воображения выровнялся.

– Не выровнялся. Пользователи уходят от вас.

Освальд выглядел огорченным.

– На самом деле, с ростом числа новых пользователей все идет по плану. Или почти по плану. Хотя аннулирование аккаунтов резко возросло.

– Получается, проблема в качестве опыта, который пользователь получает в Игре Воображения? Ожидания не оправдываются?

– Можно и так сказать.

– Но… как? Игра Воображения полностью зависит от человека: она *и есть* его или ее ожидания.

Освальд покачал головой:

– Корни проблемы уходят в первые этапы разработки продукта. – Он сцепил руки перед собой. – Вы наверняка знаете, что в долгосрочной перспективе планируется предложить Игру Воображения как социальный опыт, и пользователи смогут участвовать в виртуальных реальностях друг друга. Но вряд ли вам известно, что на самых ранних итерациях технологии наши ученые исследовали возможность прямого контакта между наборами биомолекул, составляющих индивидуальные сети пользователей.

Чувство кворума. Микроорганизмы общаются. Врач подключается к пациенту. Кэсси ничего не ответила, стараясь сохранять вопросительное выражение лица.

– Вот, к примеру, мы с вами сидим здесь, и у каждого из нас Игра Воображения в активном состоянии, и каждый из нас счастлив в своем воображаемом мире… так вот, наши сети начали бы узнавать друг друга.

– Как узнают друг друга планшеты или линзы – с Wi-Fi или радио?

– Не совсем так, но… довольно похоже. Суть идеи в том, что пользователи смогут подключаться друг к другу. То есть взаимодействовать.

Его объяснение лишь подтверждало то, что она и так знала. Но она заметила, что наклонилась вперед, и ее сердце забилось быстрее.

– Вы сказали, что исследование проводилось на ранней стадии разработки Игры Воображения. А результаты когда-нибудь проверялись на практике?

Он деликатно уклонился от ответа.

– В силу некоторых причин это направление исследований заморожено. Но функция, о которой я говорю, осталась встроенной в биомолекулы. И есть у каждого пользователя, у каждой сети. Неактивная. Представьте, у человека есть аппендикс или хвостовая кость. Как части тела, они тоже не активны. Не нужны – просто остались с того времени, когда они «работали». А сейчас они не несут никакой функциональной нагрузки. По крайней мере… – Его губы немного изогнулись, придавая ему слегка удивленный вид, будто он понял, что она и сама уже обо всем догадалась. – …предполагается, что не несут. Но есть одно осложнение. Эта латентная способность к подключению… становится активной. У некоторых людей. Пока у совсем небольшого числа. И, даже не сомневаюсь, вы уже догадались, что…

– Я одна из них. – Она изо всех сил старалась подавить смех, который щекотал ее изнутри. Освальд даже не догадывался о скрытом смысле своих слов. Вот оно, подтверждение: там, в Игре Воображения, Алан настоящий. Она не придумала его. Их реальности подлинные, и они просто подключились друг к другу. Ее надежда оправдалась; она предполагала, но теперь… Теперь она знала наверняка.

– Расскажите, как это происходит? – попросила она Освальда. – Почему эта функция активна только у некоторых пользователей?

– По нескольким причинам. Прежде всего, похоже, чем больше человек пользуется своей биомолекулярной сетью, тем больше она… *эволюционирует*, назовем это так. Иными словами, способность подключения становится активной благодаря обширному пользованию Игрой Воображения. Таким образом, до сих пор в группу тех, кто обладает опытом подключения, входят только люди, стоявшие у истоков Игры Воображения, – сотрудники, бета-тестеры, самые первые пользователи. Например, вы. Конечно же, вы ранний пользователь. – Его взгляд сместился, пока он сверялся с информацией на линзе. – Перед запуском продукта вы провели в Игре Воображения

внушительное количество часов, прежде чем мы ввели двухчасовой лимит.

«Да уж!» – Кэсси вспомнила, как ответственно она подходила к погружению в свой воображаемый мир. Как методично прорабатывала каждый фрагмент получаемого опыта, на какой только у нее хватало воображения, – для понимания возможностей продукта, но всю эту работу она проделывала бесплатно, просто продолжая исследование.

– А теперь вторая причина, по которой эта функция становится активной только у некоторых пользователей. Для подключения требуется, чтобы пользователи находились относительно близко друг к другу. Это работает не как телефон, когда ваши данные передаются на спутник в космосе, и через секунду вы уже говорите с кем-то в Австралии. Если не вдаваться в подробности. Как близко надо находиться? Счет идет на метры. Можно подключиться к пользователю, который физически находится в той же комнате, что и вы? Да. К соседу по дому? Может быть. Есть ряд фактов, позволяющих нам предположить, что с практикой диапазон увеличивается. – Освальд поднял руку и помассировал затылок. – Разумеется, при этом надо находиться в состоянии, в котором вы не реагируете на внешние раздражители, с подавленной двигательной реакцией. Это может быть обычный сеанс Игры Воображения, который инициируется вашим приемником. Или состояние сна.

И тогда можно подключиться к другому – войти в чужую Игру Воображения без приемника. В его объяснении содержался ответ на вопрос, который раньше ставил ее в тупик: почему, чтобы прервать подключение, врачи в «Рафаэль-Хаусе» просто не снимали приемники со своих пациентов? Теперь понятно, что за рана у Алана за ухом. Там нет имплантата, но когда-то он там был. Осознав вытекающие из этого следствия, Кэсси дернула себя за прядь волос.

– Это же означает, что, подключившись к чужой Игре Воображения, в ней можно оставаться часами, потому что нет ни приемника, ни сигнала, чтобы отключить вас.

Освальд кивнул в знак согласия:

– По сути, мы не в состоянии контролировать подключения. И чем чаще они возникают, тем больше увеличивается их продолжительность. Мы предполагаем, что развивается и сама

способность к подключению, поскольку с самого начала формируются более устойчивые нейронные связи.

Кэсси молчала, запустив пальцы в спутанные волосы. Что-то в этой теории не сходилось. Она уже хотела указать на это Освальду, когда он задал свой вопрос.

– Вы помните, как подключились в первый раз? – В его голосе звучало неподдельное любопытство.

– Нет, – ответила она. Отталкивая воспоминание того опыта прочь, его яркость и тепло, и блеклость красок, когда всё закончилось. Она должна оставаться здесь, оставаться в настоящем, не рассеивая внимания. – Хотя не совсем так. Просто в этом не было ничего особенного. А как это было у вас?

– То есть?

– Вы же, наверное, потратили на Игру Воображения больше времени, чем я. И раз вы считаете, что близость в пространстве важна… полагаю, вы нередко находились достаточно близко к другим пользователям.

Освальд пренебрежительно усмехнулся:

– Реальная жизнь – штука требовательная. У меня никогда не было и нет свободного времени, чтобы тратить на Игру Воображения бесконечное количество часов.

– И все же… наверняка есть тысяча, несколько тысяч человек, накопивших не меньшее количество часов, чем я. Профессор Морган, например. Уверена, у нее есть опыт подключения. – Это была всего лишь догадка, вызванная затравленным взглядом Морган, с которым та, впрочем, быстро справилась, когда отрицала возможность подключения. Освальд не стал возражать. – Сотрудники IMAGEN, ранние пользователи… у них у всех есть такой опыт?

– Мы предполагаем, таких людей примерно несколько тысяч. Случаи подключения в относительно небольшом пространстве участились совсем недавно. И по мере того, как мы развиваемся, проблема, конечно, растет: больше новых пользователей, больше пользователей с солидным запасом часов…

– Подождите, я вижу проблему неконтролируемости подключений. Но почему пользователи аннулируют свои аккаунты? Я имею в виду… – Увидев, что он удивленно приподнял брови, она замолчала.

– Не понимаете, почему пользователя беспокоит принудительное, неизвестно откуда взявшееся подключение? – Освальд откинулся на спинку кресла, словно желая получше рассмотреть собеседницу. – Вторжение другого сознания в вашу самую сокровенную, личную фантазию? Преобразование вашего личного опыта в нечто, неподвластное вашему контролю?

– Но это совсем не так. – Даже когда Кэсси произносила эти слова, она слышала белый шум и отдаленный рев. Чувствовала, как горелая резина подбиралась к ее горлу.

– В вашем случае, возможно. Поскольку общая Игра Воображения взаимно формируется каждым из пользователей, характер получаемого опыта, скорее всего, зависит от того, к кому вы подключаетесь. Похоже, вам повезло.

Вспомнив, как не-Алан раскачивался, дергал себя за волосы, она проглотила подступивший к горлу комок. Во рту пересохло.

– А если не повезет… поэтому люди жалуются?

– Знаете, удивительно, но жалоб мало. Если, как и у вас, опыт положительный, то пользователь, вероятно, объясняет это сбоем в системе и молчит, считая, что получает что-то даром. – Кэсси почувствовала, как краска залила лицо, и опустила голову. – А подключения, происходящие без приемников, когда пользователь спит, скорее всего, принимаются за сны. Сладкие сны… или кошмары.

– Но даже если и так, люди же наверняка не молчат.

– Ну, разумеется, – согласился Освальд. – Всегда найдутся желающие поделиться неприятным опытом – в социальных сетях, на форумах, в блогах… И у нас есть стратегии, как справиться с этим. Ради безопасности и удовольствия можно минимизировать ущерб для бренда, для нашей репутации. Но большинство таких пользователей предпочитают не распространяться о своем опыте. Во всяком случае, в интернете. – Его внимание немного ослабло, пока он читал информацию на линзе. – Вы же по образованию психолог? Вот, по-вашему, почему сотни людей держат травмирующие переживания при себе?

На мгновение Кэсси задумалась над его вопросом, затем ответила:

– Только от пользователя зависит, какой будет его Игра Воображения. А она может быть любой, какой захочешь. Поэтому,

когда происходит подключение, пользователь думает, что это то, чего он хочет. Даже если…

– Даже если это то, чего он совсем не хочет.

Как же она не догадалась сразу! Если веришь, что тьма, ужас – это часть тебя, твое самое глубокое, бессознательное желание…

– Им стыдно, вот почему, – подвела она итог. Людей заставляют молчать не угрозы, не мольбы, а именно стыд.

Освальд одобрительно улыбнулся:

– Для нас это хорошо, если забыть, что мы по-прежнему теряем их как пользователей. Многие из них входят в группу высокой чистой стоимости. Вы же понимаете, ресурсы тратятся, в первую очередь, на привлечение таких людей. А также вы понимаете, насколько они ценны для нас. И мы не можем позволить себе и дальше отпускать их.

Она действительно понимала. Несмотря на все стратегии IMAGEN, направленные на защиту бренда Игры Воображения, рано или поздно негативного опыта, которым делились в интернете, накопится достаточно, чтобы на него обратили внимание и занялись им всерьез. И тогда выяснится, что, несмотря на всесторонние испытания, на заверения в абсолютной безопасности и лицензию Департамента инноваций, Игра Воображения – не такое уж безопасное контролируемое пространство, каким считали ее пользователи. Для компании наступит критический момент жизни или смерти. Теперь хотя бы понятно, почему Освальд так напряжен, несмотря на все его старания скрыть свое состояние. И еще она начала понимать, какие неимоверные усилия приложила компания, чтобы заполучить ее сюда.

– Эти подключения… Если они происходят напрямую, от человека к человеку, и не контролируются приемником, как можно отследить их? Я имею в виду… откуда вы знаете, что они на самом деле так ужасны?

– Хороший вопрос. Без данных, которые можно отследить, действительно непросто установить факты происходящего. Но существуют различные формы доказательств. Личное свидетельство. Непосредственное наблюдение. И в нескольких случаях нам удалось провести сканирование мозговой активности. Выяснилось, что подключения неизменно сопровождаются всплесками мозговой активности, которые указывают на сильные эмоции. Возможно, и сами подключения обусловлены эмоциями, как положительными, так и

отрицательными. Нам удалось идентифицировать нейронные сигнатуры. Страх. Печаль. Гнев. Стыд. Эти самые распространенные. – Он потер переносицу. – Особенно, если происходит сразу несколько подключений одновременно.

Несколько подключений! Эти слова прогремели для нее, как гром. Вот оно! Несколько подключений одновременно. Мешок с кошками, попавшими в ловушку, в котором они отчаянно копошились и царапались. Десяток пациентов, запертых на отделении, и среди них Алан. Его ногти расцарапывали кожу в кровь. Перед ее закрытыми глазами всё рябило и мельтешило, и она изо всех сил оттолкнула это видение, но, когда Освальд снова заговорил, ей показалось, что он видел то же самое.

– Представляете, – многозначительно произнес он вкрадчивым голосом. – А если бы от этого страдал ваш друг?!

Кэсси открыла глаза и пристально посмотрела на него. На его лице нейтральное сочувствие, и одно мгновение растянулось между ними в промежуток, когда можно было бы спросить: «Алан? Вы говорите про Алана? Что вы знаете об Алане и обо мне?»

Но она не спросила. Почему-то вспомнился Никол. Его циничная подозрительность. Его *неодобрение*. Первый звук имени Алана уже готов был вырваться, но она буквально удержала его зубами, пока наконец Освальд не заговорил снова:

– Кассандра, вы можете помочь. Прекратить эти подключения. – Его руки ладонями вниз легли на стол между ними. – Мы предлагаем использовать вашу способность к подключению для распространения того, что мы условно назвали обновлением – обновлением сети. Вы понимаете, о чем я? Обновление отключит функцию непосредственного общения между пользователями.

– Я возвращаюсь в Игру Воображения?

– Именно. Обновление самовоспроизводится по принципу вируса. От вас только и требуется, что позволить нам обновить вашу биомолекулярную сеть. Процедура совершенно незначительная, проводится с помощью назального спрея, как и при первоначальной установке сети. Как только ваша сеть обновится, вы заново входите в Игру Воображения и запускается процесс распространения. Как только вы подключаетесь к другому пользователю, ему передается обновление, и его сеть, в свою очередь, обновится.

– Но… если обновление разрушает способность к подключению? Я имею в виду, когда сеть обновилась и вы отключились, вы же больше не сможете ни к кому подключиться, и как тогда передать обновление?

– Доверьтесь мне. Мы продумали все детали. Обновление займет примерно неделю, этого достаточно для изменения биомолекулярной сети; в течение этой недели ваша сеть будет оставаться, так сказать, заразной. И в этот период вы будете передавать обновление всем, к кому подключаетесь. Допустим, вы передадите обновление трем или четырем людям. Хотя на самом деле, – его тон стал доверительным, – это число будет значительно больше. Мы хотели бы использовать вас наиболее эффективно в качестве активного носителя в течение этой недели и провести некоторые стратегические подключения, чтобы у программы обновления получился действительно хороший старт. Поэтому я привел такое количество подключений только для примера… Всю следующую неделю каждый из этих людей передает обновление еще трем или четырем пользователям. Или, возможно, один или два из них не передадут обновление, – они не подключаются к другим пользователям, у которых эта функция активна. Но это нормально, мы просчитали, и у нас все равно получится распространить обновление среди пользователей.

Его ладони основательно опирались о стол.

– Конечно, есть и другие способы исправить эту ошибку, но для нас преимущество этого заключается в том, что все делается быстро и по-тихому. Пользователям даже не нужно знать об изменении. Поскольку обновление распространяется через нашу базу, мы довольно быстро достигнем стадии, когда клиентские сети будут обновляться почти сразу, как только активируется способность к подключению. Один-единственный сбой, не более чем мерцание света. Это все, что заметит большинство людей.

Надо признать, все продумано очень точно. Элегантное решение. Неудивительно, что у Освальда такой довольный вид.

– Итак, согласитесь, предложение честное? То, о чем мы просим, просто, безболезненно, никакого риска. То, что мы предлагаем, – возможность изменить свою жизнь.

Это уже слишком. Слишком идеально. Ей хотелось то, что он протягивал ей, хотелось физически, неотложно, каждой клеточкой

тела. И тем не менее она чувствовала некую отстраненность. Он говорил, как продавец. В свое время она придумала слишком много торговых предложений, чтобы не узнать эту отстраненность: при подготовке к их встрече он или кто-то другой тщательно проработал все варианты, но сейчас он переигрывал. *Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой? У нас есть сотни тысяч довольных клиентов, – проверьте наши отзывы!* Но когда она уже набрала в грудь воздуха, чтобы сказать ему «нет», сказать, что хочет все хорошенько обдумать, он поднял руку.

– Кассандра, послушайте, меньше всего я хочу, чтобы вы чувствовали, будто вас подвели к утвердительному ответу. – Он вздохнул. – К сожалению, в этой ситуации время поджимает. В конце года должно приниматься решение по нашей заявке на лицензирование Игры Воображения в США. Для нас этот рынок критически важен, и там есть ряд препятствий: например, религиозное лобби выступает против того, что они рассматривают как модификацию человека, созданного Богом… Но что еще важнее, правительство США намного менее покладистое, чем правительство Великобритании: они отнесли Игру Воображения к категории наркотиков, а не развлечений, как это сделали здесь. А это означает, мы должны обращаться в FDA[21], и *вот это* означает, что технология должна быть абсолютно, на сто процентов, безопасной. Однажды нашу заявку на лицензирование уже отклонили, и если это произойдет снова… ладно. Конечно, мне не стоит говорить вам это, но я все-таки скажу: мне бы очень хотелось видеть вас в нашей команде, чтобы мы с вашей помощью преодолели бы эти препятствия.

Поставив локти на стол, он сложил ладони вместе перед лицом, так что стал похож на ребенка-переростка во время молитвы.

– Кроме всего прочего, вам, наверное, понадобится время все обдумать. Могу дать вам… тридцать минут? – С деловой улыбкой он поднялся с кресла. – А если хорошенько подумать, то тут и думать-то нечего.

Глава двадцать седьмая

После ухода Освальда Кэсси забралась на стул с ногами, прижалась лбом к коленям и крепко обхватила руками голени. Когда ее оставили в покое, на душе стало легче, но внезапно навалилась усталость, будто Освальд, закрывая за собой дверь, забрал с собой всю энергию.

Представляете, а если бы от этого страдал ваш друг?!

Вот она, лазейка, неважно, специально оставленная или нет. Ее шанс бросить вызов Освальду, узнать наверняка, правда ли то, о чем она догадывалась, – об Алане и опытах на пациентах в «Рафаэль-Хаусе». Но лазейка могла привести и в ловушку. Под конец разговора, почувствовав манипуляцию, она старалась держать рот на замке.

До того момента Освальд вел себя открыто – отвечал на вопросы, разъяснял, чего они хотят от нее и что дадут взамен. Даже тот факт, что он оставил ее одну в своем кабинете, предполагал определенную степень открытости. Подняв голову, она огляделась: низкие книжные полки, огромный торшер, в рамке – гравюра, изображающая горный пейзаж. И все равно кое-что не вписывалось в общую картину. А именно время и деньги, потраченные на то, чтобы загнать ее в эту ситуацию. Почему бы IMAGEN не использовать для обновления своего сотрудника? Может, они уверены, что заставят ее молчать? Тогда молчание, несомненно, станет еще одним условием их предложения. Или здесь кроется что-то еще? «Есть и другие способы сделать это», – сказал Освальд, впрочем, мог и соврать. Она не просто самое точное и элегантное решение проблемы. По какой-то причине она их единственное решение.

Она сжала затылок, пытаясь облегчить боль от слишком долгого лежания в постели Льюиса с неудобно повернутой головой. Сделав усилие, поднялась на ноги и, рассеянно глядя сквозь стеклянную стену, потянулась. Прямо напротив, на дальней стене офиса открытой планировки, видна мозаика 1950 годов, сохранившая дату постройки этого здания. Первоначально в нем размещалась телефонная станция. Никогда раньше эта мозаика не привлекала ее внимания: четыре массивные стилизованные головы, по одной в каждом углу панели,

соединенные разноцветными линиями, которые складывались в геометрический узор.

Несколько подключений. Кошки в мешке. Когти выпущены.

Она повернулась спиной к мозаике. Обошла стол Освальда, села в его кресло. Дотронулась до трекпада, оживляя экран компьютера: биотач защищен, кто бы сомневался. Затем, проведя ладонями по гладкой деревянной столешнице, попробовала открыть верхний ящик стола, понимая полную бессмысленность своей затеи. Заперт. Средний ящик – тоже заперт, а вот нижний…

Нижний открылся, стоило только потянуть его за ручку.

Она помедлила, все еще не решаясь отпустить ручку ящика. Но вот рука скользнула по его краю. Коснулась картона, бумаг: стопка папок. В офисе внизу не было никого, кроме уборщика, занятого своей работой. Как можно незаметнее она оглядела кабинет, стараясь понять, есть ли скрытые камеры. Но если она их не видела, это не значит, что их нет. Да и что самое худшее могло случиться? Ну застукает ее Освальд на любопытстве, ну добавится еще одно преступление в список ее нарушений, о которых он убедил ее не беспокоиться, по крайней мере, пока. Быстро достав из ящика самую верхнюю папку, она положила ее на колени и раскрыла.

Внутри лежал один-единственный документ – таблица на нескольких скрепленных страницах. Столбцы и строки помечены аббревиатурами, ячейки заполнены цифрами, буквами «X» и «O». Все это ни о чем не говорило ей, пока взгляд не зацепился за пару повторяющихся инициалов, которые лесенкой спускались к низу страницы. Название колонки – *Лкц*, инициалы – *РХ*. Локация: «Рафаэль-Хаус»? Вполне возможно. Теперь она внимательно просматривала заголовки. В других колонках проставлены даты трех- или четырехлетней давности. В колонке, озаглавленной ID, написаны инициалы. Не в силах остановиться, она вела пальцем вниз по столбику, перепрыгивая через строчки в поисках знакомого сочетания. Вот глаза уже нашли его, и она заморгала, ожидая, пока палец доберется до нужной строчки. *АДЛ*: Алан Джеймс Лаудер. За инициалами следовало шестизначное число, в котором она без труда узнала дату его рождения. Пальцем она провела по всей строке, прослеживая данные, но остальные коды отказывались поддаваться расшифровке.

В голове пронеслась мысль выкрасть этот документ, оставив в столе пустую папку. Освальд так долго держал ее здесь, что эти страницы, аккуратно засунутые в карман, могли бы стать компенсацией. Только информация в таблице так зашифрована, что ни для кого, кроме нее, не станет настоящим доказательством. Как она убедит других, что *РХ* – это «Рафаэль-Хаус»? Что каждая клетка в столбике *Зчслн*, означает отдельного пациента, зачисленного на исследование, на которое они не то, что не давали согласие, но даже не были в состоянии понять, в чем оно заключалось? Она положила документ обратно в картонную папку, собираясь вернуть ее на место. И вдруг остановилась.

Да ладно! Один ящик не заперт? И в самой верхней папке именно тот документ, который подробно информирует ее обо всем, что она и так уже подозревала, и ничего больше? Как-то все слишком очевидно. То есть *предполагалось*, что она найдет эту таблицу.

Невозможно, но придется поверить: Освальд знал, что для нее значил Алан. Был ли он закодирован в ее данных, со всех тех раз, когда она подключалась к Игре Воображения Алана? Односторонний поток информации, исходящий от ее приемника, светящийся потребностью, непреодолимым желанием снова, снова, снова подключаться к нему? И тогда эта таблица – всего лишь толчок, небольшой дополнительный аргумент, почему она должна принять предложение Освальда. Напоминание, что в случае отказа больше всех пострадает не она, а Алан.

Ей предложили взятку; нечто кислое, с небольшим добавлением сладкого, этакий эмоциональный шантаж. Подтверждение всего, что переживал не-Алан, о чем она только догадывалась. Прошлой ночью в Игре Воображения она сама ощутила удушающую тьму, но издалека и ненадолго, и ей удалось освободиться. На закрытом отделении все было бы по-другому. Индивидуальные психозы становились общими, помноженными друг на друга. Каждый вторгался в других. Каждый барахтался в паутине развивающихся сетей, которая раз от разу становилась крепче. От этих мыслей она чуть не задохнулась, будто из легких выкачали воздух.

По-настоящему у нее не было выбора. Она вынуждена сказать «да».

Внизу, в офисе открытой планировки, уборщик закончил свою работу. Кружка со стола убрана. Интересно, как они устроят ее возвращение, что скажут сотруднику, который выполнял ее работу в течение этого года? Она снова посмотрела на мозаику, прослеживая взглядом цветные линии, проходящие над и под друг другом, поворачивая под углом, сплетаясь в узор. И задумалась о том, как пройдет обновление. Назальный спрей, стойкое послевкусие, а затем внутри нее произойдут изменения. Она представила свою сеть подобно той, что видела на выставке в здании Ньюмена. Новые биомолекулы принесут новые команды, промоют сеть молекул по всему ее мозгу, и сеть отреагирует. То же произойдет и с не-Аланом: обновление прояснит его мозг, очистит, сохранит в безопасности. Наверняка они и начнут оттуда – с закрытого отделения. Она представила, как обновление передается от пациента к пациенту, выключая их одного за другим…

И только теперь до нее дошел смысл слов.

«Я здесь только из-за тебя».

Что они означали? Уничтожить подключения.

«Вот как ты меня спасаешь. Тем, что находишься здесь. Ты должна находиться здесь…»

Ее Алан. Настоящий Алан. Алан, которого она нашла в Игре Воображения. Значит, она снова потеряет его.

«Я здесь только из-за тебя».

Он перестанет существовать. И их общее прошлое тоже исчезнет. Его кожа… глаза, тепло, стук его сердца – ничего этого больше не будет.

Внезапно во рту пересохло, язык прилип к нёбу, будто она навсегда потеряла дар речи. Как можно сделать такой выбор?

Если она скажет «нет» и уйдет прямо сейчас, то, скорее всего, никогда уже не найдет своего Алана, не найдет способ вернуться в Игру Воображения… но возможность останется, и он превратится в слабый отблеск самого себя, ждущего ее. А не-Алан будет так же, как теперь, заперт в палате и в мучениях. *Вторжение в другое сознание… неподвластное вашему контролю…* Почувствовав, что тьма вот-вот накроет ее, она резко встряхнула головой. Он ошибка, он не *ее* Алан. Но даже если и так. Как оставить его страдать, когда в ее силах многое изменить? Невозможно.

Можно ответить «да» – принять предложение Освальда, и не-Алан все равно останется поврежденным, но не будет страдать или, по крайней мере, будет страдать не больше, чем от обычного безумия. Они с Аланом больше не смогут общаться в Игре Воображения, и водопад превратится в воспоминание из сна – место, потерянное для них обоих, как они потеряны друг для друга. Он безвозвратно исчезнет. И она больше никогда не прикоснется к нему, не вдохнет его запах, не услышит его голос, его дыхание, биение сердца… Тоже невозможно.

Зарывшись пальцами в волосы, Кэсси сопротивлялась накатывающей волне отчаяния, стараясь рассуждать хладнокровно. Перед ней стоял выбор между возможной потерей Алана и определенной потерей Алана. Выбор между степенями страдания. Но разве можно измерить страдание? Пациент безумен, значит, он страдает, но в чем заключаются *дополнительные* страдания из-за подключений в Игре Воображения? И до какой степени приемлемы эти дополнительные страдания, если благодаря им ее Алан остается в живых? *Я здесь только из-за тебя*… Какое страдание следовало считать посильным, оправданным для сохранения ее надежды?

Ее взгляд уперся в стену с мозаикой, а мозг старался ускориться, отыскивая решение проблемы. Как сохранить невредимыми всех троих: не-Алана, и Алана, и ее саму.

Когда Освальд вернулся, она все еще сидела в его кресле, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Она спокойно наблюдала, как он смотрит на мятежное выражение ее лица, на папку, лежащую на столе. Он стоял совсем близко, и его рост казался устрашающим.

– Смотрю, вы уже вполне освоились, – заметил он.

А она молча поворачивала кресло вправо – влево – вправо. Выдерживая его взгляд, словно именно она была хозяйкой кабинета.

– Вы же сами подстроили, чтобы я нашла это. – Кончиком пальца она подтолкнула папку, и из нее выбился краешек документа. – Значит, вот с чего все началось. С клиники «Рафаэль-Хаус». Дайте угадаю: биомолекулярные сети, подобные тем, которые позже использовали в Игре Воображения. За исключением того, что нужен был способ, как психиатр станет формировать опыт, получаемый пациентом, а это

означает… технически сети спроектированы таким образом, что способность к подключению изначально активна, а не латентна? И следовательно, проблема вообще не возникла бы, если бы вы не проводили несанкционированные опыты…

– Они санкционированные. – Его голос прозвучал неожиданно резко, но Освальд тут же взял себя в руки. – Ладно, ситуация развивается не так, как мы надеялись. Мы бы предпочли, чтобы это осталось незамеченным. Но знайте, на каждый аспект этого исследования у нас есть соответствующие одобрения. Стандартный протокол соблюден, до последней буквы. Ни одного неправомерного действия.

Кэсси перестала поворачивать кресло. Она даже не пыталась скрыть отвращение.

– Вам же известно, что в этой клинике находится мой друг!

– Вот именно поэтому мы и являемся союзниками! – На его лице появилась примирительная улыбка. – Кассандра, подключения – наш общий враг. Мы все хотим, чтобы они прекратились.

– Но в «Рафаэль-Хаусе» можно прекратить их прямо сейчас, надо только захотеть! Вы наверняка и об этом подумали. Разделите пациентов, и подключения прекратятся.

– Да, несомненно, мы думали об этом. И пришли к выводу, что теперь, когда сети пациентов развились, их разделение – лишь временное решение. Независимо от того, переведут их в разные лечебные учреждения или они восстановятся до такой степени, что смогут вернуться к нормальной жизни, почти неизбежно, что в конце концов они встретят человека, чья биомолекулярная сеть тоже достаточно развита для прямого подключения, и такое подключение возникнет между ними. И тогда мы уже ничем не сможем им помочь, потому что ничего не узнаем. А если и узнаем, у нас все равно не будет подходящего способа лечения.

– Вы и сейчас их не лечите, – чуть слышно произнесла Кэсси.

– В клинике «Рафаэль-Хаус», – продолжил Освальд, – врачи, по крайней мере, понимают, что успокоительные препараты только ухудшают симптомы.

Кэсси внимательно слушала его.

– Получается, подключение происходит, когда пациенту вводят успокоительное?

Он мрачно усмехнулся:

– В том-то и суть, если сознание не может блокировать подключения, как их прекратить? Спит человек, в коме, под успокоительным – все одно и то же.

Как ей ни хотелось признавать, но рассуждения Освальда не были лишены здравого смысла. Если Алана переведут в другую больницу, где никто не знает его историю болезни, и в соседней палате окажется пациент с развитой сетью, то круг замкнется: мучения и успокоительное.

– *Если* я скажу «да», – она заметила, как дрогнула его улыбка, – то по единственной причине: я хочу защитить моего друга.

– Понятно, разумеется. – Освальд говорил быстро, безразличный к ее переживаниям, желая лишь закрепить договоренность. – Просто для ясности: все, что мы предложили вам до этого, остается в силе.

– Но вот это! – Она схватила папку и тряхнула ею. – Игра в прятки. Как, по-вашему, я могу доверять вашим словам, если вы подсовываете информацию через незапертый ящик и при этом делаете вид, что играете честно? Для меня это крайне важное решение. Мне нужны доказательства.

Освальд собирался что-то сказать, но промолчал и несколько секунд смотрел на ковер. Руки в карманах брюк, большие пальцы поглаживали ткань, словно он пытался успокоить себя.

– Ладно, если мы покажем вам, для вас это будет доказательством? – наконец спросил он.

– Покажете? Каким образом?

– Убедило бы вас, если увидите… почувствуете сами?

Под его оценивающим взглядом она вздрогнула от беспокойства.

– Сначала мне бы хотелось вернуться домой. Прилично одеться, принять душ и…

Он покачал головой:

– Боюсь, не получится. Все это будет, но позже. Хотите пережить опыт лично, тогда надо действовать сейчас.

Вкус горелой резины. Нет, она совсем не хотела. Но, возможно, такой опыт помог бы ей. Под его пиджаком она расправила плечи и выпрямила спину. Познать страдание. Измерить его. И сделать выбор.

И снова та же женщина молча вела машину. Освальд тоже молчал. Сидя в одиночестве на заднем сиденье, Кэсси подняла воротник его

пиджака, будто отгораживаясь от мира, и поглубже засунула руки в карманы с шелковой подкладкой. Кажется, прошло уже много времени с тех пор, как ее вывели из квартиры Льюиса, но на улицах по-прежнему никого не было. Вытянув шею, она посмотрела на часы на приборной доске. 04:28.

За окном проплывал знакомый пейзаж. Путешествие закончится быстрее, чем ее предыдущая поездка по этой дороге. Она прикрыла глаза. Вот и поворот. Машина сбавила скорость. Под колесами зашуршал гравий, затем толчок о мягкую землю и остановка. Открыв глаза, Кэсси поняла, что женщина поставила машину за кустами, пытаясь скрыть их присутствие. Отсюда здание больницы не видно, но оно где-то близко. Небольшая асфальтированная площадка. Скамейка и шелест бамбука.

Развернувшись в кресле, Освальд протянул ей приемник, похожий на один из тех, что женщина забрала из квартиры Льюиса. Во всяком случае, той же модели.

– Ого! Сознательное использование незаконно модифицированной биопрограммы? – иронично заметила Кэсси. – Несанкционированное использование чужого аккаунта?

Ее слова прозвучали не как вызов, но, скорее, как шутка. Бывает ли так, что мужчина одалживает вам свой пиджак, и между вами возникает взаимопонимание, вопреки всему? Хотя, возможно, Освальд выглядел хорошо только на фоне своей таинственной коллеги. По крайней мере, он не игнорировал присутствие Кэсси.

– Пока ваш аккаунт не восстановлен, это самый быстрый способ. У нас не так много времени. – Часы на приборной доске показывали 04:56. – Как скоро вы будете готовы?

Приемник в ее руке почти невесомый. Такой аккуратный приборчик. Она надела его на ухо. Вот она и готова пережить опыт, через который постоянно проходил не-Алан. Готова измерить страдание.

Откинувшись на спинку сиденья, она нажала на выключатель.

Вкл.

Глава двадцать восьмая

Освальд как сидел, развернувшись в кресле, так и остался сидеть, наблюдая, как девушка погружалась в Игру Воображения. Когда ее веки стали подергиваться, он отвернулся.

– Полчаса, как по-вашему?

Рядом с ним советник сняла очки, достала из «бардачка» маленькую тряпочку и начала протирать линзы.

– Как скажете.

На заднем сиденье девушка сидела молча. Освальд повернулся, проверяя ее: неподвижна, только веки немного подрагивали. Он снова отвел взгляд. Что она переживала сейчас? Со стороны не скажешь. Может, блаженство, а может, ужас. Чаще, конечно, бывал ужас. На это и расчет. Хорошо, что здание отсюда не видно: оно угнетало. Выглядело, как приют, как место, где его старая мать доживала свою жизнь. Опять же, со стороны и не догадаешься.

– Непонятно, в чем проблема, – сказала советник. – Не тянет она время.

Он догадался, что это вопрос, хотя интонация не вопросительная.

– Ей-то зачем, – ответил он.

Сейчас он слышал дыхание девушки, прерывистое и неглубокое. Что же удерживало их на крючке, таких, как она? Темперамент? Родилась такой? Он и сам иногда заходил в Игру Воображения. Опробовал все заметные новшества. Но теперь у него не было на это времени. Теперь он заходил крайне редко, раз или два в неделю, и никогда не рассказывал о своем опыте жене. Разумеется, самые высокие настройки конфиденциальности: он установил собственные, иначе ни за что на свете не доверился бы. Подключение. Взаимодействие. Вот это ему надо меньше всего. Всю забаву испортит. Есть в этой технологии какое-то непреодолимое влечение… когда поддаешься порыву… может, и у этой девушки также… *Прекрати: перестань отвлекаться! Во всяком случае, пока рядом эта женщина, чья работа заключается в том, чтобы знать все обо всех, сидеть за своими очками и замечать все, что касается тебя, возможно, даже читать твои мысли*… Внезапно утвердившись в мысли, что советник

наблюдала за ним, он посмотрел в зеркало заднего вида, но в нем отражалось только заднее стекло. Освальд сел поудобнее. Ясно, откуда такое настойчивое требование бдительного правительственного надзора. Если учесть, что происходит. И у них общая цель, у нее и у него, – уладить последствия вышедшей из-под контроля ситуации, не ставя под угрозу первоначальные инвестиции и потенциальные выгоды. И все же лучше бы за рулем сидел Лахлан.

Его стараниями все должно обойтись. И, вероятно, обойдется. Почти наверняка. И только благодаря его предусмотрительности. Он не суеверен, не верит в знамения. Всего лишь ряд совпадений. Четыре года назад, увидев в офисе девушку, ожидавшую приглашения на собеседование, он сразу узнал ее. Во время его последнего визита в «Рафаэль-Хаус» она тоже была там. Неприятный момент. Выяснить, кого она там навещала, не составило труда. Кем приходится этому пациенту или приходилась раньше. Убедившись, что она не журналистка, не шпионка, он понял, что потенциально она представляла собой либо угрозу, либо преимущество, и решил действовать – взять ее на работу в компанию. В конце концов, она была достаточно компетентна и, пожалуй, справилась бы на собеседовании и сама, без его вмешательства, со второго захода. Его идея заключалась в том, чтобы держать ее на виду, тогда он смог бы отслеживать любые подозрительные проявления с ее стороны. Нельзя, конечно, утверждать, что на том этапе он предвидел, как именно они используют ее, и, когда начались спонтанные подключения, некоторое время, по общему признанию, казалось, что от нее будет больше проблем, чем пользы. И он снова предпринял меры – нейтрализовал ее. Лично убедился, что ее уволили с достаточно суровыми ограничениями.

И теперь, когда им понадобился человек для распространения обновления, вот она. Сговорчивая. Расходный материал. Идеальный инструмент для такой работы. Конечно, есть и другие зависимые, другие забаненные пользователи, но никто из них, подписав драконовское соглашение, не поддался бы уговорам нарушить его. И нет никого, о ком они знали бы так же много, как об этой девчонке Макаллистер. Информация – сила, которая позволяет легко убедить другого в своей точке зрения, особенно если тот другой не знает, каким количеством информации вы располагаете. А как только она вернулась

в Игру Воображения, она не только показала, что ее биомолекулярная сеть по-прежнему в рабочем состоянии, но и явно нарушила условия соглашения, предоставив ему рычаги воздействия, в которых он на тот момент нуждался.

Поэтому, когда они утрясут ситуацию, все лавры достанутся ему, а не этой чиновнице, со всей ее бдительной, невидимой властью. Какие еще у них варианты без Кассандры Макаллистер? И все же от того, что советник – женщина, есть своя польза. Скорее всего, девушка не доверилась бы настолько двум мужчинам, если бы за рулем сидел Лахлан.

Он снова посмотрел на заднее сиденье. Боже, вы только поглядите на нее! На лице блестел пот. Кожа белая, как у мертвеца. Волосы, будто она только что из-под дождя. И весь этот пот стекал прямо на его пиджак. Снова придется отдавать его в чистку… Вот еще одна головная боль! Последнее, что ему нужно на утренней встрече с Эриком, – пиджак, от которого несет страхом. Он потер глаза, жалея, что не дома, не спит, а как в ловушке, сидел в машине, спрятанной за кустами, рядом с клиникой для умалишенных, в какой-то глуши… Вот же счастья привалило!

На мгновение он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Легкий ветерок шевелил ветки, и они постукивали по ветровому стеклу. Где-то запела птица.

* * *

Окно со стороны водителя с тихим шуршанием немного приоткрылось, впуская свежий воздух. Советник поправила зеркало, улучшая обзор.

Она и раньше видела, как это происходит. В больнице снимала на камеру объекты клинических испытаний для своих конфиденциальных отчетов, но наблюдать такое на заднем сиденье своей машины… Она чувствовала запах девушки, ее пота, горького и резкого. И контраст между вот этим и тем, что обещало исследование. В некотором смысле это даже завораживало.

Когда ее призвали найти удовлетворительное решение возникшей серьезной проблемы, ей снова пришлось поднять все документы,

протоколы заседаний. Исследователи красноречиво обосновывали просьбы о финансировании, об одобрении. Профессор Фиона Морган отстаивала свой проект. Расписывала, как технология радикальным образом изменит лечение психических заболеваний. Позволит психиатру непосредственно вмешиваться в сознание пациента, изнутри. Чтобы помогать больному переосмысливать переживания, отбросить ненужную информацию, полученную им из окружающего мира и принять оставшуюся. Из всей заявки министр обратил внимание только на одну-единственную фразу: *усовершенствованные умы*.

Девушка в зеркале соскользнула вбок, и теперь ее стало почти не видно.

Усовершенствованные. Разумеется, ей платят не за то, чтобы она имела собственное мнение, и тем не менее, с ее точки зрения, это слово стало ключевым. Нормативное одобрение, нехватка этического контроля. Усовершенствованный равно продуктивный и равно эффективный. Эффективный ответ на кризис психического здоровья – вот на что купился министр. Все зависело от результатов этой подопытной группы в общем, и ее министра в частности. И нет, она не собиралась добавить «продажного», это было бы слишком. Беспринципного… возможно. И явно недальновидного.

Слишком близко от нее Освальд скрипнул сиденьем. Ну что ему не сидится спокойно, сколько можно ерзать? Интересно, а он знает, почему на самом деле сейчас здесь он, а не его босс? Конечно, если дело дойдет до того, потеря такого технического директора больно ударит по IMAGEN. Хотя под его началом есть несколько чрезвычайно способных технологов… В случае чего, будет кем заменить, и компания переживет его позорный уход. Решение уже принято, не ею, естественно. В интересах департамента, правительства, национальной экономики – *выживание* компании.

Снова скрипнула кожа сиденья, и Освальд, обернувшись, посмотрел на девушку.

– Достаточно? – спросил он.

Она наклонила зеркало еще больше. Девушка сидела, привалившись головой к стеклу, неудобно изогнув шею. Глаза под веками все еще вращались. Часы на приборной доске показывали 05:25.

Лично она подошла бы более основательно: позволила бы сеансу продолжаться как можно дольше, пока не начали бы просыпаться подопытные пациенты. Вздохнув, советник повернула ключ зажигания и сдала назад. Может, Освальд и прав. В конце концов, они же хотят, чтобы она была послушной. Неготовой к разделению на части. Что ж… пока неготовой.

ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ

Вопрос: Все ли могут пользоваться Игрой Воображения™?

Ответ: Мы хотим, чтобы любой получил собственной опыт в своей удивительной виртуальной реальности! Ты можешь пользоваться Игрой Воображения™ при следующих условиях*:

• тебе уже исполнилось восемнадцать;

• ты прошел наши тесты на психическое здоровье, финансовое благополучие и безопасность;

• ты не беременна или пытаешься забеременеть;

• ты не проходишь сейчас и не проходил(а) ранее лечение психических или неврологических заболеваний.

*Для получения более подробной информации см. наши полные условия и положения.

Глава двадцать девятая

Свет… есть свет, есть… крик, она пытается… она *умирает*, ее сердце, нечем дышать, совсем нечем… протягивает руку, ударяет что-то впереди, совсем близко… слишком близко… еще удар, прямо кулаком, *убирайся*! Но оно остается, это всего лишь… Кожа. Мягкая. Сиденье, в машине. Шея затекла от неудобной позы – голова долго запрокинута в угол. Стекло, заманившее ее в ловушку. Она карабкается вверх, выпрямляясь. Подступает тошнота. *Боже, только бы не вырвало!* Стекло быстро опускается. *Наружу! Если тошнит, высунься наружу!* Мучительные спазмы. Она кашляет. Жжет. Будто ее кожа, ее кожа… Содрана. Кислота. Она дрожит. Зубы стучат друг о друга. Во рту желчь. Она вытирает подбородок, его пиджак. Всё? Стекло поднимается. Она прижимается к нему головой, кожей, влажной от пота, к холодному стеклу. Вода. Она хочет пить. Хочет оказаться под водой. Очистить себя. Чтобы вода текла сквозь нее, и у нее были жабры, и она бы жила в воде и дышала, чистая.

Дрожь проходит. Оставляет ее опустошенной. И обмякшей.

Ее куда-то везли. Они увозили ее: да, она хотела оказаться подальше отсюда. Сломанная кукла в углу на заднем сиденье… Кто это там лежит? Головой понимала, что это она, она сама… но нет, на самом деле не совсем так. Она не чувствовала себя. Только покалывание в онемевших щеках, губах, носу. Только жалость, к той кукле, в углу. Жалость абстрактна. Она ничто. Смотрите-ка, пиджак Освальда. Рассердится, наверное. Она коснулась его толстыми, словно забинтованными, пальцами, пиджак гладкий, твердый, как стекло, как окно.

Она вдруг обратила внимание. С ее уха что-то упало. Приемник, он лежит у нее на коленях. Она подняла его, повертела, рассматривая, в руках. Всего-то немного титана, кремния, графена.

Освальд задал вопрос:

– Вы сделаете то, о чем мы просим?

Она повернулась к стеклу. У нее не было сил для ответа. Словно от нее ждали, что она поднимет гору. И она решила не слушать. Закрыла глаза.

Глава тридцатая

Машина остановилась. Открыв глаза, Кэсси заморгала от яркого света. Кажется, она узнала это место. Автостоянка, типовые ангары, приземистые, новые. Она была здесь раньше… а была ли?

Женщина бросила Освальду:

– Присмотрите за остальным.

Он молча вышел из машины и, обойдя ее, открыл заднюю дверь.

– Выходите, Кассандра, идемте со мной.

Нет, ей совсем не хотелось выходить. Хотелось спать. Устроиться поудобнее на сиденье, закрыть глаза. И исчезнуть из этого мира. Он же обещал, как только все закончится, она сможет принять ванну. Обещал, что ее отвезут домой. Ванна. Постель. Спать. Но, если она не выйдет из машины, она останется с *ней*. И Кэсси, собравшись с силами, оторвала себя от сиденья и вышла.

Не успела за ней захлопнуться дверь, машина отъехала. Женщина даже не оглянулась.

– Вот стерва какая! – буркнула Кэсси, чувствуя себя свободной, будто теперь ничто не имело значения.

– Сюда, пожалуйста. Чем скорее все закончится, тем скорее вы попадете домой.

– Ну, разве она не стерва? Только не говорите, что она вам нравится. Наверняка занимает высокий пост… Выше, чем ваш? Похоже, это настоящая… заноза в заднице.

Она нетвердо, но старательно шла за Освальдом, глядя не дальше каблуков его черных блестящих туфель. Они пересекли взлетно-посадочную полосу и оказались перед простой черной дверью в невыразительной стене из шлакобетонных блоков. Едва держась на ногах, Кэсси ждала, пошатываясь, пока Освальд набирал код, прикладывал ладонь к панели системы безопасности, смотрел в сканер радужки.

Замок щелкнул почти неслышно, дверь открылась, и они вошли.

Они шли по коридорам, освещенным синим светом аварийных ламп. Проходили разные уровни защиты, и Освальд еще несколько раз

вводил код и прикладывал ладонь. На ходу он разговаривал по телефону, но не с ней.

– Подопытная у меня с собой, но сначала нужно уладить кое-какие бумажные формальности. У вас все готово? – В трубке ему что-то ответили, и Освальд резко оборвал собеседника: – Не понимаю, как еще десять минут могут что-то изменить! Просто выполняйте свою работу.

Кэсси, спотыкаясь, шла за ним. По бесконечным коридорам, поворачивая из одного коридора в другой, все больше и больше углубляясь в здание. Наконец, их путь закончился в совсем маленьком помещении, заставленном системными блоками, мониторами и офисными шкафами для документов. В нем едва хватало места для стола и единственного стула. Освальд включил настольную лампу.

– Садитесь, пожалуйста.

Кэсси сделала, как ей велели.

Сдвинув в сторону стопку папок, он освободил на столе немного места и достал из портфеля пачку бумаг.

– Наше новое соглашение. Оно обновляет… заменяет предыдущую версию. Три экземпляра. Нужна ваша подпись на каждом из них. – Он положил бумаги перед ней. – Внимательно прочитайте и, когда будете готовы… – Он достал из футляра толстую серебристую ручку и тоже положил ее на стол. – Ранее мы обсуждали с вами замену соглашения, так что вопросы вряд ли возникнут.

Кэсси взяла верхний экземпляр. Знакомые буквы, слова, даже целые фразы, но их смысл ускользал от нее. Она переводила взгляд со строчки на строчку, делая вид, что читает. Освальд возвышался над ней, скрестив руки на груди. Дойдя до середины первой страницы, она перешла к следующей. Ее притворство наверняка заметно со стороны, но объяснить, зачем подыгрывает ему, она не могла бы. Она бегло просмотрела соглашение до последней страницы. В нем могло говориться все, что угодно. Например, что она отказывается от своего первенца. Но выбора не было. Пережитое ею там… она даже не представляла, что не-Алан постоянно переживает этот кошмар. Каждую ночь своей жизни.

В руке чувствовалась непривычная тяжесть ручки. Когда она подписывала соглашение в прошлый раз, ей не одалживали ручку с золотым пером. Наверное, в этот раз ее подпись должна выглядеть

более весомой, более определенной. Она выводила свою подпись, густо и черно. Один раз. Второй раз. Третий раз.

– Вот и умница. Правильное решение. Уверен, вы не пожалеете.

Несчастный продавец все еще сидел в нем, и чрезмерный энтузиазм выталкивал его обратно на поверхность. Добавив дату и положив ручку поверх бумаг, она подтолкнула их к Освальду. Он вернул ей один экземпляр.

– Ваш экземпляр. Два – для меня, один – для вас. Теперь у нас все получится, согласны? Следуйте за мной, пожалуйста.

Они снова куда-то шли, как в кошмаре: она заблудилась, ходит по кругу, еле переставляя ноги. Ей никогда не выбраться отсюда. Единственное желание – лечь на холодный жесткий пол, прямо здесь, в коридоре. И он покажется мягче пуховой перины, а она сразу провалится в сон. Но Кэсси держалась прямо и продолжала двигаться. Освальд снова говорил на ходу, но на этот раз обращался к ней:

– После ввода обновления, для изменения вашей сети потребуются целые сутки. По сути, это переписывание набора команд для каждой биомолекулы. За эти двадцать четыре часа мы все подготовим для вашего возвращения в Игру Воображения. В течение недели, пока вы будете активным носителем, мы собираемся распространить обновление как можно шире, поэтому отвезем вас в ряд стратегических для нас мест. – Он остановился и посмотрел на нее. – Не волнуйтесь, все будет совсем не так, как сегодня утром. Серия коротких подключений, все управляются с приемника, мы будем держать ситуацию под контролем. А вы таким образом выполните свою часть соглашения.

Повернувшись, он приложил ладонь к панели системы безопасности и открыл дверь в другое, гораздо более просторное помещение.

– Эй, есть кто-нибудь? – крикнул он в тишину.

Они вошли в тускло освещенную лабораторию. Один ряд ламп дневного света тянулся яркой полоской по выложенному плиткой потолку; три другие ряда спокойно спали. В дальнем конце лаборатории открылась дверь, и появилась маленькая фигурка – мальчик, подросток, с короткой стрижкой, в белой рубашке и темных брюках. Когда мальчик заговорил, Кэсси поняла, что это женщина.

– Проходите, – пригласила она.

Они прошли мимо множества скамеек: одни уставлены непонятными приборами, укрытыми на ночь, словно птицы в клетках, на других стояли стеклянные ящики, похожие на аквариумы, в которых отражались бледные пятна их лиц. Темный пол усеян множеством разноцветных пятнышек. Моргая, Кэсси старалась остановить мельтешение цветов. Вслед за Освальдом, она прошла в смежное помещение, настолько заполненное оборудованием, что едва хватало места для трех человек. Женщина набросила на плечи лабораторный халат. Вблизи она хорошенькая и выглядела совсем не по-мальчишески. *Усталая, но красивая*.

– Все готово. – Женщина, указала на тележку из нержавеющей стали, с непонятными штуками, которые выглядели как медицинские принадлежности, запечатанные в стерильные пакеты. – Еще со вчерашнего вечера… – Прикрыв рот рукой, она бросила на Освальда обиженный взгляд и преувеличенно зевнула. Затем, будто впервые заметив Кэсси, прищурила глаза. – Привет, похоже, не только я не спала всю ночь.

Пол под ногами Кэсси накренился, как палуба корабля во время шторма.

– Вот. – Женщина, ловким движением развернув, подставила ей стул. – Садитесь, это не займет много времени. Кстати, меня зовут Сэм, приятно познакомиться.

Взяв Освальда за руку, она отвела его к двери.

– Какая официальная версия? – Голос Сэм звучал тихо, но в небольшом помещении Кэсси слышала ее хорошо.

– Зачем вам официальная версия? – задал Освальд встречный вопрос. – Какое отношение она имеет к вашей работе?

– При чем тут моя работа? Я всего лишь проявляю… человеческую заботу. Да ладно, она и так уже не в себе. Что с ней случилось?

– С ней все хорошо. И будет еще лучше, когда ее отвезут домой, так что давайте поскорее закончим наше дело.

– Лучше бы вы привезли ее позже, в другой раз.

– Нет. Мы все сделаем сейчас.

– *Посмотрите* на нее. На ее состояние. Я, правда, считаю…

– Хватит разговоров, приступаем.

Пауза, короткое замешательство. Сэм отвернулась. Подошла к своей тележке, поправила и без того ровную стопку чего-то похожего на стерильные повязки.

– Ладно, давай покончим с этим, и тебя отвезут домой, – обратилась она к Кэсси. – Для начала давай-ка умоемся и, пожалуй, уберем волосы в хвост. Там, дальше есть туалетная комната. Идем, я покажу.

Они прошли через лабораторию, затем немного по коридору и вошли в женский туалет. Сэм набрала в раковину горячей воды, добавила в нее мыло и взбила пену.

– Мыло, конечно, грубовато для кожи лица, но нам нужно привести тебя в порядок.

Опустив руки в воду, Кэсси зачерпнула пригоршню воды и ополоснула лицо. Теплая вода, с запахом розы, но все это казалось таким далеким, будто лицо, которое она мыла, не ее, и сама она находилась не здесь.

Сэм протянула ей рулон бумажных полотенец.

– Извини, он мой босс.

Кэсси вытерла лицо, шею. Стряхнула капли воды с пиджака Освальда.

– Классный пиджак, – заметила Сэм, – мне нравится.

В зеркале взгляд Кэсси скользнул в сторону от ее разбитого отражения, пока не пересекся со взглядом Сэм. Как мило, что она беспокоилась. Не хотела делать того, что велел Освальд, даже если все равно придется.

– Все в порядке, у меня нет выбора, – произнесла Кэсси. – Я подписала их бумаги.

Сэм нахмурилась:

– Мне ничего не известно об этом… Я здесь только для гарантии, что все будет сделано правильно, – вздохнула она. – Ладно, идем. Похоже, ты нуждаешься в постели больше, чем я, поэтому давай продолжим.

Вернувшись обратно, Кэсси сделала, как ей велели, – села на раскладное кресло, которое занимало большую часть помещения, вытянула ноги и запрокинула голову на подголовник. От одноразового покрытия пахло чем-то склизким, медицинским. Сбоку кресла есть шторка, готовая отгородить девушку, но Сэм не стала задергивать ее.

– Убери, пожалуйста, волосы с лица, – попросила она.

Пальцы Кэсси путались в давно нечесанных прядях, пока она убирала их назад. Мягкое сиденье кресла словно вернуло ее в машину. Она услышала глухой металлический звук и вытянула шею, пытаясь увидеть, что делает Сэм. Мельком ей удалось разглядеть довольно большой серебристый цилиндр. Еще один звук: дважды мягкий щелчок одноразовых перчаток. Сэм осторожно что-то извлекла из цилиндра. Повернулась к Освальду и протянула ему для осмотра. Штука, которую она достала, совсем не напоминала фирменные баллончики со спреем, активирующим Игру Воображения. Скорее, она похожа на короткий тупой шприц… и Кэсси вспомнился не-Алан, запертый в палате. Как он возбужденно пытался отбиться от нее кулаком, кричал, царапал рану на голове, а она молча выжидала, боясь позвать врача, чтобы ему сделали укол. Кресло пришло в движение, раскладываясь горизонтально. Кэсси крепко сжала подлокотники.

– Надо, чтобы ты лежала, – объяснила Сэм.

Она опускалась ниже и ниже, пока ноги не оказались выше головы, а взгляд не уперся в потолок. Моргнув несколько раз, Кэсси закрыла глаза.

Что-то влажное коснулось ее ноздрей. Вата, резко пахнуло дезинфицирующим средством. Может, теперь ее собственный запах будет не так заметен; лицо Сэм совсем близко, и Кэсси старалась дышать с закрытым ртом.

– Как ни странно, но через секунду все закончится. – Пальцы Сэм в латексных перчатках, холодные, умелые, убрали упавшую прядь волос. – Смотри, чихать нельзя. Если будет щекотно, и почувствуешь, что вот-вот чихнешь, хорошенько так ущипни себя за нос. Ладно?

Вот и всё. Как только Сэм введет препарат, Алан исчезнет. Она заставила себя не шевелиться, крепко держась за подлокотники, а тело – не сопротивляться. Закрыв глаза, мысленно представила Алана, как делала много раз в Игре Воображения. Но сейчас получалось с большим трудом: в голове все перепуталось, мозг отказывался работать, и ей никак не удавалось сосредоточиться. Эти усилия напомнили ей те первые попытки, когда в мыслях удерживались только фрагменты его, какие-то части; и, когда внимание переключалось на воображение других частей, уже созданные теряли четкость и исчезали.

Затупленная игла осторожно скользила по ноздре, пробираясь высоко внутрь. Кэсси затаила дыхание. *Алан… прости… Алан…*

Слышно, как двигался поршень, и по носу растекалась холодная, словно подтаявшее мороженое, струйка. На мгновение в передней части головы возникла боль. Щекотание нарастало, и Кэсси сильно сжала переносицу.

– Умница! Отлично. Продолжай щипать. – Сэм ходила неподалеку – снимала перчатки, убирала на место инструменты. – На всякий случай полежи-ка ты здесь еще пару минут. Неприятных ощущений больше не будет. Они появляются только в первые секунды, когда спрей вызывает желание чихнуть…

Ее слова доносились будто сквозь высокий комариный писк, от холода звенело в ушах. Кэсси почувствовала покалывание в мягком нёбе, пульсацию в деснах, в корнях зубов, холод просачивался в пазухи и расползался по голове. *Откуда ты знаешь?* Именно этот вопрос хотелось ей задать. Ведь Сэм никогда не испытывала ничего подобного. Кэсси – первая. Так разве им не следовало расспросить ее об ощущениях? Ладно, неважно. Все это пустяки. Она первая и единственная. Эксперимент без продолжения… пока она работала. Пока она выполняла свою работу. Неважно, какие еще последствия он мог иметь, этот холодный щекочущий спрей, который растекался внутри нее. И неважно, были ли у него побочные эффекты и какие.

Она подписала соглашение. Сложенные пополам бумаги лежали у нее на животе. Она касалась их, проверяя. Держалась за них.

В голове все еще ощущалось холодное щекотание, когда она шла за Освальдом по лабиринту коридоров. Когда сидела на заднем сиденье другой машины, мечтая только о постели и сне. Когда стояла, уже без пиджака, на тротуаре в 6:30 утра, а Освальд отъезжал, заверив, что вернется за ней через двадцать четыре часа, как только обновление начнет действовать.

Она нажимала на кнопку звонка квартиры Льюиса снова и снова, надеясь, – о Боже, ну пожалуйста! – что он дома. Она еще не успела договорить свое имя до конца, а дверь уже распахнулась, и он выбежал ей навстречу. Он так сильно сжал ее плечи, что его объятия стали больше похожи на ограничение свободы, но крепость его рук утешала… и поддерживала ее в вертикальном положении. Облегчение

заполнило ее, когда она рассеянно глядела в знакомое лицо, с широким ртом и темными глазами. Облегчение и осознание чего-то важного, о чем ей следовало рассказать ему, но она чувствовала, как, даже в его объятиях, силы оставляли ее. Ладно, в другой раз. Поэтому она только помотала головой на его вопросы, на его *Господи-Кэсси-где-ты-была-что-с-тобой-случилось-я-волнуюсь…*

– Позже, – ответила она. Позже, все позже. А сейчас ей нужно поспать.

Глава тридцать первая

После пробуждения Кэсси едва удалось открыть глаза. Словно склеенные. Она терла их и моргала, пока мир вокруг снова не обрел отчетливые очертания. Она по-прежнему была липкая и воняла, пачкая простыни Льюиса засохшим потом и затхлым страхом. Вспомнились ледяная струйка, комариный писк в голове. Сейчас, сидя на кровати, она чувствовала себя прекрасно. Нормально. Зажав переносицу, она с силой провела от нее большим и указательным пальцами к скулам.

Вода. Жажда нахлынула внезапно; никогда прежде ей не хотелось так пить. Она опустила ноги на пол. Секунду постояла на месте, проверяя равновесие. Она все в той же футболке Алана и в стареньких спортивных штанах. Сняв грязную одежду, она завернулась в халат Льюиса – мягкое полотенце, пахнущее чистым бельем и его сандаловым мылом. Туго затянула пояс, для подстраховки.

Он, наверное, услышал скрип половиц.

– Ты уже встала, – просунулась в дверь его голова. – Воды?

Голова исчезла, и послышался шум текущей из крана воды. Она прошла в кухню, взяла у Льюиса стакан и залпом выпила его.

– Спасибо, что дал поспать.

– Еще бы! Ты была как зомби.

– Мне нужно принять ванну. Душ. И то, и другое.

– Хорошо, только сначала расскажи, что произошло. Где ты была?

Она моргнула. Солнце уже нагрело кухню; кошка, подобрав лапы, устроилась на столе, в пятне солнечного света ее мех блестел, глаза прищурены. День, похоже, близился к вечеру.

– Сколько сейчас времени?

– Половина шестого. Ты проспала двенадцать часов. Кэсси…

Кэсси отодвинула стул, и кошка, широко раскрыв глаза, прижала уши. И тут она вспомнила: когда ее забирали, Пита была единственным живым существом в квартире.

– Куда ты уходил?

Льюис выглядел озадаченным:

– Я?

– Тебя здесь не было. Когда она пришла. Где-то часа в три ночи.

– Да, я выходил… но я же оставил записку? На рассвете захотелось пройтись, после того как… – Он покачал головой. – Ты все еще была в Игре. Но кто пришел, кто эта «она»?

– Из IMAGEN. Она забрала меня и отвезла туда.

С хмурым видом он слушал, прищурившись, то ли растерянно, то ли сосредоточенно, она не могла сказать точно. Когда у нее во рту снова пересохло и голос стал сиплым, он принес ей еще воды. Поставил на стол тосты, кружку чая, и она, проглотив еду, попросила еще. Рассказала ему об Освальде. О подключениях, о том, как они развивались, и о сделке, которую она заключила с IMAGEN. Рассказала, как обновили ее сеть, и что они вернутся за ней – она бросила взгляд на часы на микроволновке, – меньше, чем через двенадцать часов. Он терпеливо слушал ее сбивчивый рассказ, а она вспоминала то, о чем забыла рассказать, и возвращалась назад, чтобы заполнить пробелы. Но не все; некоторые пробелы она оставила незаполненными, ненамеренно. Больницу, закрытое отделение. Как ее возили туда. Ей даже в голову не пришло бы рассказывать об этом. Ни за что.

Наверное, она до сих пор пребывала в шоке. До этого она находилась за стеклянной стеной, подобной той, что в кабинете Освальда, а теперь стена разбилась вдребезги, и она почувствовала, как с нее содрали кожу. Каждое малейшее изменение мимики Льюиса сообщало ей, что происходит у него внутри. Вспомнилось, как они впервые встретились, как она посмотрела ему в глаза. Она видела его насквозь, до самого затылка, и узнала себя. И вот он сидит, откинувшись на спинку стула, напряженный и прямой, и слушает ее, сосредоточенно и молча. Слишком тихо слушает. Он не задает вопросы, которые должны роиться у него в голове. И она, похоже, знает почему.

Где-то между ней и Льюисом ее история превратилась из трагедии в триумф. Она пришла к такому выводу по тому, как он реагировал на ее рассказ. Со стороны все выглядело так, будто она исчезла и вернулась со всем, о чем он мечтал. Отыскала свой путь назад, в Игру Воображения. Перестала находиться вне закона. Давившие на нее угрозы исчезли. Ей удалось повернуть время вспять. Удалось изменить прошлое.

– Извини, – сказала она.

Он помотал головой:

– В смысле? За что?

– Потому что… я понимаю, ты хотел того, что получила я. И может быть, способ найдется… как только вернусь в компанию, я постараюсь уладить и твою проблему. Чтобы твой аккаунт восстановили.

Он встал.

– Приготовлю тебе ванну.

Слышно, как он прошел в ванную. Зажурчала льющаяся вода. Запахло розмарином и эвкалиптом, тяжелым и острым травяным ароматом. Льюис взбил пену. *«Сэм делала точно так же»,* – подумала она. Затем в мыслях возник образ матери, которая когда-то, давным-давно, сидела вот так же с закрытыми глазами, скрестив руки на груди. Кэсси стряхнула с себя это воспоминание.

Она прошла в спальню, достала из ящика тумбочки чистое белье, относительно чистые джинсы, которые были на ней вчера… Неужели это было только вчера?

– Можно взять твою футболку? – крикнула она Льюису.

– Да, секунду… – Он вошел в комнату и открыл шкаф.

– Эта села… эта слишком большая, но…

На полу, у кровати, мятое и сложенное в несколько раз, валялось соглашение с IMAGEN. Она подобрала документ и, прихватив вместе с одеждой, унесла в ванную.

А теперь в воду и под воду. Жар на коже, тяжесть воды… Когда она вынырнула, то почувствовала себя очищенной, кожу щекотали пузырьки пены, лопаясь. Как щекотал тот холод, что просочился внутрь головы… Под воду и снова вверх. От горячего пара сознание начало проясняться. Туман, обволакивавший мысли, рассеялся.

Кэсси села, дотянулась до полотенца и вытерла руки, потом, перегнувшись через край ванны, взяла бумаги.

Текст, плотно усеянный юридическими терминами, все еще с трудом поддавался пониманию, но потихоньку она добралась до конца. Один пункт привлек ее внимание, и она нахмурилась. Его суть заключалась в том, что, если IMAGEN уличит ее в нарушении хотя бы одного стандартного условия найма, все соглашение будет аннулировано. Ничтожность соглашения для обеих сторон: но

поскольку компания выполнила свою часть сделки, значит, этот пункт направлен только против Кэсси.

Когда они придут за ней, она обязательно спросит об этом. По пути к клинике. С этой мыслью она бросила бумаги на пол ванной и снова погрузилась под воду. Задержав дыхание, она прислушивалась, как уши медленно заполнялись глубоко проникающими звуками воды и пульсирующей крови. Если получится обезопасить не-Алана от этого ночного ужаса… Задыхаясь, она вынырнула на поверхность.

Как пройдет ее возвращение на прежнюю работу? Надо будет обновить гардероб: у нее же нет ничего подходящего. Она уже давно продала всю хорошую одежду. И нужно подстричься. Она протянула руку за шампунем, потом принялась оттирать пот, жир, засохшие пятна рвоты. И когда она вернется за свой стол, что будет дальше? Им придется пересмотреть стратегию с учетом изменившегося ландшафта. Переоценить критерии удовлетворенности пользователей. Пересмотреть цели, связанные с расширением рынка. Конечно, потребуется некоторое время, чтобы войти в курс дела; и нагрузка будет серьезной, но так даже лучше. Будет чем заняться. И не останется времени на раздумья об Алане.

Вытащив пробку, она встала в ванне под душ, ополоснула волосы, пока вода убегала из-под ног. Похоже, теперь ясно, что произошло с Аланом, у нее были все факты. В тот день, в клинике, когда она в последний раз навещала его, их сети нашли друг друга. Они подключились друг к другу через приемники, или его приемник уже был удален, но его достаточно развитая сеть, обнаружив ее, смогла дотянуться… Все необходимые условия – в наличии. Время: ее сеть развивала свою способность подключаться, а сеть Алана уже активна. Сон: поскольку во время ее визита он пришел в слишком сильное возбуждение и стал бросаться на стены, она оставила его нежным заботам санитара с иглой, и успокоительное подействовало примерно тогда же, когда она надела приемник и погрузилась в собственные фантазии. Расстояние: скамейка под окнами его палаты. Между ними стена, но они всего в нескольких метрах друг от друга.

Ванная была убежищем, полным запахов и горячего пара, но она не могла оставаться здесь вечно. Вытерев запотевшее зеркало, она посмотрела на отражение. Вымытая и в чистой одежде, она больше была похожа на себя, по крайней мере внешне.

В гостиной Льюис уже устроился на диване, и она села рядом. Он улыбался как-то слишком старательно и неискренне, и она почувствовала, что отвечает ему тем же. Он делал все возможное, чтобы ей было приятно, и она тоже притворялась. Да, притворялась, потому что он не Алан.

До их прихода осталось двенадцать часов. Она распространит обновление, и подключения станут невозможными, и ее Алан исчезнет навсегда. Если бы женщина не забрала приемник, можно было бы провести эту ночь в Игре Воображения. Встретилась бы с Аланом у водопада в последний раз. Даже без приемника… можно автобусом добраться до «Рафаэль-Хауса», устроиться под окнами запертой палаты Алана. И попытаться заснуть, с верой, что их сети найдут друг друга. Хотя, если уснуть так близко к другим пациентам, значит, снова подвергнуться немыслимому кошмару, который она пережила на заднем сиденье машины. При этой мысли ее разум побледнел от панического страха. Невозможно.

Подобрав под себя ноги, она свернулась калачиком, переполненная желанием запечатать в себе воспоминания об Алане. В эти оставшиеся часы самое важное – прожить заново их последнюю ночь вместе, запомнить ее так ясно, так глубоко, чтобы запереть внутри себя эту выстроенную нерушимую нейронную цепь. Как блестят его волосы, когда она открывает глаза. Каково его тело, упругое и горячее, когда она прикасается к нему рукой. Плечо, грудь, ребра, бедра. Как звучит его голос, – первое, с чего, пожалуй, стоит начать… Даже сейчас, всего несколько часов спустя, ей требовалось приложить усилие, чтобы вспомнить его интонации… И когда Льюис заговорил низким и хриплым голосом, ей захотелось дать ему пощечину:

– Извини, что меня не было рядом, когда они пришли за тобой.

Она снова заставила себя улыбнуться:

– Ничего. Все в порядке. Ну, что ты мог сделать?

Его челюсти уже не так плотно сжаты, а без этого лицо казалось не таким напряженным. Темнота его глаз, скапливаясь в глазницах, будто переливалась через край, призрачными слезами. Несомненно, у них много общего: он тоже потерял возлюбленную, нашел ее и потерял, а теперь снова нашел и снова потерял. И скорее всего, даже если удастся раздобыть другой пиратский приемник, ему небезопасно

возвращаться в Игру. Раз IMAGEN знала о Кэсси, о нем они тоже наверняка знали.

Она ласково склонилась к его плечу. И он сел так, чтобы ей было удобно. Они словно зеркальные отражения друг друга – слегка потрескавшиеся, немного кривые, но довольно похожие, чтобы, по крайней мере, быть добрыми.

Через некоторое время она встала с дивана, взяла сумку, достала папиросную бумагу и табак. От ее мокрых волос на плече Льюиса остался влажный темный круг. Почувствовав ее руку, планшет зажужжал, сообщая, что есть новые уведомления. Два сообщения… три… все от Никола. Точно! Она же пропустила встречу не только с Николом, но и с клиентом! Да какая теперь разница?..

Когда Кэсси хотела вернуться на диван, то обнаружила, что на нагретом месте устроилась Пита. Тогда, присев на подлокотник, она принялась сворачивать папироску. Положила на бумагу щедрую полоску табака, размышляя о том, что скоро у нее появятся деньги, сжала и скатала папиросу… замерла, всего лишь на секунду, когда ее с головы до пят обдало жаром… а затем продолжила, осторожно, расправляя бумагу… поднесла ко рту и облизнула край… запечатала и выпрямила папиросу. Потом она надела кроссовки. И перекинула сумку через плечо.

– Если хочешь, можешь покурить в окно, – предложил Льюис.

– Все в порядке. – Она похлопала по сумке. – У меня есть ключи, и тебе не придется открывать мне дверь.

Спустившись по лестнице, она закурила с трясущимися руками, стоя в дверях.

Она не упоминала Лахлана. Не специально, не устраивала проверку. Просто он был не важен. Всем заправляла именно та женщина, так Кэсси и рассказала эту историю. В голове снова звучали ее собственные слова: *«Когда она пришла… Она отвела меня туда…»*

Так почему же Льюис так странно извинился? *«Меня не было рядом, когда они пришли за тобой».*

Не она. *Они*.

Обмолвка. Предположение, что любой женщине для поддержки нужен мужчина. Возможно.

Затушив окурок, она повернулась, собираясь пойти обратно в квартиру. И в нерешительности остановилась у нижней ступеньки

лестницы.

А если нет?

Она медленно развернулась. Постояла, пристально глядя в никуда и ничего не видя.

Щелчок дверного замка словно пронзил ее насквозь. Стоя у двери, Льюис окликнул ее по имени.

Она подняла голову. Оттуда, где он стоял, ее не было видно. Бесшумно ступая по бетонному полу, она отступила к кладовке под лестницей, надеясь, что там не заперто.

– Кэсси? Ты где?

Послышались шаги Льюиса вниз по лестнице – легкие и немного шаркающие. Приоткрыв дверцу кладовки, она пригнулась и шагнула внутрь, вжавшись в кучу всякой всячины – швабр и ведер, велосипедов и коробок, обломков мебели. Закрыла за собой дверь и застыла, едва дыша, боясь пошевелиться, чтобы лавина хлама не хлынула на площадку.

Щелкнул замок: Льюис открыл входную дверь. И снова закрыл ее. Потом наступила тишина. Что же она делает! Спряталась в шкафу от единственного человека, который находился на ее стороне, заботился о ней, понимал, что происходило на самом деле? И всего лишь из-за какой-то обмолвки? И теперь, если она просто выйдет из этого пахнущего сыростью шкафа, как она объяснит свое появление? Придется ждать, пока он не поднимется наверх или не выйдет на улицу, разыскивая ее.

Снаружи по-прежнему не доносилось ни звука. И она догадалась, что он звонит ей, не мог не позвонить. Там, где он стоял, наверняка будет слышно жужжание ее планшета. Пальцы вдруг резко стали неуклюжими, когда она пыталась открыть сумку и достать планшет. Как только экран засветился, она вырубила его.

– Привет, это я, – услышала она голос Льюиса, оставлявшего голосовое сообщение. – Куда ты ушла? Пожалуйста, не исчезай опять. Гм. Ты ушла домой, что ли? Позвони мне, ладно?

Она слушала, как он бежал вверх по лестнице, и ждала, когда за ним закроется дверь квартиры. Но вместо этого он сразу спустился обратно. На этот раз было слышно, как, позвякивая цепью, по бетонным ступенькам подпрыгивал его велосипед. Входная дверь открылась. И снова закрылась.

Заставив себя сосчитать до пяти, Кэсси высунула голову: на лестничной клетке никого не было. Она подбежала к входной двери, выскочила на улицу и как раз вовремя, чтобы увидеть, что Льюис поворачивал в ее конце, мигая красным задним фонарем.

Глава тридцать вторая

Льюис сильнее ее, гораздо сильнее, и при этом он ездил в шлеме и в шортах со светоотражающими полосками и боялся купаться в озере. На своем стареньком велосипеде Кэсси крутила педали без передышки. Проносилась на красный свет, срезала углы, запрыгивала на тротуары, вырывалась вперед, обгоняя автобусы и грузовики. Представьте лицо Освальда, если бы он увидел, как сильно она, носитель его драгоценного обновления, рисковала, с ее ничем не защищенной головой. Ноги, легкие, лицо горели, пока она старалась не отстать от Льюиса, с выключенными огнями, в сумерках, сквозь начавшийся дождь, достаточно далеко позади, чтобы он не увидел ее, когда будет, по обыкновению, оглядываться, проверяя, что делается на дороге за ним. Все как в рекламе безопасной езды на велосипеде: вспышка, вспышка, проверка, сигнал. Тяжело дыша, она сплюнула в сточную канаву.

Он свернул на набережную, и она догадалась, куда он направлялся. Она осталась на дороге, – так быстрее и прямее, – но не сбавила темп, продолжая подниматься в гору со всей силой, со всей выносливостью, на какую была способна. Последний подъем дался особенно трудно. К его вершине она вся взмокла от пота и радовалась, как награде, прохладному ветерку, когда, преодолев последний отрезок пути, свернула в свой квартал. Она уже решила, где лучше спрятаться. Навес, под которым стояли мусорные баки, скроет ее велосипед, а у нее будет хороший обзор.

Долго ждать не пришлось. Льюис появился буквально через несколько минут. Он методично пристегнул велосипед и выключил фары. Она наблюдала, сжав кулаки; смотрела, как он прошел прямо к ее подъезду и нажал кнопку звонка. Снова нажал. Затем, с планшетом в руке, отошел назад, пока не оказался в нескольких метрах от ее укрытия. Он не сводил глаз с ее окна.

Он знал, на какую улицу ехать. В какую квартиру звонить. На какое неосвещенное окно смотреть. Он все это знал, хотя она никогда не говорила ему, где живет. Никогда не приглашала к себе. Земля под

ней качнулась, и она оперлась рукой о деревянную стену своего убежища.

Планшет засветился в беззвучном режиме, и на экране появилось его лицо. На этот раз он не оставил сообщения. Постояв в нерешительности и по-прежнему глядя на ее окно, он сделал другой звонок.

Она не слышала, что он говорил, но, похоже, у него назревали неприятности. Он стоял, запустив руку в волосы, наклонившись над экраном, затем поспешно отстранился. *«Она исчезла,* – представляла Кэсси. – *Я в этом не виноват»*. Что они ему прикажут? Выследить ее? Идти домой и ждать? Оставаться там, где находился?

По коже холодными струйками стекал пот. Она дрожала в его чистой футболке. Хотелось сорвать ее, растоптать и плюнуть на нее, запихнуть в мусорный бак. Но, пока он рядом, ей не пройти в свою комнату, чтобы переодеться. Неужели он останется здесь на всю ночь, будет следить за ее подъездом, вынудив ее спать за мусорными баками? Пока она наблюдала за ним, дверь подъезда распахнулась, и вышел ее сосед Райан. Льюис поймал не успевшую закрыться дверь и исчез в подъезде. *«Останови его»,* – мысленно приказала она, и на секунду ей показалось, что Райан услышал ее. Обернувшись, он посмотрел вслед Льюису и, позволив двери закрыться, пошел дальше.

Кэсси осторожно переместилась в своем убежище, чтобы лучше видеть окно. Если Льюис собрался проверить ее комнату, ему придется взломать замок, потому что, разумеется, она никогда не давала ему ключи. В комнате почти сразу загорелся свет. Она смотрела и не верила глазам, когда он ходил мимо окна туда и обратно. У него были ключи. Наверное, сделал дубликат. В подъезд он попасть не мог, так как не знал код, но вот входить в ее комнату и выходить из нее, он мог сколько угодно и когда ему вздумается. Бывал ли он там раньше? Когда она уходила на работу? Как долго он вел расследование, тайком следил за ней?

Там ему нечего искать. Нет ничего важного. Только ящик в комоде с футболками и коробка с вещами Алана: это все, что у нее есть личного, и ничто из этого не будет иметь значения ни для кого, кроме нее. Она представила, как Льюис читал названия композиций на компакт-дисках, которые еще десять лет назад перешли в разряд ретро. Открывал чемоданы, читал записки, в которых не было ничего

важного, но которые остались единственным доказательством того, что когда-то Алан писал ей. Как он думал о ней. Узнав, кто она такая. Она представила, как пальцы Льюиса бегло ворошили ее вещи, и ее чуть не вырвало.

Через пару минут свет погас. Через тридцать секунд открылась дверь подъезда. Льюис отстегнул велосипед. Проехал к ней и мимо нее. Мир у ее ног разлетелся вдребезги.

Глава тридцать третья

Когда Алан выпрыгнул из окна своей спальни, он понял, что может летать.

Безумие было всего лишь ошибочным представлением о том, что реально.

Она совершила ошибку, большую ошибку, с Льюисом.

От теплого чистого запаха его футболки у нее перехватило дыхание. Как давно? Когда IMAGEN добралась до него? Может, только прошлой ночью, когда она проснулась, а его не было рядом? Именно так ей хотелось думать. Тогда получалось бы, что он играл свою роль меньше суток.

Но это не так.

Она вспомнила, что женщина прошла прямо в спальню Льюиса и меньше, чем через минуту, вернулась уже с приемниками в руке. Как быстро Льюис достал их… сделал вид, что достал. Ну конечно же! И не нужна пиратская биопрограмма! Если он работал на них.

С самого начала? Неужели он действительно записался в группу Джейка – ходил на собрания неделя за неделей – и просто ждал, когда она вернется? Она вспомнила, как на том собрании он поднес руку к уху… трепет, который она почувствовала, узнав этот жест. А она-то считала себя такой умной! Вспомнила, как подала ему ответный сигнал, на что он наверняка и рассчитывал. Как он болтался потом у входа, дожидаясь ее, чтобы уйти вместе. Как пригласил к себе. Хотя нет, этот шаг она сделала сама. Никто не виноват, кроме нее самой, что она болтала, слушала, открывалась, и все кончилось тем, что она оказалась в постели предателя.

Он обнимал ее, лежа сзади, так близко и так доверительно. Он проник в ее мысли, в ее сны. А через него в нее проникла и IMAGEN. И теперь IMAGEN внутри нее.

Она обхватила голову. В ушах громко пульсировала кровь, и ей не удавалось сосредоточиться, чтобы все обдумать, из-за крови, из-за холода внутри черепа. С Освальдом она тоже ошиблась. Нельзя доверять бумагам, которые она подписала. Нельзя доверять препарату, который ей ввели. Биомолекулам, которые теперь по-хозяйски

используют ее тело, ее мозг. Жужжат по-деловому под кожей ее головы, предварительно загруженные определенными задачами, командами, программами. Глубоко внутри нее они готовились к работе.

На планшете, который она все еще держала в руке, высветился вопросительный знак. Льюис пытался дозвониться с другого устройства. Или Освальд… или та женщина.

Сколько она просидела, скорчившись, за баками? Уже совсем стемнело. И она очень замерзла, а когда немного потеряла равновесие, рука наткнулась на разбитую бутылку. Поэтому, подняв окоченевшую пульсирующую руку, она увидела ее в крови.

Ладно. Она наделала много ошибок. Главное, теперь постараться не делать их дальше.

Она вытерла ладонь о футболку Льюиса, оставляя кровавые разводы. В глубине души ей хотелось догнать его, встретиться с ним лицом к лицу, заставить рассказать ей все. Зачем он шпионил за ней? Кому и что докладывал? Что ему пообещали в качестве платы за его грязную работу? Такую же взятку, как и ей: работу и доступ в Игру Воображения? Но, если она хочет бросить ему вызов, надо оставаться хладнокровной и сосредоточенной, а сейчас у нее совсем не то состояние. Будто проглотила ту разбитую бутылку. Будто порезала руку, а боль от раны кромсала ее на части в груди. И вдруг она задала бы неправильные вопросы: не почему, а как? Как ты мог так поступить? Ведь предполагалось, что мы на одной стороне. Что у нас много общего. Она почувствовала, как подступили горячие слезы. И в ужасе проглотила их обратно.

Оставаться *хладнокровной* и *сосредоточенной*. Она поднялась на затекшие ноги, опираясь рукой о мокрое дерево навеса. Внимательный взгляд на окно своей комнаты. Если Льюис звонил Освальду или любому другому своему контакту в IMAGEN, значит, ее уже ищут. На данный момент они знали, что именно здесь ее нет, но как долго это продлится? Надо успеть переодеться, взять куртку… Чем дольше она медлила, тем больше рисковала. Откинув с лица мокрые волосы, она отряхнула руки и побежала по утонувшему в лужах бетону к подъезду. Вверх по лестнице, в свою комнату, не раздумывая о том, что Льюис рылся в ее вещах, разгребая их своими шпионскими пальцами. Переоделась, не включая свет. Джинсы, футболка, джемпер… Сухие

носки отправились обратно в мокрые кроссовки – ее единственную пару. Схватив куртку с капюшоном, она сунула в карман шапку. Подумала не брать с собой планшет – на случай, если они захотят выследить ее. Но если они найдут его здесь, то смогут просмотреть ее звонки, сообщения, все, что ей так дорого… Кроме того, перспектива остаться без планшета слишком пугала. И Кэсси просто выключила его.

Что ни делается, все к лучшему. Она заперла за собой дверь и ушла.

Глава тридцать четвертая

На велосипеде она отправилась на юго-восток города, не в какое-то конкретное место, просто поехала в направлении, подальше от своего обычного маршрута. Под дождем, стучащим по капюшону, опустив голову, она мысленно перебирала список тех, кто мог бы приютить ее на ночь. И, добравшись до его конца, почувствовала пустоту: в общем-то, никого у нее нет. Мэг… Семья – такое место, куда тебя просто обязаны пустить на ночлег, но вероятность, что сестра поможет, стремилась к нулю. Никол. Если бы она появилась на пороге его дома, он, возможно, позволил бы ей устроиться на диване, хотя она не уверена, что знает, где находится этот порог. К тому же совсем не хотелось впутывать Никола и выводить на него IMAGEN. И Харри… Нет, это не Харри сообщила о ней в IMAGEN. Теперь она знала это наверняка. Она представила, как Харри широко распахнет дверь, проведет ее на кухню, усадит за стол и поставит между ними чайник с чаем. Как будет слушать рассказ о Льюисе, о его предательстве. Но после ее прошлого визита вряд ли Харри обрадуется ее ночному появлению. Лучше вообще не просить о помощи, чем вынудить Харри отказать.

Хотя она и не направлялась в какое-то конкретное место, она вдруг заметила, что прибавила скорость, – крутила педали, рассекая лужи, гонимая в той же степени негодованием, что и настойчивостью. Негодованием на Льюиса, но еще больше она злилась на себя. Она продолжала попытки представить его лицо, вспомнить голос. Хотя поздно уже совершать какой-то хороший поступок, она все равно чувствовала невероятную потребность уловить перемену в выражении его лица, неуверенность в его речи, уличающие его во лжи. Вместо этого она все вспоминала и вспоминала их первую размолвку, когда он старался убедить ее вернуться назад, в Игру Воображения, через переговоры или шантаж IMAGEN. *«Им придется пустить нас обратно»*. Она слышала, как исказился его голос, видела тоску, затемнившую его взгляд, такую яростную, что ей стало страшно. О чем бы еще он не солгал, но зависимость от Игры Воображения у него была самая настоящая. Она бы поспорила на что угодно.

Кэсси смахнула с глаз капли дождя и объехала колдобину на асфальте. Не хотелось думать о том, что у них с Льюисом общего. За короткий промежуток времени она привыкла полагаться на него. Глупо, да, очень глупо. До встречи с ним она смирилась со своим одиночеством. И потом, когда есть друг… Жизнь становилась лучше, терпимее. Она позволила себе расслабиться, почувствовать себя в безопасности. Даже немного развлечься. Оказывается, все это время она жила сама по себе и даже не замечала этого. А теперь… теперь, вот прямо сейчас, она отказывалась даже думать обо всем этом. Теперь ей нужно сосредоточиться на том, что произойдет дальше. С наступлением поздней ночи дороги опустеют, и она станет заметной для всех, кто ищет ее. На следующем перекрестке она свернула в сторону центра города, стараясь затеряться в толпе. Но даже здесь, в центре, где она делила дорогу с припозднившимися автобусами и такси, она чувствовала себя слишком заметной. Группки подвыпивших людей окликали ее, когда она проезжала мимо. «Она пойдет со мной», – выкрикнул один пьяный мужик, метнувшись в ее сторону, и она резко свернула, успев набрать скорость, прежде чем ее ритм замедлился, дрогнул. В относительной безопасности улицы, вдоль которой вытянулся ряд пабов, с постоянными посетителями, переходящими из одного пивного бара в другой, она остановилась на углу тесного переулка и спряталась в его темной пасти. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой уставшей.

Она уронила голову на руки. Из водостока наверху, с шумом водопада, текла дождевая река.

«Вот».

Голос, совсем близко. Слишком близко. Кэсси резко вскинула голову, готовая вскочить на ноги и броситься бежать. Но голос прозвучал тихо и спокойно, и говорившая женщина, присев на корточки, протянула ей что-то в руке. Банкноту.

– На ночлег, – сказала она.

– Нет, нет…

Я не бездомная. Именно так Кэсси и собиралась сказать, но, пожалуй, теперь это уже неправда. Да и какое это имело значение? Она не рискнула бы обратиться за койкой в ночлежку, но наступит время, и ей надо будет поесть, а кошелек почти пуст. Она протянула руку и взяла деньги. Двадцать фунтов.

– Спасибо. – Ее голос слегка дрогнул на последнем слоге.

– Ладно, береги себя. – Женщина выпрямилась и, коротко кивнув, продолжила свой путь, будто сделала всего лишь пустяковое дело.

Кэсси постаралась сосредоточиться на банкноте, скользкой в мокрых пальцах. Ей ничего не удавалось удержать в себе, никакой правды. Что настоящее? Что реальное? Начнем с дождя, вот он стучал по ее капюшону, оставлял лужи в неровностях земли, и ее кроссовки уже насквозь промокли. Но если этот дождь настоящий, как насчет того дождя в Игре Воображения, который обрушился на них с Аланом, на листья над их головами? Она слышала его тогда, видела… и если тот дождь, барабанивший по листьям, *не* настоящий, то с какой стати она должна доверять влаге, струйками стекающей по ее шее прямо сейчас? Как только она создавала категорию под названием «Реальное» и помещала что-то в нее, очертания расплывались, становились проницаемыми. Не за что зацепиться, и слишком многого она еще не понимала.

Подумаем: чему она *может* доверять? Если бы выбор, который она считала своим, принадлежал ей с самого начала. Спит с Льюисом. Играет в детектива с профессором Морган. Возвращается в Игру Воображения. Игнорирует советы Джейка, отказывается от своей семьи, от всякой надежды на примирение. Можно ли во всем этом обвинить IMAGEN? В каждом шаге, который она совершила?

Ее связь с этим миром ослабла, и теперь у нее не получалось разобраться в нем самостоятельно. Сунув руку в карман, Кэсси проверила, что банкнота на месте. Доказательство того, что незнакомка видела ее беду и сделала ей доброе дело.

Некоторые люди так и сделают для тебя. Но как они узнают, что нужна помощь, если не сказать им об этом? Пришло время просить о помощи.

Глава тридцать пятая

Увидев на экране лицо Кэсси, Никол покачал головой. Ждал, что она свяжется с ним, а потом перестал ждать. Он перевернул планшет экраном вниз и вернулся к коду, над которым работал.

– Слишком поздно, подруга, – пробормотал он себе под нос.

Во второй раз она позвонила как раз в тот момент, когда Джо просунула голову в дверь.

– Не собираешься отвечать? – поинтересовалась она.

– Это Кэсси.

– А, ну, тогда понятно. Хочешь пива?

– Да. Пиво было бы круто, спасибо.

Честно говоря, с первой встречи с Кэсси он должен был понять, что она ненадежный человек. И на самом деле, он понимал это. Уже давно сработала сигнализация: держись подальше. Всегда можно определить, все ли у человека в порядке с головой. По глазам или еще как-нибудь. Но ее объявление интриговало: *успешный малый бизнес… расширение нашего академического сервиса… возможности для высококвалифицированных претендентов в следующих областях…* А ему нужны были деньги. И потом, нравилась она ему. Забавная, даже если и не хотела такой быть, как казалось со стороны. Несобранная, но изо всех сил старалась быть эффективной и заботилась о продукте. Возможно, ее бизнес и являлся мошенничеством в сфере образования, но вела она его честно. Можно даже сказать, что она честно жульничала. И еще она невероятно упрямая, а это качество ему всегда нравилось в женщинах.

Он полагал, что она оставит сообщение, учитывая, что уже дважды удосужилась позвонить ему. Но нет, ничего такого. Проверил еще раз, просто чтобы убедиться.

И теперь ее пропущенные звонки раздражали его. Для Кэсси несвойственно звонить, обычно она отправляла сообщения. Может, что-то серьезное случилось… Но она не могла ожидать, что ему будет наплевать, если для нее это так важно… плюс целиком ее вина, что он так просрочил этот проект.

Ничего, если действительно что-то важное, перезвонит. Когда Джо вернулась с пивом, он схватил ее за руку, притянул к себе и быстро поцеловал.

– Спасибо, моя дорогая.

– Рада помочь, – сказала она и ушла.

Здорово, конечно, он-то делал для нее то же самое, все эти годы, пока она занималась волонтерством, а затем училась. Вечером всегда был заварен свежий чай, если ей приходилось работать допоздна. Горячая ванна после бесконечного тяжелого дня, каких было слишком много.

Когда Кэсси позвонила в третий раз, он как раз с головой погрузился в хитросплетения кода, в самую его гущу… Помедлив, буквально на последнем гудке, не отрывая взгляд от мониторов, он принял звонок:

– Слушаю?

Из динамика доносился шум улицы, и кто-то молчал. Молчаливое соединение.

Он посмотрел на экран. Точно Кэсси.

– Кэсси? Ты слышишь меня?

– Слушай, – сказала она, будто он уже не слушал. Она говорила тихо. И спешно. – Мне очень нужна помощь. Ситуация запредельная. И нет ни одной причины, почему ты должен помочь, и сейчас у тебя есть отличный шанс повесить трубку.

Теперь настала его очередь молчать. Откинувшись на спинку стула, все еще сидя перед мониторами, он глядел на программу, над которой работал. Ту самую программу, которую он доводил до ума во сколько? В одиннадцать вечера? Потому что безнадежно отстал из-за заданий летней школы. Он закончил выполнять их только на этой неделе, и ему не заплатят за них, потому что Кэсси отшила его без единого слова, не ответив ни на одно его сообщение и не оставив ему возможности связаться с клиентом, который теперь, по-видимому, уже не успеет вовремя сдать задание. Что за жизнь, блин! И вот теперь она играла в шпионов, так основательно играла, будто от этой игры зависела ее жизнь. В последнее время она, правда, была словно не в себе. И сейчас дала ему выбор отказаться… будто все остальное дерьмо, с которым он ей помогал, – мухлеж с системой безопасности универа, или безлимитные распечатки, или настройка их платежной

системы таким образом, чтобы платежи нельзя было отследить, – будто все это совсем не было запредельным.

С другой стороны, она много трудилась над своим бизнесом. Находила клиентов. И именно она предложила ему делить доход пятьдесят на пятьдесят. И круассан в качестве бонуса.

Просто ему не хотелось быть идиотом. И соглашаться слишком быстро.

Через пять минут он уже надевал куртку, проверяя карманы на предмет бумажника и ключей.

Джо застыла в дверях гостиной, удивленно вскинув брови:

– Не поздновато для прогулки? Ты куда собрался?

– Кэсси нужно немного помочь.

– Ну да, конечно. А кто-то говорил, что завязал со всеми этими делами?

Никол пожал плечами:

– Я помню… но она вежливо попросила. Или что-то в этом роде.

Джо взяла со столика в прихожей поводок и пластиковые пакеты. Из гостиной донесся шум, и через несколько секунд появилась Принцесса Лея, высунув от нетерпения язык и размахивая хвостом.

– Смотри, ты сам принял это решение, – заметила Джо. – Возьми с собой собаку. Избавь меня хотя бы от прогулки с ней.

Глава тридцать шестая

Кэсси назначила ему встречу в их обычном месте, но как только увидела, что он направляется к ней, вскочила со скамьи, намереваясь увести его.

– Я же сказала, чтобы ты приходил один, – невозмутимо заметила она. Собака Никола обнюхала ее кроссовки, разрезая хвостом, как стеклоочистителем, струйки дождя. – Не знала, что ты собачник.

Взглянув на нее сверху вниз, Никол потянул за поводок.

– Не беспокойся. Лея – воспитанная девочка.

На секунду Кэсси опустила руку, чтобы Лея, понюхав, запомнила ее запах.

– Отличный повод прогуляться.

Оглядев украдкой пустую площадь, она повела их к центру ночного города. Дождь утих, и за пределами университетского квартала, когда они свернули на боковую улицу, ведущую к пабам и клубам, она позволила себе немного расслабиться. Среди небольших групп последних посетителей, куривших перед закрытием на тротуаре, они были в относительной безопасности.

– Ладно, давай, Бонд, выкладывай, что там у тебя. Что случилось?

Кэсси начала говорить. Замолчала. И тяжело вздохнула:

– Проблема в том, что я могу говорить всю ночь, и, по-моему, ты не поверишь и малой толике моего рассказа.

Никол пожал плечами:

– Есть только один способ проверить, а?

– Честно. Мне надо так много рассказать тебе, что даже не знаю, с чего начать. И я расскажу тебе все, что смогу, и так быстро, как только смогу, и… просто прошу: поверь мне на слово.

– Ну, тогда начинай.

– На днях, возле здания Ньюмена… помнишь, я еще в легком шоке была после выставки…

– Ты про Игру Воображения?

– Ты же по-настоящему ненавидишь их, да?

– Дело не в ненависти. Все так, как я сказал: не одобряю.

– Ладно, хорошо… Каюсь, я раньше работала на них.

– На IMAGEN? Ты создавала Игру Воображения?

– Какое-то время я уже не работаю там. Все закончилось не очень хорошо, я… Впрочем, неважно, по крайней мере, с моей точки зрения.

Они шли гуськом, обходя завладевшую тротуаром смеющуюся, галдящую толпу студентов с раскрасневшимися от выпитого лицами. Лея тихонько хрипло ворчала – не то рычала, не то скулила. Миновав толпу, Кэсси, понизив голос, продолжила свое объяснение:

– Важно, что, когда они тестировали технологию, пытаясь разработать различные приложения, я больше чем уверена, они проводили испытания на людях без их согласия. Или на тех, кто не мог дать согласие должным образом, с юридической точки зрения. Для них такие подопытные – расходный материал. – Кэсси мельком взглянула на Никола. С потемневшим от сосредоточенности лицом, он смотрел прямо перед собой. – И получалось, что, если с испытаниями что-то не так, им ничего за это не будет. Потому что их подопытным никто не поверит. И все пошло не так… и до сих пор все еще идет. И среди этих подопытных оказался… один мой друг.

Они проходили мимо скопления пабов с лицензией на работу в ночное время. Как туго ни было бы с деньгами, люди всегда умудрялись найти их на выпивку. Закрытые двери и запотевшие окна запечатывали шум и свет внутри. Снаружи, совсем рядом, спрятавшись в тени арки, распивала целая компания, только банки поблескивали в тусклом свете уличных фонарей. Иногда она всматривалась в лица, пытаясь найти знакомых. Женщин или мужчин, которых знала по группе. Поддайся искушению, и самое худшее, что с тобой может случиться, – ты растратишь свою жизнь впустую в какой-нибудь сточной канаве. Поддайся искушению, и самое худшее, что с тобой может случиться, – тебе введут экспериментальный препарат, который заморозит твой череп изнутри и изменит мозг. Ей хотелось рассказать о препарате, который ей ввели, Николу. Но он не имел отношения к делу. Поэтому не сейчас.

– Просто, чтоб ты знала, – произнес он, – у меня уже миллион вопросов.

– И ты до сих пор не задал ни одного, что я уже оценила, спасибо. Так вот, дело в том, – и это очень важно, – я могу помочь ему. Моему другу. И остальным тоже, сколько бы их ни было. Это то, о чем меня вежливо попросили люди из IMAGEN. – Она представила, как в голове

Никола промелькнуло еще двадцать вопросов. – Так можно всё исправить, и я согласилась, сказала, что сделаю это… А теперь я не уверена, можно ли им доверять. Насколько они солгали. Понимаешь, вообще-то я знаю, им *нельзя* доверять, но в этом случае… – Она на мгновение погрузилась в мысли. Одна мысль – дикая, но рассчитанная на дальнюю перспективу, – обретала форму, пока она говорила. – Есть вероятность, что наши интересы совпадают, мои и IMAGEN. И если я сделаю, как они хотят, от этого выиграют все. Но я должна быть уверена. Мне нужна информация. И вот тут мне нужна твоя помощь.

Они стояли на перекрестке, ожидая зеленый свет. Фары освещали мокрые улицы, цвета размазывались по темному асфальту, мокрому небу. Дверь одного из пабов распахнулась и выпустила пару, держащуюся за руки. Вместе с дразнящей музыкой и шумными голосами, порывом теплого, пахнущего пивом воздуха. Пара прошла между ними, будто ни ее, ни Никола не было, будто они всего лишь призраки, выгуливающие свою призрачную собаку. Именно этого ей и хотелось: скользить, как тень, сквозь свет и краски, сквозь внезапные короткие всплески разговоров, эмоций и смеха. Затеряться в толпе? Нет, так от IMAGEN не укрыться, но больше пока ничего не придумывалось. Дерево в лесу.

– Ладно, давай выкладывай, что там у тебя.

– Сначала трудное. Система IMAGEN. Их компьютерная сеть, их сервер. Как, по-твоему, сможешь взломать его?

– Можно попробовать. – Ответ Никола прозвучал небрежно, словно он соглашался поменять лампочку.

– Нужная мне информация серьезно защищена.

– Отлично, нам повезло, что я профи в своем деле.

Его ответ был похож на «да», но она хотела знать наверняка, что он понимает, во что ввязывается.

– Никол, хочу предупредить: если дело пойдет наперекосяк и им удастся выследить тебя, они не позволят тебе уйти безнаказанным.

Он остановился и повернулся к ней лицом. Хвост Леи мягко скользнул по ее ноге.

– Слушай, подруга, я не новичок в скриптинге[22]. И знаю, как это работает. Если то, что ты ищешь, там, я найду эту информацию задолго до того, как они обнаружат мое присутствие. А если не

найду… Скажем так, я знаю людей. У меня есть связи. Люди, которые думают, как я. И они нам помогут.

Нам. Она моргнула, когда до нее снова дошло, как ей повезло, что он ответил на ее звонок.

– И еще одно… Наверное, для тебя это несложно. Мне нужен адрес. – Она назвала ему имя. Скорее всего, в какой-нибудь старой адресной книге.

Он понимающе кивнул:

– Заметано. И это вся твоя куча? Тогда я домой и сразу займусь ею.

Ее «спасибо» прозвучало грубее, чем ей хотелось бы. И, когда он отошел, она не помахала ему на прощание. Вместо этого Кэсси засунула руки в задние карманы джинсов, чтобы не смущать их обоих попыткой обнять его.

Глава тридцать седьмая

Кэсси поежилась, наблюдая, как исчезает в темноте Никол. Немного из-за холода, но в основном от накатившего одиночества.

Присутствие твердо стоящего на земле Никола, да еще и с Леей, заставило ее почувствовать себя почти нормально. Выбирая, что рассказать ему, она превратила свое смятение чувств в историю – причины, следствия, и ничего больше. Теперь ее мысли находились под контролем и было четкое представление о том, что ей нужно выяснить и как это сделать. Скоро Никол будет работать допоздна по ее поручению. Она представила, как, вернувшись домой, он усядется перед компьютером, разбудит экран и погрузится в его голубоватое сияние, а Лея устроится у него в ногах. А пока он будет копать по ее заданию, ей надо сделать кое-что самой.

Освальд лгал, когда расписывал, какой она ценный сотрудник, как сильно он хочет вернуть ее в компанию. При мысли об этом унижении ее чуть не вырвало. Она бы даже поверила ему, если бы ее единственная ценность на самом деле не оказалась случайностью: развитое состояние ее биомолекулярной сети, ее активная способность подключаться к другим пользователям, чьи сети находились на том же уровне развития. Во всех остальных отношениях она была обычным расходным материалом. Хотя вполне возможно, что в какие-то моменты Освальд все-таки говорил правду. Если обновление действительно предназначено для уничтожения способности подключаться к другим пользователям, не принимая во внимание остальное, то, выполняя свою часть соглашения, она все равно сделает для Алана все, что в ее силах. И вот сейчас ей нужно выяснить правду о том, что произойдет, когда и если она распространит обновление. В то же время какие бы процессы ни развивались внутри нее, она не могла контролировать их. И нельзя позволить им сводить ее с ума. Даже когда рука вдруг непроизвольно поднималась, чтобы потереть голову, она заставляла себя опустить руку.

Судя по часам на церкви, которая возвышалась над мокрыми крышами, сейчас четверть первого. Дожидаясь нужного времени, Кэсси шла пешком и вела велосипед рядом, выбирая улицы более-

менее наугад, но всегда стараясь держаться редеющей толпы. Меньше чем через час ее планшет зажужжал – пришло сообщение от Никола: адрес, который она просила найти.

Теперь на дорогах было тихо. Изредка проезжали автобусы, иногда такси. На протяжении всего пути светофоры оставались зелеными, пока она ехала, преодолевая ухабы и колдобины, огибая особенно большие лужи. Когда начались богатые внутренние пригороды, асфальт стал ровнее, и Кэсси могла уже не так внимательно следить за выбоинами, чтобы своевременно объезжать их, поэтому она позволила себе еще раз провернуть в уме свою дикую затею. Раз, по мнению IMAGEN, ее ценность – в способности подключаться к другим пользователям, значит, стоило заставить эту способность сослужить ей хорошую службу. К тому времени, когда она добралась до своей цели – широкой, обсаженной деревьями улицы, – у нее уже созрел примерный план, что делать дальше.

Дома в этом районе обозначались названиями, а не номерами. И располагались довольно далеко от дороги, прячась за деревьями и высокими живыми изгородями, обращая внутрь свои закрытые жалюзи окна-глаза. Когда живешь в таком районе, не требуется никаких усилий, чтобы остаться наедине с собой. Не то что в муравейнике ее квартала, где за тонкими перегородками стен многоквартирных домов сбились в кучу множество жизней, прижатых друг к другу. Здесь же, наоборот, надо приложить усилия для соединения своей жизни с чьей-то другой.

Подъездная дорожка, посыпанная гравием, перекрыта, но никакой охраны, только высокие кованые ворота, которые легко открылись, пропуская ее внутрь. Кэсси остановилась, намечая самый тихий путь к дому – через лужайку. Она уже собиралась сделать первые шаги, как внезапно оказалась в потоках света. Замерла, – казалось, свет лился отовсюду: от дома, травы, деревьев и дорожки, – и быстро отступила за ворота. Но жалюзи на окнах не поднялись, и дом не открыл глаза. Световая сигнализация сработала по какой-то внешней причине.

Лиса. Она увидела, как зверь неторопливо пробирался по лужайке, не обращая внимания на свет. Вот она застыла в траве, словно уловив в воздухе запах. Пот человека и адреналин. На секунду ее взгляд, пустой и дикий, скользнул по Кэсси. Зверь прямо искрился

энергией, словно его мех был наэлектризован. Кэсси не сводила с лисы глаз, пытаясь впитать этот заряд, эту смелость, переходящую в наглость, ее власть над ночью, пока свет не выключился, и она не потеряла ночную гостью из виду, привыкая к темноте. И, когда лиса снова включила свет, скачками направляясь к живой изгороди и ограде за ней, девушка была готова идти к дому.

Теперь она знала свой маршрут и не пугалась, когда вспыхивал свет, потому что никто не следил за ней. Мир богатых спал, завернувшись в толстое фальшивое одеяло безопасности. В ярком свете ламп она быстро пересекла лужайку и остановилась, добравшись до гравия перед домом. Она старалась ступать как можно легче, но камешки все равно шуршали под ногами. Каждый шаг заставлял ее сердце биться быстрее. Она пыталась двигаться равномерно в надежде, что если кому-то не спится, то ее шаги примут за шум от соседской машины. Хорошо бы, чтоб в этом доме все крепко спали! Обогнув фасад здания, она с облегчением перешла к его темной стороне. Гравий по-прежнему хрустел под ногами, но здесь, в нешироком проходе между двумя домами, она чувствовала себя в большей безопасности.

Световая сигнализация позволила разглядеть на первом этаже единственное окно. Маленькое, с матовым стеклом, чуть-чуть приоткрытое. Скорее всего, в ванной комнате. Кэсси подняла руки к каменному подоконнику, но он оказался слишком высоко. Так ей не залезть. Она прошла дальше по дорожке, пока не попала в сад, исчезающий в темноте за домом. Гравий сменился бесшумными плитами, и, когда она ступила во внутренний дворик, вспыхнула еще одна лампа, и ее сердце чуть не выпрыгнуло от внезапного ужаса. Неподвижная фигура человека замерла рядом с ней. Кэсси заставила себя осторожно, дюйм за дюймом, поворачивать голову, пока в черном зеркале стеклянной пристройки не оказалась лицом к лицу с этой фигурой. С собой. С широко раскрытыми глазами на бледном, застывшем лице. Кроме нее, никого не было. Она отступила назад, еще шаг… прочь от себя и от всего, что скрывала эта личность, словно за этим лицом воображаемый некто, невидимый по ту сторону зеркального стекла, смотрел на нее сквозь ее собственное отражение… и наткнулась на тяжелое садовое кресло.

Вот идеальное решение. С трудом она перетащила кресло в боковой проход между участками, шатаясь под его тяжестью и слишком громко шурша гравием. Поставив кресло под окном, она проверила его устойчивость и забралась на сиденье. Просунула руку под приоткрытое окно и изо всех сил стала давить на рычаг запорного механизма. Рычаг никак не поддавался. Обливаясь потом, она тянула и толкала его, пока, наконец, он с грохотом не отскочил от шипа. Рама медленно повернулась внутрь.

Благодаря креслу оконный проем теперь находился на уровне груди. Забравшись на подоконник, Кэсси полезла вперед, пока ее туловище не оказалось внутри ванной, а ноги все еще болтались снаружи. Впереди ждала покрытая темнотой неизвестность. Шип запорного механизма вонзился в низ живота, подоконник больно давил на диафрагму, так что она едва могла дышать. Кровь гулко пульсировала в голове, и Кэсси почувствовала, как в ней зарождается паника. Перед глазами возник образ предателя Льюиса, с его шлемом и яркими шортами, вспыхивающими светоотражающими полосками. *«Будь как лиса»,* – приказала она себе и продолжила пробираться вперед, пока руки не коснулись твердой эмалированной поверхности. Ванна. Когда она вылезала из окна, локти, колени, голова больно бились о твердую поверхность, сердце колотилось, готовое разорваться, и стреляло разрядами боли. Но она все-таки пробралась внутрь. Она пробралась в дом.

Она посидела, собираясь с силами. Прислушиваясь, не разбудил ли шум кого-нибудь из обитателей дома. Сосчитала до тридцати, потом до шестидесяти. Ничего. Ни шаркающих шагов, ни щелканья выключателем, никаких «Кто там?». Ни одна собака, к счастью, не почувствовала незваного гостя и не подняла весь дом возмущенным лаем.

Ее руки, влажные от пота, скользили по поверхности, пока она выбиралась из ванны. Развязав шнурки, она сняла кроссовки, теплый пол приятно грел ступни. Ручка беззвучно повернулась, и дверь ванной открылась, скорее, со вздохом, чем со скрипом. Кэсси сделала шаг в коридор, который казался высоким и просторным.

Опираясь рукой на стену слева от себя, она продвигалась по коридору, замирая при каждом шаге, боясь наступить на детскую игрушку на полу, наткнуться на приставной столик, стопку книг. Но на

пути было чисто – только полированное дерево пустой стены. Наконец, пальцы коснулись дверного косяка. Дверь легко открылась, но внутри оказалось лишь небольшое пространство с полками. Бельевой шкаф. Она пошла дальше. Дошла до поворота коридора, повернула и, шаг за шагом, продолжила продвигаться вперед. Еще одна дверная коробка, а за дверью – кромешная тьма комнаты.

Пол под ногами стал мягким. Гостиная? Такое ощущение, что она размером с футбольное поле. После целой вечности шарканья по коридору Кэсси наткнулась на что-то твердое: кресло. За ним… Она коснулась стены, которая тут же немного поддалась под ее рукой. Нет, это не стена. Жалюзи. Отыскав край, она приоткрыла их, и тусклый ночной свет упал белесыми квадратами на огромный ковер. Постепенно глаза привыкли к темноте и стали достаточно ясно различать предметы. Два кресла, камин, угловой экран над медиацентром. На одной стене висели полки с книгами, на другой – картины. А перед пустым камином стоял отличный длинный диван.

Кэсси достала планшет и проверила время. Почти два часа ночи. Небогатый выбор: всего два часа до тех пор, пока она по-прежнему остается в безопасности. Два часа до того, как обновление будет готово к распространению.

Она поставила будильник на планшете на четыре часа. Отрегулировала громкость: достаточно громко, чтобы разбудить ее, не разбудив никого другого. Проверила, включена ли вибрация – резервный режим, который вытащит ее из любого глубокого сна, пока она держала планшет в руке. Затем забралась на диван, растянулась, потом, подсунув под голову подушку и накрывшись покрывалом, свернулась калачиком.

Профессор Морган, наверное, спала наверху, в спальне на втором этаже. Возможно, рядом с ней спал муж, а в соседних спальнях – двое детей. Конечно, ее затея рискованна. Если что-то пойдет не по плану, то она могла подключиться не к Морган. Эх, если бы подключения осуществлялись направленно… Освальд что-то говорил об эмоциях, что именно они управляют подключениями. Она вспомнила Алана: как хорошо они подходили друг другу и в тоске, и в утешении, как они носили свою тоску, как полузажившую рану. Затем всплыли воспоминания пережитого на заднем сиденье машины, – страх, переросший в ужас, который до сих пор вызывал у нее тошноту. Если

ей удастся повторить эти чувства, может, тогда удастся нащупать путь в голову Морган. Так каковы же эмоции, окрашивающие ее сны? Позитивные или негативные? Самодовольство и безопасность в этом огромном доме или тревога в ожидании потенциальных непрошеных ночных гостей? Если у Морган есть хоть капля совести, она не могла спать спокойно, постоянно испытывая холодное чувство вины под давлением поступков, за которые она несла ответственность. А вот чувство вины – как раз та волна, которой можно управлять и на которой можно плыть. Стоило только подумать о Финне, Элле и Мэг. Или об Алане, о каждом разе, когда она покидала его. Она безжалостно проигрывала каждую сцену. В аэропорту. *Поцелуй. Очередь. Уходит*. По интернету, три тысячи миль между ними. *Я люблю тебя. Я скучаю по тебе. Конец вызова*. В больнице. *Я скоро снова приду, через неделю или две, через месяц, когда-нибудь…* Она почувствовала, как ее охватило чувство вины, всей тяжестью придавливая к дивану. А потом она мысленно вызвала Морган: ее помятое лицо, ее вежливый деловитый голос. Представила ее мертвой для всего мира, под толстым теплым одеялом сна. Напрягла воображение и, схватив одеяло за угол, стянула с нее и обернула вокруг себя.

Во-первых, звук. Белый шум переходит в рев, от которого закладывает уши. Затем скрученная тьма горелой резины забивает ей нос, рот, легкие, и она брыкается от навалившейся тяжести, тянущей ее вниз. Она борется, высовывает голову из тьмы, которая пытается ослепить, заставить замолчать, задушить ее. Стоп! Она почти думает слово СТОП, а потом вспоминает. Именно этого она и хотела. Вспоминает: она не одна.

Белый шум сжимается, конденсируется в электрические разряды. Темнота уже не абсолютна. Вспышки позволяют увидеть фигуру – чахлое тело, распухшая голова, а на голове спутанная масса, корона, поблескивающая не драгоценностями, а искрами, потрескивающая с обжигающим звуком тысячи мух, пойманных, убитых в прожилках голубого света. И по мере того как она думает об этом, они появляются перед ее мысленным взором: густой черный водоворот насекомых, жужжание – треск разряда – падение мертвой мухи, и лицо в центре водоворота. Лицо Морган. Затянутое паутиной, пойманное в ловушку.

– Нет, – говорит она. Ее тощая шея вздрагивает. Она поднимает руки вверх. – Не я, не с меня все начинается.

Кэсси сокращает расстояние между ними.

– Почему ты так боишься меня?

Она протягивает руку сквозь массу мух, этих напуганных искр, и по руке вверх поднимается глубокая, холодная боль. Ее пальцы не знают пощады и жаждут ответов. Она злобно вырывает из Морган куски – ее мысли, чувства, воспоминания. Прямо изнутри, разрывая все слои ее тела. Выхватывает, выдергивает и отбрасывает в сторону, не осторожно разжимает пригоршни или аккуратно потрошит, как разделывают рыбу, но с яростной, невероятной жестокостью, пока мучительный звук не пробивается сквозь ее безумие. Причитание высоким, тоненьким голоском. Боль, которую невозможно передать словами.

Она чувствует тяжесть молотка в руке, и как под ударом трещит маленький, всего-то с пригоршню, череп. Видит мех, и кровь, и запавший, но все еще пристально глядящий на нее глаз. Слышит, как Льюис говорит: *«Я причинял боль»*. Осознает, что это не поиск, не разборки. Это не что иное, как месть. И это слово благородно, пламенно и чисто, но сам поступок безобразен, и она не может отделаться от него, когда отступает от разорванной на куски женщины, когда отдает команду со всей ясностью, со всей силой разума, на какую только способна:

Стоп!

Глава тридцать восьмая

Свернувшись калачиком под покрывалом, она лежала на диване, обхватив голову руками, словно и невиноватая в этом кошмаре. Но тяжелое дыхание говорило об обратном. Скачок пульса. Секунду она не двигалась, подтянув колени к груди и крепко зажав в кулаках мягкое покрывало, а потом, откинув его в сторону, вскочила с дивана и нетвердой походкой поспешила прочь.

Вверх по лестнице, на площадку. Из-за закрытых дверей не слышно ни звука. Она распахивала их одну за другой, нащупывала выключатели. Детская спальня и еще одна, обе неестественно чистые и пустые. Гулкая ванная комната. Двухместная спальня. На первый взгляд, она тоже пустая: на ковре валялась разбросанная одежда, на огромной кровати – скомканное одеяло. На дальнем конце матраса – какая-то непонятная груда. Бесшумно ступая в носках, Кэсси обошла кровать и, подойдя к прикроватной тумбочке, вытащила из зарядного устройства планшет Морган. Потом с силой сдернула одеяло.

– Бу!

Морган, поджав ноги к животу, даже не вздрогнула.

– Разве я не такая же страшная в реальной жизни? – поинтересовалась Кэсси.

Она положила руку на плечо Морган и сжала его.

Медленно, словно двигаясь под водой, профессор подняла голову. Лицо, белое как полотно, покрыто капельками пота. Дрожащей рукой она вытерла рот. К горлу Кэсси подступила тошнота, и она проглотила комок с привкусом желчи. Напомнила себе: эта женщина получила по заслугам. Морган неуверенно протянула руку за планшетом, и Кэсси, повертев планшетом перед носом женщины, засунула его в задний карман своих джинсов.

Словно инвалид, пожилая женщина с трудом села на постели и едва слышно проговорила:

– Они ищут тебя.

На лице Кэсси появилась улыбка:

– Даже не сомневаюсь. На меня сейчас очень большой спрос.

Морган растерянно наморщила покрытый испариной лоб:

– Зачем ты пришла?

– Мне нужна информация. – Последнее слово Кэсси произнесла с преувеличенной четкостью. – Когда мы с вами разговаривали раньше… помните? Вы ведь не совсем правду сказали, да? Ну, а если честно, то и я тоже… Только теперь я знаю гораздо больше. О «Рафаэль-Хаусе», о клинических испытаниях. О подключениях в Игре Воображения. Том Освальд довольно откровенно раскрыл все эти темы. – Наклонив голову набок, она постучала себя пальцем по лбу. – Но вот в чем я не уверена: почему же вы так боитесь того, что у меня внутри. И я хочу получить ответ на свой вопрос, прежде чем решу, как мне распорядиться этим дальше.

Морган дернулась, словно пожимая плечами:

– Но ты уже и так все решила. Что бы я ни сказала, слишком поздно для тебя менять свое мнение. – Ее голос звучал сухо, будто царапал горло. – Ты можешь доставить обновление в контролируемой среде, под присмотром специалистов, а можешь сделать это в случайном порядке, через неделю, или через месяц, или в любое время, когда в следующий раз заснешь рядом с другим пользователем. Вот и весь выбор, который у тебя есть.

Кэсси сглотнула.

– Необязательно. Наверняка есть способы, чтобы обновление даже не вышло из моей головы. Оно не сложнее пригоршни таблеток, верно? Думаю, топовый специалист из Башни Брей вполне справится с такой задачей.

При этих словах, она почувствовала, как напряглись мышцы ног, словно она приготовилась к прыжку. Головокружительное желание так или иначе покончить разом со всем. Но вопреки ожиданиям, к разочарованию Кэсси, Морган осталась спокойной.

– А вот и нет, – безучастно ответила профессор. – Здесь нечего бояться. Просто не хотелось быть первой. И не более того. – Ее голос стал тягучим и густым, будто какой-то механизм вышел из строя. – Конечно, мы все проверили, насколько могли… Вне живого организма, на живом организме. Но не на людях. Скорее всего, препарат сработает довольно просто. Быстрое соединение, а затем… они получат, что хотят. – Ее слова звучали ровно. – У них будут данные. Входной канал. Больше им ничего не нужно.

Со словами Морган преимущество ускользнуло. Кэсси все еще стояла, глядя сверху вниз на потрясенную женщину, но ее рост, ее самообладание больше не ощущались как сила.

– Входной канал? – переспросила она, но Морган уже не слышала ее.

Замкнувшись, она погружалась в себя. Кэсси узнала признаки шока, словно увидела себя после сеанса у клиники «Рафаэль-Хаус».

– Профессор Морган, – позвала она. Присев на корточки у кровати, она коснулась руки женщины. – Фиона. – Слишком личное имя оставило во рту неправильный привкус. Она сжимала руку Морган, пока та, медленно моргая, не открыла глаза. – Вы живете одна? – резко спросила Кэсси. – Фиона. Послушайте. Вы живете одна?

В ответ – едва заметное движение, которое можно принять за кивок.

Кэсси вышла из комнаты на лестничную площадку и прикрыла за собой дверь. Подождала, придерживая ее закрытой, чтобы убедиться, что внутри нет никакого движения. Наверное, ей следовало найти стул и просунуть его под ручку, как она видела в фильмах. Только ручка круглая, а дверь открывалась внутрь, и это не фильм. Планшет Морган успокаивающе оттягивал задний карман. Постояв, Кэсси побежала вниз, правильно угадав, куда свернуть, и нашла дорогу в кухню, в ту самую черную стеклянную пристройку, которая раньше так испугала ее. Она включила свет и стерла деревья и траву, и из небытия, там, где раньше был сад, появилось призрачное помещение со скошенным потолком.

Погрузившись в размышления, Кэсси наблюдала за собой как бы со стороны: ее не менее призрачный двойник наполнял чайник, открывал шкафы в поисках кружек, чайных пакетиков, сахара. Физически передвигаясь по кухне, она постоянно возвращалась к тому, что сказала Морган.

«Они получат, что хотят».

«Их данные».

«Их входной канал».

Значит, Освальд солгал. Она услышала, как произнесла эти слова, и посмотрела на себя в зеркало окна, признавая вслух обман, который теперь казался неизбежным. Он солгал… В голове вертелись

возможные причины, возможные истины, и ни одна из них не была близка к тому, что он обещал ей.

Пока чайник грелся, она принесла из гостиной сумку. Рискованно пользоваться своим планшетом, и эта реклама никогда не закончится. Пропустить-пропустить-пропустить… пока наконец не появилась возможность отправить Николу сообщение с просьбой добавить фразу «входной канал» в список поисковых запросов, который она ему дала раньше. Как только сообщение ушло, в целях безопасности она снова выключила планшет.

Сейчас нужно, чтобы Морган была в здравом уме, но не в полной боевой готовности. Она заварила крепкий черный чай, положила в чашки сахар – три ложки для Морган, одну для себя, все это время продолжая прислушиваться к звукам наверху: появятся ли тяжелые шаги, поскрипывание половиц. Разыскивая молоко, она открыла большой семейный холодильник. Внутри безупречно чисто и пусто. Хотя не совсем пусто. В самом низу стоял пластиковый контейнер. Кэсси без труда достала его, но молока внутри не оказалось. Только серебристая канистра.

По виду точно такая же, как и та, что была в лаборатории IMAGEN, с препаратом обновления: похоже, профессор имела привычку брать работу домой. Кэсси взяла канистру и осмотрела ее. На этикетке надпись аккуратным почерком: *«ЛЕКАРСТВО. Версия 1.3»*.

Сняв закрепляющий крышку зажим, она заглянула внутрь. Там лежал тупоносый шприц, похожий на тот, каким Сэм вводила ей препарат. Кэсси смотрела на шприц, и холод расползался по ее пальцам, собираясь вокруг запястий. Затем она закрыла шприц, канистру, морозилку, оставив все так, как нашла.

Молоко в конце концов отыскалось в холодильнике, замаскированном под буфет, на дверце которого прикреплен детский рисунок, рядом – фотография Морган с другой женщиной и двумя маленькими улыбающимися мальчиками. С минуту Кэсси разглядывала фото, потом взяла кружки. При выходе из кухни она ткнула локтем выключатель, и призрачное помещение за ее спиной исчезло.

Когда она вернулась в спальню хозяйки дома, Морган с прозрачно-бледным, ничего не выражающим лицом по-прежнему

лежала, откинувшись на подушки.

– Выпейте! – Кэсси протянула ей кружку с чаем.

Морган взяла ее, и кружка задрожала, расплескивая чай на одеяло. Кэсси схватила, поддерживая, женщину за руку. Морган сделала глоток, потом другой… Когда профессор подносила кружку ко рту, рука Кэсси следовала за ее рукой.

– Дальше я сама, – наконец сказала профессор. – Спасибо тебе. Теперь я сама справлюсь.

Как ребенок, она выпила все до дна и протянула пустую кружку Кэсси, чтобы та поставила ее на прикроватный столик. Кэсси огляделась в поисках места, куда можно было присесть. Два кресла стояли у закрытого жалюзи окна. Она уже хотела пододвинуть то, что ближе, к кровати, когда Морган откинула одеяло в сторону. Взгляд у нее все еще был рассеянный, но, моргнув несколько раз, она, похоже, пришла в себя.

– Подожди, – остановила она Кэсси.

Она стояла, шатаясь, бледная и вся какая-то обвисшая, в майке и шортах. Кэсси почувствовала неприятный укол жалости. Вместе с остальной одеждой на полу валялся брошенный халат, и она протянула его Морган. Та даже не заметила, что он вывернут наизнанку, пока не попыталась завязать пояс. Чтобы переодеть его правильно, от нее потребовалось бы титаническое усилие, и она оставила халат распахнутым. Неуверенной походкой женщины гораздо старше своих лет профессор прошла к окну и опустилась в одно из кресел. Кэсси села напротив.

Исследования показали, что люди становились более общительными, более эмоционально открытыми, когда держали в руках кружку с горячей жидкостью. Кэсси протянула Морган свой чай, к которому еще не успела притронуться.

– По-моему, сейчас он вам нужнее. – Она подождала, пока теплая кружка согреет ладони женщины. – Я хочу знать, как будет работать обновление? С данными и входным каналом. Том Освальд не смог толком объяснить, поэтому… я подумала, что стоит заглянуть к вам.

– Как оно будет работать… – Морган отхлебнула чай. – Ладно. Говоря простым языком, обновление предназначено для модификации отдельных биомолекулярных сетей и использования электрической активности во внутреннем ухе в качестве преобразователя. По сути,

оно приведет к созданию биологического приемника/передатчика, который, по-видимому, позволит IMAGEN отслеживать подключения к другим пользователям Игры Воображения, а также измерять их. И именно этот биологический приемник даст компании возможность использования способности к подключению в своих целях: они смогут вводить определенные данные, что повысит их конкурентоспособность в коммерческом развлекательном секторе.

Кэсси старалась не показывать свою реакцию. Выслушав объяснение Морган, она изо всех сил держала себя в руках, оставаясь внешне совершенно спокойной.

– Итак, хочу уточнить, правильно ли поняла: я доставляю обновление, которое не уничтожит способность к подключениям, и они будут продолжаться, как и раньше. – Эти слова наполнили ее тревогой, но ей удалось сохранить деловой тон. – При этом у IMAGEN появляется способность захватывать данные, которые генерируются при таких подключениях. И еще способность вводить данные, и это разные способности. Предполагается… – Она высказала свою догадку. – Обработка пользователя Игры Воображения.

Морган утвердительно кивнула.

– Насколько я понимаю, по их замыслу, происходит виртуальное размещение продукта – модели, посредством которой позитивно окрашенное подключение одного пользователя к другому регистрируется и служит «спусковым крючком» для вызова вставки коммерчески спонсируемого материала в переживаемый опыт пользователя, с целью закрепления положительных ассоциаций к рекламируемому конкретному продукту. Это можно сделать очень ненавязчиво, по крайней мере, мне так сказали. Пользователь остается в полном неведении, что, по-видимому, и делает всю затею довольно эффективной.

Кэсси отзеркалила кивок Морган, будто не узнала ничего нового.

– Разумеется, – непринужденно согласилась она, – в этом есть определенный смысл. По крайней мере… – Она помолчала. – Имеет смысл монетизировать позитивные подключения. Но как же… остальные?

Даже в непосредственной близости от бледного, покрытого испариной лица Морган, сидящей в одетом наизнанку халате, Кэсси

внутренне вздрогнула, вспомнив о том, что произошло между ними в Игре Воображения: повреждение, тьма. Она прочистила горло.

– Подключения, вызывающие негативные эмоции, продолжатся, хотя они и не являются коммерчески целесообразными?

– Конечно, такие подключения неприятны, – слегка поморщившись, произнесла Морган. – Со временем мы, конечно, придумаем, как управлять ими. По крайней мере, на это есть надежда. А тем временем IMAGEN внедряет некоторые очень простые механизмы для защиты наиболее прибыльных пользователей от нежелательных подключений.

– Анализ поведения субъектов системы, – догадалась Кэсси, стараясь звучать авторитетно. – Индивидуальное вмешательство.

– Мониторинг подключений в реальном времени, – согласилась Морган, – чтобы потенциально травмирующий опыт можно было прервать вручную. Чрезвычайно ресурсоемкий метод, поэтому он зарезервирован для лиц с высоким чистым капиталом и не распространяется на всю клиентскую базу. Но, как я понимаю, выгоды для IMAGEN от использования способности к подключению к другим пользователям таким образом значительно перевешивают прогнозируемые затраты на потерю тех обычных пользователей, которые аннулируют свои аккаунты из-за негативных эмоций вследствие подключений. – Какая-то мысль, казалось, поразила ее, заставив замолчать. – Но ты же наверняка знаешь обо этом больше, чем я. Разве маркетинговая сторона – не твоя область?

Именно так и было. Вот почему Кэсси так ясно представляла последствия того, о чем рассказывала Морган. В сочетании с тревогой, в ней поднялось и профессиональное волнение. Это же идеальный маркетинговый канал!

Прямой путь к вашей сердцевине, к вашей абсолютной сущности. Несанкционированный захват данных какого-нибудь подключения, такого личного, такого сильного, мог превратить реальный мир в нечто пустынное. Любой намек на возвращение к тому состоянию блаженства в Игре Воображения, любая ассоциация с его теплотой, его светом, – то, перед чем никто не устоит. Купите это, действуйте так, верьте в это… Череда выборов, которые вообще не являлись выбором; серия обещаний – и боль стерта, пустота заполнена, – которые просто невозможно выполнить. Это был совсем другой уровень предложения,

выходящий за рамки того, что IMAGEN продавала до сих пор, данные, которые они соскребали с поверхности двухчасовой фантазии полета, или секса, или насилия. Это… это мышца, которая двигалась под кожей. Больше, чем убеждение. Это был контроль.

Она видела все так ясно, будто сама разрабатывала маркетинговый план. IMAGEN как единственный игрок на рынке. Ради такой услуги они не постояли бы за ценой. Даже травмирующие подключения можно обратить в свою пользу, если убедить клиентов платить за негативное размещение продукта, и тогда бренд конкурента будет глубоко и неизгладимо связан с травмирующими переживаниями.

Простой деловой расчет. IMAGEN измерила мучения всех пациентов «Рафаэль-Хауса» и бесчисленных пользователей с базовыми аккаунтами, сопоставила полученные данные с деньгами, которые принесет виртуальное размещение продукта, и пришла к выводу, что прибыль перевесит убытки.

Морган все еще говорила. Возможно, так у нее проявлялся шок, или сахар и кофеин сделали ее болтливой.

– …связан с полезными действиями в меньшем масштабе, – говорила она, – например, входной канал обеспечит средства для распространения будущих обновлений. Прогнозируемая экономия на стоимости изготовления и доставки новых назальных спреев, по-видимому, не является незначительной. И разумеется, дальнейшие обновления будут распространяться посредством способности к подключению автоматически, поэтому, несомненно, их уровень соответствия станет намного более высоким. Но IMAGEN больше всего волнует эмоциональный аспект таких подключений – эмоциональный нарратив, когда они получат его, хотя, признаюсь, я не до конца понимаю его значение. Опять же это, скорее, твоя территория. – Выражение ее лица стало жестким, будто она вспомнила, что, в конце концов, Кэсси – не студентка, и они не на лекции. – Том пообещал, что ты вернешься на старую работу?

Кэсси почувствовала, что окно закрылось. Морган выпила чай до дна, пустая кружка в ее руках остыла, и в ее взгляде читалось выражение, близкое к отвращению.

– Обязательно поговорю с Томом, – сказала профессор. – Он хорошо разбирается в людях. Никогда бы не догадалась, что ты из тех,

кто ставит личную выгоду превыше всего.

Эти слова, будто лезвие ножа, аккуратно воткнулись в живот Кэсси, а затем нож выдернули с поворотом. Она чуть не задохнулась от такой наглости. *«Ты не имеешь права судить меня»*, – чуть не выпалила она, но вместо этого просто улыбнулась.

– По-моему, сейчас вы очень точно описали себя.

По тощей груди Морган пробежали красные пятна.

– Стремление к новым знаниям, – ответила она, – не имеет ничего общего с личной выгодой.

– И тем не менее, стремясь к новым знаниям, лично вы добились впечатляющего положения. У вас внушительный статус. – Кэсси выдержала взгляд собеседницы. – Нет, я хочу сказать, что вам следует гордиться. Вы такой раритет. Женщина, добравшаяся до вершин своей профессии. Ведущий биоинженер. Изобретатель удивительной технологии. Насколько я понимаю, научная принципиальность… хорошая репутация… имеет в вашей области большое значение? Стыдно будет, если ваша репутация рухнет из-за пары неправильных решений.

На мгновение Кэсси показалось, что у Морган не осталось аргументов для возражения.

– Если ты намекаешь на то, что я о тебе думаю… Уж поверь, все клинические испытания полностью одобрены регулирующими органами. Каждый аспект соответствует юридическим требованиям в данной области и реализуется в рамках правительственных исследований…

– Да, разумеется, Освальд говорил об этом. Все законно. Но независимо от того, правда это или нет, эти испытания неэтичны. Или я ошибаюсь? Вы проводите испытания на подопытных, которые настолько больны, что некоторые из них не в состоянии понять сопутствующие риски? А потом – если что-то пойдет не так, – скрыть результаты: например, выплатить гонорары, полагающиеся пациентам и клинике «Рафаэль-Хаус», не оставляя их семьям практически никакой возможности перевести их в другое учреждение? Опять же ничего противозаконного, но, по-моему, ваши коллеги-ученые сочтут все это глубоко неэтичным.

Морган открыла рот и снова закрыла его. Ее лицо покрылось белыми и красными пятнами: она не могла позволить себе потерять

хорошую репутацию среди коллег. Кэсси поняла, что нащупала ее больное место, но, вместо того чтобы надавить сильнее, расслабилась – сменила тактику.

– Расскажите о лекарстве, – почти небрежно произнесла она.

При смене темы разговора профессор заморгала и облизнула пересохшие губы.

– О каком лекарстве?

– О том, что я видела внизу. У вас на кухне.

Глаза Морган стали круглыми, как у лягушки, и она плотно сжала губы. Кэсси наклонилась вперед:

– Давайте же, вы должны рассказать мне.

Сидя в кресле, профессор немного выпрямилась.

– Должна? – Она выдержала взгляд Кэсси. – Неужели? Несмотря на *небольшой* риск, связанный с распространением обновления, мне кажется, вы и так прекрасно справляетесь.

Неистовый гнев, доводящий до бешенства, охвативший ее в Игре Воображения, снова нахлынул на нее. Она была готова все повторить, но теперь уже по-настоящему – дотянуться до этой женщины и вырывать из нее куски…

Морган рассеянно продолжала говорить:

– Да получишь ты обратно свою работу и карьеру, которую так неосторожно бросила, даже не сомневаюсь. И нормальное золотое рукопожатие[23] получишь…

– Вы. Ничего. Не знаете. – Слова, будто крошечные гранаты, тяжело упали между ними, когда Кэсси вскочила на ноги. Морган слишком поздно закрыла рот. – Вы *ничего* не знаете обо мне. Я подписала бумаги не для того, чтобы вернуть работу, или получить деньги, или что-то в этом роде. Я делаю это по одной-единственной причине: один из ваших *подопытных*… – Это слово прозвучало с горьким шипением. – …мой друг. Алан Лаудер? – Она скептически рассмеялась, видя безучастное выражение лица Морган. – Разумеется, вам это имя ничего не говорит! Поступил в «Рафаэль-Хаус» три года назад с диагнозом шизофрения. После ухудшения состояния переведен в закрытую палату. Он – та единственная причина, почему я согласилась распространить ваше гребаное обновление. Только чтобы помочь моему другу.

На лице Морган появилось замешательство:

– Но… или я чего-то не понимаю? Не вижу связи. – Она закрылась рукой, увидев искаженное гневом лицо Кэсси. – Нет, пожалуйста! Я не имею в виду, что твой друг или его заболевание не важны… Просто как обновление может помочь ему?

Кэсси хотелось разозлиться и спорить, заявить Морган, что та ошибается. Но профессор всего лишь озвучила то, что Кэсси и так уже знала. И это знание было невыносимо. Она откинулась на спинку кресла.

– Освальд. Он рассказал мне сказку, – вздохнула она. – Говорил то, что я хотела слышать. Вы спросили, что он пообещал. Так вот, по его словам, обновление уничтожит способность подключения к другим пользователям. – Она пожала плечами. – А теперь я понимаю, что на самом деле все наоборот. Слишком поздно. Теперь я не смогу помочь Алану. – Ее губы скривились, и она спрятала свою слабость, прижав руку к подбородку, стараясь, чтобы ее голос не дрожал. – Так что не надо мне говорить, что вы ничего мне не должны, потому что дело не во мне. Дело в Алане. Не знаю, как вы собираетесь подсчитать свой долг перед ним, но полагаю, что он неимоверно велик.

Кэсси перевела взгляд с лягушачьего лица Морган на ковер. На свои ноги в носках. На ноги Морган, голые, с выступающими венами. Что тут можно добавить? Но профессор все равно заговорила:

– Мы хотели как лучше.

– Отлично! Это, конечно, все исправит.

– Но это правда. Мы никогда не предполагали, что это произойдет таким образом, – сказала Морган. – Я не собиралась изобретать развлекательную технологию. Она всегда рассматривалась как терапевтический инструмент. – Взглянув на Кэсси, она отвела взгляд. – Я… у меня есть брат. Моложе меня, он всегда боролся… с подросткового возраста. Наверное, поэтому…

Каждый раз, когда Кэсси разжимала руки, они снова сжимались в кулаки. Она подсунула их под себя, отдав все внимание оправданиям Морган.

– Мы искренне хотим помочь. Эти подопытные… – Когда она произносила это слово, где-то в глубине нее замерцал мыслительный процесс, и во взгляде появилось нечто вроде извинения. – Мы крайне тщательно подошли к их отбору. Очень серьезное психическое заболевание, небольшая надежда на значительное улучшение. Под

присмотром в отличных учреждениях, с ними работают небольшие команды психиатров, полностью преданных проекту. – Она выглядела озадаченной, будто до сих пор удивлялась тому, какой оборот принял ее проект. – Никакой небрежности, и мы ни в коем случае не были бесцеремонны с безопасностью пациентов. Случившееся просто невероятно, мы не могли предвидеть такое развитие ситуации.

Почти каждая фраза, которую произносила Морган, требовала возражения: как можно оправдывать клинические испытания на подопытных, никогда не дававших согласия? Как можно претендовать на заботу о пациентах, если разработанное ею обновление будет делать не что иное, как эксплуатировать эти испорченные результаты? Кэсси выбрала только одно возражение и запустила им в стену самооправдания, которую выстраивала Морган.

– Вы сказали, что будет мониторинг в реальном времени, для защиты людей от травмирующих подключений, ручное вмешательство для богатых пользователей. Будет ли такой мониторинг применяться в «Рафаэль-Хаусе» для защиты пациентов?

Морган опустила взгляд на свои колени, где ее пальцы теребили пояс халата.

– Я предлагала, но… Мне сказали, что это вопрос ресурсов.

Кэсси медленно покачала головой. Вот как сильно Морган заботилась о том, чтобы привести в порядок всю ту неразбериху, которую сама же устроила: она предлагала…

– Если это хоть как-то поможет понять… Я тоже в какой-то степени пострадала. – Морган сделала движение, будто хотела затянуть пояс халата, но вспомнила, что он надет наизнанку. – Это, конечно, не то же самое, но… Посмотри, я здесь одна. Этот дом не предназначен для одинокой женщины. Мой партнер входит… входила в исследовательскую группу, и мы обе относимся к ранним пользователям… – Она встала, сбросила халат и принялась выворачивать его, чтобы надеть правильно. – Такие сокровенные подключения. Просто невыносимо. – Засунув руки в рукава, она туго затянула пояс вокруг талии. – В такой близости нельзя остаться невредимым. Сохранить прежние чувства друг к другу. – И завязала пояс на двойной узел. – В конце концов, дело дошло до того, что мы не могли смотреть друг другу в глаза. Я бы ушла. Просто она сделала это

первой. К счастью, дети еще слишком малы… – Она снова опустилась в кресло.

Кэсси смотрела на нее с жалостью. Конечно, слова Морган – неправда, и она это понимала. Если люди на самом деле любят друг друга, такого не случилось бы. Чтобы фантазии в Игре Воображения настолько повредили отношениям Морган, по-видимому, они должны быть очень скудными по сравнению с теми, какие были у них с Аланом, когда они подключались друг к другу. Но… вот он, шанс привлечь Морган на свою сторону… чего бы ей это ни стоило. Изобразив на лице сочувствие, Кэсси грустно улыбнулась в знак понимания.

– Значит, вы тоже кого-то потеряли… из-за Игры Воображения. Она ограбила нас обеих.

Морган беспомощно махнула рукой и снова уронила ее на колени. Кэсси помолчала, пока они привыкали к этой их негласной солидарности: они по-прежнему сидели в креслах, лицом друг к другу, но их утраты поставили их бок о бок. Затем она негромко произнесла:

– Так что за лекарство, Фиона?

Морган встретилась с ней взглядом, в котором отразилась борьба между желанием рассказать и необходимостью не болтать лишнего.

– Оно связано с обновлением?

Профессор покачала головой:

– Какая теперь разница?

– Нет? Почему?

Услышав ответ Морган, Кэсси не сразу поняла, что та отвечает на какой-то другой, незаданный вопрос.

– Проблема с обновлением заключается в общем подходе IMAGEN к ситуации в целом. Обновление, несомненно, сохраняет их коммерческое преимущество. Но это недальновидный ход.

– А лекарство является дальновидным ходом?

– Может быть. – Оживившись, она вдруг наклонилась вперед, желая обосновать свою точку зрения. – Необходимо принять во внимание не только теперешнюю сложную ситуацию, но и будущие события, которые могут оказаться еще более проблематичными. Вот что следует брать на контроль. – Она пристально посмотрела на Кэсси, проверяя, что та следит за ходом ее мысли. – Подумай сама: мы спроектировали эти пользовательские сети таким образом, что они

запрограммированы, по умолчанию, на статический функционал. Но они ведут себя по-другому – реагируют на свое окружение. Каждая замкнутая система, когда соединяется с другой, становится частью более обширной динамичной системы. Результаты совершенно непредсказуемы. – Захваченная срочностью своего объяснения, Морган взмахнула руками. – Взаимодействие с окружающей средой – базовая функция всех живых существ; эти биомолекулярные сети являются живыми существами. Поэтому придется рассмотреть, какие еще действия относятся к базовым функциям живого.

Кэсси думала о биомолекулах внутри нее, внутри Алана. Они объединяются, растут, распространяются. А самый базовый инстинкт из всех – размножение. Неужели Морган имела в виду именно его? Но профессор все еще говорила, вернувшись к ответу на вопрос, который Кэсси задала изначально.

– Ты согласилась распространить обновление, потому что хотела прервать подключения… по иронии судьбы это свойство и делает мое лекарство устаревшим. – Заметив сомнение на лице Кэсси, она поспешно уточнила. – Видишь ли, лекарство подействовало бы именно так, как ты хотела.

– Вы говорите… лекарство уничтожит способность подключаться?

– Такой подход к разработке исправления, которое уничтожало бы способность сетей к подключению, очевиден. Но IMAGEN это не надо. Поэтому… – Она сложила руки на коленях. – Это исследование стало моим личным.

У Кэсси по плечам и по спине побежали мурашки: вот она, пусть слабенькая, но надежда.

– Внизу, в холодильнике? Препарат, над которым вы работаете?

– Не скажу, что он готов. Это даже не бета-версия. Ну, может, дельта – первая, непроверенная. Но да, если препарат сработает. То эффект от него будет именно такой, какой тебе пообещал Освальд. Способность к подключениям будет уничтожена. – Ее взгляд изменился. – В будущем возникнет трудность с поиском добровольца, кто согласится распространить его. Идеальным вариантом был бы, конечно, один из тех пациентов… – Заметив выражение лица Кэсси, она подняла ладони в знак извинения. – Да нет же, в любом случае это невозможно. У меня просто нет полномочий вести переговоры о таком

доступе к пациентам, учитывая все обстоятельства, открывшиеся на сегодняшний день. Сейчас нам позволено только наблюдать. Но ты… Если бы согласилась распространить это обновление, наверное, ты бы подошла.

– Да! Я согласна! Конечно, согласна!

Морган посмотрела на нее с сожалением, едва заметно покачав головой.

– И что произойдет, если я это сделаю? Если приму ваше лекарство?

– Что произойдет? Кто ж знает… Обновление, которое ты уже приняла, не проходило клинические испытания. Мы думаем, что знаем, как оно сработает; мы надеемся, что эффект от него будет такой, какой мы предполагаем, и ничего больше. Но мы далеко не уверены, что будет именно так. Руководство IMAGEN считает, что такой риск оправдан, если он тщательно управляется… и, пожалуйста, без обид, по-видимому, это и есть основная причина, почему для его распространения они выбрали тебя: дело ведь не только в информации и рычагах, которые позволяют им манипулировать тобой, тебя довольно легко устранить. – Морган посмотрела на Кэсси с любопытством. – Кстати, а на что он похож, тот препарат?

– На простуду, – с чувством ответила Кэсси. – Тягучую, холодную и мутную. И на насекомых. И на головную боль. Но сейчас уже все в порядке. – Она заметила, что потирает виски. – Ну, или более-менее все в порядке.

– Простуда. Интересно… Так или иначе добавь в уравнение мое лекарство, то есть два изменения вместе, – она сцепила пальцы, – и я не берусь даже приблизительно предсказать, что произойдет. Как они будут взаимодействовать? Не знаю. Будет ли одно перекрывать другое? И если да, то в каком порядке? Не знаю. По сути, это наборы команд: будет ли первое преобладать над вторым, или второе уничтожит изменения, сделанные первым? – Она покачала головой. – Возможно, второе обновление вообще не сработает… Как в случае с обновлением компьютера, которое предназначено для обновления операционной системы, но не распознает операционную систему, которую надо обновить, потому что эта система уже была изменена. Ты следишь за моей мыслью?

– Да.

– Также я допускаю, что эти два изменения могут каким-то образом объединиться. Два набора команд и сеть, пытающаяся реализовать оба сразу.

– Звучит… непредсказуемо.

Морган издала короткий взрывной звук, который можно было принять за смех.

– Непредсказуемо – вполне адекватная характеристика. Представь, что происходит, когда в операционной системе твоего компьютера есть ошибка.

– Происходит сбой системы.

– Правильно. Затем, после сбоя, иногда систему можно перезапустить без каких-либо последствий, а иногда операционная система уже не может оправиться от повреждения. Ничего не работает, никакие приложения. Ты вдруг обнаруживаешь, что твои данные утрачены. Или вообще не можешь запустить систему.

Утрата данных. Не сработавший запуск системы. Если в этой аналогии компьютером являлась Кэсси, Морган не нужно ничего объяснять.

– Но даже если это и не так, – продолжила профессор, – как я уже сказала, лекарство не готово. В тестах на животных оно более-менее работает, но еще есть проблема с точностью наведения. Препарат надо дорабатывать, добиться, так сказать, биомолекулярной функциональности. Как мне видится на сегодняшний день, есть значительный риск, что лекарство не просто уничтожит способность к подключению. Оно может разрушить всю инфраструктуру Игры Воображения.

Понимая, что тянется к невозможному, Кэсси все-таки спросила:

– Сколько времени требуется на доработку лекарства? – Если несколько недель или даже месяцев, наверное, можно было бы отыскать способ…

– С минимальными ресурсами и без помощи лаборатории, реально потребуется четыре-пять лет, прежде чем мы получим субстанцию, которую можно ввести человеку.

Все гораздо хуже, чем она предполагала. Ждать так долго – не вариант. Опустив голову, она обхватила ее руками, словно внутри что-то сломалось. Вспомнилось, как однажды Никол сказал: что IMAGEN

введет в тебя, навсегда остается их собственностью, даже когда оно станет частью тебя.

Ладно. Тогда лучше дробовик, чем лазер. Лучше уничтожить всю эту дрянь. Все, что принадлежит им. Каждый кусочек Игры Воображения.

Она осторожно подняла голову. Морган сидела в кресле, устремив взгляд в никуда.

– А вам не приходила мысль, что оно того стоит? И нам надо рискнуть?

Морган, казалось, вытягивала слова откуда-то из глубины души.

– Боюсь, что нет, – ответила она, и по безысходности, которая прозвучала в ее голосе, Кэсси поняла, что она думает не о пациентах клиники «Рафаэль-Хаус», не о собственной сопричастности, а о своей утрате. О ее партнере. О детях. И вместе с этим пониманием пришло осознание, что именно горе Морган сейчас имело ключевое значение. Как бы незначительна ни была ее утрата, именно так Кэсси попробует уговорить ее.

– Как зовут вашего партнера? – спросила она.

Морган помолчала.

– Мика.

– Мика… Ладно. Вот в чем дело: вы говорили, что Мика ушла, спасаясь от подключений и тех ужасов, которые являются их следствием. Но где бы она ни была сейчас, сеть по-прежнему остается внутри нее? Все так, как вы сказали. Неделя, месяц, сколько угодно долго… Когда в следующий раз она уснет рядом с кем-то, у кого тоже активная сеть, она снова окажется там, в Игре Воображения. Без всякой возможности управлять ситуацией.

Морган молчала, сжимая в руках пояс халата.

– Но мы могли бы прекратить это. С вашим лекарством… если вы поможете мне… это реальный способ защитить ее. И похоже, единственный. И еще. – Она сжала руки, сосредоточенно подбирая правильные слова. – Это как повернуть время вспять, для всего, что пошло между вами не так. Собрав все силы, которые в вас есть, вы дадите себе шанс. Начать все с чистого листа. – Как ей недавно сказал Освальд: *все стерто*. Несмотря на свой цинизм, звучала эта фраза соблазнительно.

Сквозь жалюзи на окнах, рядом с которыми они сидели, было видно, как небо на востоке посветлело. Люди из IMAGEN искали ее по всему городу. Учитывая все их ресурсы и настойчивость, в конце концов они найдут ее. Возможно, даже здесь. Если лекарству, как и обновлению, для подготовки требуются двадцать четыре часа, необходимо действовать сейчас. Одной или с помощью Морган.

– Послушайте, я понимаю, что вы можете потерять, – сказала она. – Но вы же сами утверждаете, что никогда не хотели разрабатывать эту технологию как развлекательную. Подумайте: можно начать все с начала… и ваша репутация не пострадает. – Угроза была тщательно скрыта, но по тому, как Морган вздрогнула, Кэсси поняла, что глубинный смысл ее слов она тоже уловила. – Вы могли бы найти для этой технологии способ получше – в терапевтических целях. Сделайте же правильный выбор на этот раз.

Голова поднята. Позвоночник стал прямее. Внешне изменения в позе Морган едва заметны, но Кэсси надеялась, что внутренне они весьма существенные. Крепко сжав руки, она перевела дух и перешла к последним аккордам их соглашения.

– В принципе, я могу сделать все сама. Спущусь сейчас вниз и введу себе лекарство, и вряд ли вам удастся помешать мне. Не выйдет. Но с вашей помощью оно сработает лучше. Пожалуйста. Ради Мики и Алана. Помогите мне все исправить!

Соглашение, заключенное без слов. Морган вздернула подбородок, прищурилась, словно смотрела на луч света, который неожиданно появился оттуда, где, казалось, была сплошная стена и вдруг неожиданно открылась дверь.

Глава тридцать девятая

Пригоршня звезд рассыпалась по потолку спальни сына Морган. Рядом с подушкой Кэсси равномерно вращалась лампа, приятно отвлекая от тяжести, которая перемещалась и скользила внутри ее черепа всякий раз, когда она двигала головой. Тяжесть могла быть и воображаемой, но односторонняя головная боль, яростный зуд в ушах – определенно нет.

За занавесками виднелось ясное небо. Рассветные лучи просачивались сквозь них, и с каждой минутой звезды на потолке становились бледнее, пока не превратились всего лишь в предположение, что они там есть. Кэсси потянулась, и ее ноги свесились с края кровати. Морган одолжила ей пижаму, пообещав, что сама не будет спать, чтобы Кэсси спокойно выспалась, но при мысли о раздевании она почувствовала себя слишком уязвимой. Поэтому аккуратно сложенная пижама осталась лежать на полу спальни.

Понятное дело, надо подумать не только о следующих двадцати четырех часах и о надежном месте, где она проведет их, пока не будет готова. Полностью. Но также и о том, что будет *после,* и эта мысль постоянно ускользала от нее, будто, составив план действий, она сглазит возможность выживания. Пока лекарство Морган работало над изменением ее нервной системы, остальные части тела ни о чем не беспокоились. Она могла просто остаться здесь, в этой детской кровати, кстати, более удобной, чем ее узкая кровать-платформа, к которой, впрочем, она уже привыкла. Могла проспать весь день, а потом, когда звезды ярко засияют в темноте и наступит очередь Морган спать, она лежала бы с открытыми глазами, наблюдая, как свет очерчивает на потолке круги.

Круг за кругом, ее глаза следили за слабым, но постоянным движением. Мерцание то появлялось, то исчезало, то опять появлялось. Дыхание замедлялось, и она уже почти погрузилась в сон, когда что-то стукнуло в окно.

Она мгновенно насторожилась. Все тело тут же напряглось, прислушиваясь. Птица? Что еще могло вызвать этот небольшой взрыв, от которого задрожало стекло на первом этаже? Наверное, черный

дрозд или жирный скворец, но в любом случае это происшествие вывело ее из ступора. Откинув одеяло с героями Диснея, Кэсси потянулась за кроссовками. Эта комната – лишь фикция безопасности, и оставаться здесь нельзя. Если она хочет, чтобы у нее было, по крайней мере, будущее, то ее планы еще не завершены.

На лестничной площадке слышно, как за дверью ванной комнаты работает душ. Вспомнив свои ощущения после «Рафаэль-Хауса», когда она сидела на заднем сиденье машины, Кэсси сделала вывод, что Морган еще не скоро выйдет из душа. С легким сердцем она спустилась по лестнице. Не было нужды прощаться. Они уже обо всем договорились, эти двое: где и когда будет профессор, что она обещала сделать. Как можно тише, Кэсси вышла из дома и услышала, как за ней закрылась входная дверь.

Ранним утром Кэсси быстро крутила педали. Она ехала проселочными дорогами, постоянно оглядываясь по сторонам. На рассвете улицы почти пустые. Никто не следил за ней, никто не видел, как она кружным путем добралась до многоквартирного дома, где жил Никол. Только оказавшись перед дверью в подъезд, она поняла, что еще слишком рано для прихода в гости без предупреждения. Но оставаться на улице нельзя: ее легко могли заметить.

– Прости, Никол, – пробормотала она себе под нос, нажимая кнопку звонка.

Прошла целая волнительная минута, прежде чем Кэсси услышала щелчок трубки домофона и женский голос:

– Да?

– Это Кэсси, – просто сказала она. Пауза. Словно издалека донесся собачий лай. – А Никол дома?

Не говоря ни слова, женщина впустила ее в подъезд. Третий этаж, налево; дверь в квартиру немного приоткрыта, но все еще на цепочке. Чьи-то глаза наблюдали, как Кэсси поднималась на площадку. Затем дверь закрылась и открылась должным образом, и женщина в пижаме в горошек, крепко держа одной рукой за ошейник Лею, отступила в сторону, пропуская Кэсси в квартиру.

– Вы, наверное, Джо. Простите, что так рано.

Хвост Леи приветливо метался из стороны в сторону, а кивок Джо, напротив, был далек от приветливого.

– Он сейчас выйдет, – сказала женщина.

И в этот момент в конце коридора появился Никол, одетый в черную футболку с флагом. За ним, через открытую дверь виднелась смятая постель.

– Спасибо, – поблагодарил он Джо хриплым от сна голосом. – Иди поспи еще, хорошо?

– Уже иду, – ответила она.

Наблюдая за ними, Кэсси удивилась, как прямо смотрелась Джо в своей пижаме в горошек и домашних тапочках с помпонами, как они не подходили друг другу, даже когда Джо, проходя мимо Никола, провела пальцами по его животу.

– Прости, – в третий раз извинилась Кэсси, когда Джо и Лея вернулись в спальню. – Но столько всего произошло, и… гм… у вас, наверное, нет машины?

– И тебе доброе утро. – Повернувшись к ней спиной, Никол пошел прочь. Она последовала за ним в тесную кухню, где он включил чайник и открыл банку растворимого кофе. – Дай минуту проснуться, и я в твоем распоряжении. – Кэсси поморщилась, когда он насыпал по три ложки гранулированного кофе в каждую кружку. – Сахар? Вообще-то, машина Джо, но я тоже умею водить, если что. Идем.

В гостиной Кэсси устроилась на диване. Она заставила себя выпить кофе зараз, глоток за глотком, поскольку дальше рассказывала во всех подробностях о том, что произошло в доме Морган. У Никола округлились глаза, но он ни разу не прервал ее, внимательно слушая рассказ об обновлении и о лекарстве, и пока она объясняла свой выбор. Наверное, она оказывала ему медвежью услугу, излагая все так подробно. Кофеин обострил ее чувства. И все же от нее не ускользнуло, что Никол брал разрозненные фрагменты ее повествования, рассматривал их со всех сторон и сопоставлял с тем, что ему уже известно, о чем он догадывался и что ему удалось извлечь с сервера IMAGEN.

– Да, многое совпадает с тем, что мне удалось обнаружить. – Вместе с кружкой он переместился из продавленного кресла на свое рабочее место, втиснутое в самый угол. – Пока только обрывочные данные. Все еще пытаюсь обойти биозащиту. Но… они небрежны с уничтожением файлов из мусорной корзины. Сейчас покажу.

Он свалил в один документ все, что могло иметь отношение к делу. Теперь он распечатал этот файл и передал Кэсси пару страниц,

испещренных словами и фразами, которые она просила найти. *Обновление. Подключения. Ввод данных. Входной канал.*

*Монетизация Режима_Сотрудничества_*
Предложение_проект 2
Сбор Подключений КОНФИДЕНЦИАЛЬНО
Обзор Международного Рынка ГСР[24] *редактирует*
Исследовательские Контакты С Потенциальными Клиентами – Примечания – Доступ ограничен

…режим подключения вместе со способностью ввода данных обеспечит беспрецедентный уровень встроенного маркетинга и таким образом создание глубоких имплицитных предпочтений по целому ряду категорий, включая, но не ограничиваясь ими: потребительские товары, бренды и корпорации, политические и религиозные идеологии, индивидуальное и групповое поведение. Приоритетными рынками являются США, Россия, Китай, Ближний Восток (*см. Приложение II для индивидуального SWOT-анализа…*

** Коммерческий: внутренний и международный*
** Промышленный: занятость и производство*
** Культурный: религиозные группы и группы по интересам*
** Политический: внутренние и международные* (*демократии*)
** Политический: внутренний и международный* (*авторитар…*

Пока она читала, Никол комментировал эту беспорядочную информацию: удаленные имена файлов, фрагменты текста, маркированные списки, лишенные контекста.

– Вот это направление, – говорил он, указывая на *«Политический: внутренние и международные* (*демократии*)*»*, – учитывая, что рассказала твоя подруга Морган, может быть как-то связано с влиянием на результаты выборов, если, например, ассоциировать

политические кампании с положительными или отрицательными эмоциями. Что думаешь?

Кэсси медленно кивнула, покусывая ноготь большого пальца.

– А тут вот об имплицитных предпочтениях… чуть дальше есть про создание имплицитного предпочтения в отношении уступчивого поведения как гуманного способа борьбы с политическими беспорядками. Вот здесь, смотри. Явно лучше, чем слезоточивый газ и резиновые пули. Возможные рынки сбыта: Израиль, Турция, Центральная Азия…

– Но Морган не упоминала об этом. – Кэсси положила страницы на журнальный столик и отодвинула их в сторону. – Она ничего такого не говорила.

– Да, не говорила… а вдруг она и сама не знает? Они вполне могут держать ее в неведении. Например, ей предоставляют только необходимые данные, а это же не ее область, верно? Ее задача – изобрести технологию и заставить ее работать. А вот где и каким образом эта технология будет применяться, это уже не ей решать.

Кэсси наклонилась вперед и еще раз пробежала взглядом по тем местам, на которые указывал Никол. Есть, конечно, над чем подумать… но это, скорее, теоретические размышления.

– Если это действительно так… – При этих словах во взгляде Никола появились недоверие и жалость. – Нет, ты прав. Это наверняка всерьез. Но является ли это доказательством чего-либо… То есть я хочу сказать, достаточно ли этого?

Она ощутила груз предположений, который нес ее вопрос. Предположение, что она и Никол на одной стороне. Что его неодобрение систем, бюрократий, корпораций и, прежде всего, Игры Воображения, окажется достаточно сильным, чтобы воплотиться в действие. Что они хотят одного и того же, он и она; что в этом он все еще с ней. И вдобавок ко всему, предположение, которое подразумевалось под словом *«достаточно»*. Достаточно, чтобы, если все остальное пойдет не так, – если лекарство не сработает, если *она* не справится, – нашелся какой-то другой способ вывести IMAGEN на чистую воду, и Никол был бы готов довести дело до конца.

– Я продолжаю работать над сбором доказательств. – Он указал на настольный компьютер, стоящий рядом с ноутбуком, жесткий диск которого жужжал, проверяя слой за слоем защищенность сервера. С

журнального столика он взял пачку табака, папиросную бумагу «Ризлас» и принялся сворачивать папиросы. – И еще пару приятелей подписал на это.

– Никол, насколько далеко вы готовы пойти? – спросила Кэсси.

Он посмотрел на нее, продолжая деловито сворачивать папироску. Затем покачал головой, и у нее в груди все сжалось.

– Не так далеко, как ты.

Только сейчас до нее дошло, что она полагалась на него. От разочарования перехватило дыхание. Она постаралась изобразить улыбку:

– Ну, что ж, спасибо, что честно.

Он лизнул папиросную бумагу и запечатал утрамбованный табак. Провел большими пальцами по шву и предложил ей готовую папиросу.

– Нет, – пояснил он, увидев выражение ее лица, – я просто хочу сказать, что не собираюсь распылять в нос всякое таинственное дерьмо, изменяющее мозг. Кэсси, я понимаю, почему ты идешь на это, но… – Участие, хотя и тщательно скрытое, согрело ее, как одеяло. – Но все, что смогу, я сделаю.

Кэсси взяла предложенную им зажигалку, закурила и глубоко затянулась.

– Так-то лучше. – Облачко дыма окутало ее слова. – Ты в курсе, что твой кофе отвратительный?

– Да? Ну и ладно. Жалуйтесь руководству.

– Я так понимаю, это Джо?

Никол с улыбкой пожал плечами в знак согласия.

– Значит, говоришь, если еще что-то сможешь, то ты в деле?

– Да, продолжай.

Свободной рукой Кэсси почесала зудящие уши.

– Во-первых, мне нужно где-то остановиться, только до завтрашнего утра, пока лекарство не будет готово к работе. Во-вторых, нельзя рисковать, чтобы я заснула, во всяком случае, так близко ко всем вашим соседям… поэтому может понадобиться ваша помощь, чтобы не дать мне заснуть. И третье: ты сказал, что у тебя – или у Джо – есть машина…

Никогда еще время не тянулось так медленно. День и ночь: Кэсси расхаживала по квартире, пока Никол возился со своими

компьютерами; выкуривала в окно одну за другой самодельные папиросы; пила плохой кофе, пока не взбунтовался желудок и пришлось пить пинты воды; выползала на заросшую сорняками зеленую лужайку – побросать Лее размочаленный мячик; встав на колени у ванны, совала голову под холодный душ; пыталась, когда Джо вернулась с работы, заслужить одобрение главного повара, выполняя на кухне обязанности поваренка; включала на всю громкость стереосистему; набивала себя шоколадом. Около полуночи, когда уже ничто не помогало, Никол приказал Лее забраться к ней на колени и лизнуть ее в лицо, и эти влажные собачьи «поцелуи» оживили ее настолько, что они с Николом еще раз обсудили детали их плана действий, пока окончательно не утвердили его.

04:26. 04:27. Они вместе следили, как медленно сменяли друг друга цифры, показывающие время, на экране ноутбука. Кэсси представляла, как ее мозг подвергается последним изменениям, последней тонкой настройке. 04:28. 04:29. И когда часы, наконец, показали 04:30, она была готова к бою. Как живая граната. Она надела кроссовки и куртку. Протянула руку Николу, который уже снимал ключи от машины Джо с крючка у двери.

– Первый пошел, – сказала она, и Никол шутливо отсалютовал ей.

– Удачи, товарищ! Увидимся на другой стороне!

Глава сороковая

Свежий воздух, влажный от росы, с прохладным зеленым запахом, прогнал усталость. После стольких часов ожидания приятно снова действовать. Она быстро ехала по пустынным улицам, стараясь согреться, и через пятнадцать минут добралась до дома Льюиса.

Подходя к подъезду, она засомневалась, следует позвонить или воспользоваться своими ключами? Если просто открыть дверь и войти, пожалуй, так будет более естественно, решила она. В конце концов, разве раньше она не поступала именно таким образом? На площадке второго этажа, возле квартиры Льюиса, она снова остановилась.

Хитрость хорошей лжи заключалась в том, чтобы как можно меньше говорить. Кто же ее этому научил? Только не Алан, настолько открытый миру, что не смог бы убедительно соврать, даже если бы от этого зависела его жизнь. Может, Мэг, когда учила младшую сестренку скрывать последствия некоторых общих детских шалостей? Кто бы ей это не сказал, но именно Льюис показал, как эта теория работает на практике. Больше двух месяцев он почти ничего не рассказывал о себе, и это ее вполне устраивало. Потому что означало: она также может хранить свои секреты. По крайней мере, так она думала.

На самом деле, сейчас ее единственным секретом являлось лекарство, которое находилось в ней. И от нее требовалось только одно – скрыть этот факт от Льюиса и Освальда.

Она вставила ключ в замок. Перешагнула через порог. Сонную тишину коридора нарушил тихий стук, затем легкие равномерные шажки. В темноте появилась маленькая фигурка: Пита явилась проверить, кто пришел. Кэсси присела, и кошка подошла, приветствуя ее. В ответ она почесала Питу за ушком.

– Тебе уже давно пора на улицу, кити-кэт, – тихонько проговорила Кэсси. – Сейчас самое подходящее время для охоты.

Со стороны спальни донеслись медленные и тяжелые шаги. Когда она выпрямилась, в дальнем конце коридора стоял Льюис.

В темноте Кэсси не могла разглядеть его лицо. Она держалась свободно, раскрыв ладони навстречу ему.

– Мне жаль, что так получилось. Сердишься?

Его реакция на ее слова была непонятной, и Кэсси уже хотела включить свет, но удержалась. Темнота – полезный союзник не только для него.

Она видела, как он покачал головой.

– Просто волновался, вот и все. Прошло целых две ночи! Что случилось? Пошла покурить и исчезла… – Отлично сыгранная роль: беспокойство с легким оттенком праведного гнева. Он шагнул к ней, босой, в пижамных штанах. – Ты в порядке? Это они? IMAGEN?

«С ним так спокойно, – подумала Кэсси, – *а еще – комфортно»*. И она подошла к нему. Обняла за талию, прижалась щекой к его обнаженной груди, кожа к коже, пока от его запаха ее чувства не затуманились, и она охотно прильнула к его теплому после сна телу. Собственное тело привычно отозвалось на эти действия. Его руки сомкнулись на ее плечах. Интересно, почувствует ли она обман в том, как он держит ее?

– Я испугалась, – прошептала она ему в грудь. – Нужно было все обдумать. Побыть одной.

– Могла бы и позвонить. Хотя бы сказала, что ты в безопасности. Я ведь даже не знал, живая ты или…

Или умерла. Слово повисло между ними… «Как же он хорош», – думала она. Потому что нельзя оставить его там, это слово, это непроизнесенное слово, нельзя, чтобы оно тихонько гудело, не вызывая призрака мертвой подруги Льюиса… которая могла быть и настоящей, и выдумкой, но чье присутствие должно напоминать Кэсси о том, что они оба якобы кого-то потеряли. О том, как они похожи.

Вместе с этой мыслью она вдруг поняла другое. И постаралась не напрягаться в его объятиях, когда ее осенило, словно она уже знала, а потом снова забыла.

Разве он не был в ее снах с самого начала?

Если они с Льюисом подключались друг к другу через Игру Воображения… как у нее было с Аланом или с Морган… Это многое объясняло.

Все факторы присутствовали. Оба заядлые пользователи, значит, его сеть должна быть так же развита, как и ее. Расстояние и сон: они спали в одной постели в ту первую ночь, когда она осталась у него, лежали бок о бок, во время сна их сознания не могли блокировать связь.

И конечно, эмоциональный подъем. Горе, печаль, безнадежность. Но с ним она чувствовала по-другому. Возможно, их связывала потребность в утешении. И пока она охраняла от Льюиса свое прошлое, а он продавал ее будущее, их сети делали более доброе настоящее. Такое нежное. Такое близкое к исцеляющему.

Даже сейчас она чувствовала какую-то теплоту, которая смягчала враждебность по отношению к нему. Эта мягкость могла быть проявлением слабости, но могла оказаться и полезной. Если она позволит ей взять верх, наверное, получится убедить Льюиса, что она все еще верит в него.

– Ты такой милый и теплый, а там так холодно.

Он крепче прижал ее к себе:

– Тогда перестань убегать.

– Хорошо. Отличная идея. Постараюсь. – Она отстранилась, совсем чуть-чуть. Готовая принять то, что последует дальше. Пусть связывается с Освальдом, сообщает в IMAGEN о ее возвращении. Только быстро, чтобы она больше не думала об этом. – Возвращайся в постель. Еще очень рано.

Но Льюис не воспользовался предоставленным шансом.

– Только если ты так хочешь, – ответил он. – Ты устала?

«Да», – отозвалась та самая ее мягкость. Да, устала; да, могу разрешить себе тепло его постели, так, чтобы прижаться спиной к его груди, а его колени упирались бы в мои ноги.

– Нет, – сказала она вслух. – Я не устала.

– Если честно, я тоже. – Он разомкнул объятия. – Позавтракаем пораньше?

Он пошел впереди нее в кухню, щелкнул выключателем… и, когда из темноты возник коридор, она увидела велосипед.

Велосипед его подруги.

Значит, она все-таки была настоящей. Настоящей умершей девушкой. Похоже, Льюис прочесал все магазины велосипедов в городе. И выкупил его за гораздо большую сумму, чем та, за которую она его продала. И конечно же, он не мог не спросить у владельца магазина, как выглядел человек, продавший велосипед.

Льюис знал, что она сделала.

От стыда пол превратился в болото. И она потрясла головой, не желая, чтобы ее затянуло. Взгляд скользнул мимо велосипеда, и она

сделала вид, что ничего не заметила. Раз он не сказал про велосипед, то и она тоже не будет.

На кухне она сидела в ярком свете лампы, а он наполнял чайник, собирал кружки, заваривал чай. Она терла лоб, пытаясь избавиться от пронзительно резкого жужжания в голове.

– Они приходили за мной?

Он преувеличенно зевнул, пытаясь выиграть время, чтобы успеть придумать правдоподобную историю.

– Да, вчера. Молодой парень в костюме и женщина в возрасте. – Чайник со щелчком выключился, и Льюис, налив немного воды в заварочный чайник, ополоснул его, согревая. – Сказал, что не знаю, куда ты ушла.

– И их устроил такой ответ?

– По-моему, они не особо обрадовались, но что поделаешь?..

Поставив заварочный чайник на стол, он сел напротив нее. Протянул руку через стол и переплел свои пальцы с ее. Его глаза покраснели, белки стали розовыми. Похоже, что за все время ее отсутствия он почти не спал.

– Я рад, что ты вернулась. И с тобой все в порядке.

Его слова прозвучали искренне. Еще бы не рад! Какую бы сделку он ни заключил с IMAGEN, теперь она снова в силе, пока Кэсси здесь и верила всему, что он говорил.

Его темные волосы сбились набок, напоминая, как он недавно лежал на подушке. Ей хотелось протянуть руку, позлить его, поправляя ему волосы, хотелось выплеснуть ему в лицо чай, накричать на него, поинтересоваться, как он мог поступить так с ней и продолжает поступать сейчас, – сидеть, держа ее руку в своей, и лгать, лгать, лгать. Молча, она маленькими глотками отхлебывала из кружки чай. Ждала, что он выйдет из комнаты, отправит сообщение или шепотом скажет по телефону: *«Она вернулась, приезжайте и забирайте ее, пока снова не сбежала…»* Но он никуда не отходил от нее. Просто сидел напротив, и от его кожи волнами исходило тепло. Почему он не докладывал о ней? Может, этот последний момент предательства оказался тяжелее, чем он ожидал. Вот что ей сейчас нужно меньше всего, так это чтобы его совесть била ключом. Что там происходило за этим гладким лицом? Какие чувства бурлили у него под кожей, такие же, как у нее?

– Слушай, хочу кое-что сказать тебе. Вернее, спросить.

Он едва заметно насторожился. Медленно поднес кружку к губам и сделал большой глоток.

– Ладно, конечно…

– Я не из тех, кто любит говорить о чувствах. И ты, наверное, уже понял это.

По его лицу пробежала тень улыбки.

– Есть такое.

– Но когда IMAGEN вернется за мной, – а они вернутся, – я не знаю, что будет дальше. Поэтому я бы хотела сказать это сейчас. С тех пор, как мы встретились, я чувствую настоящую связь. Как будто мы сразу стали очень близки. Будто мы очень похожи, будто я встретила человека, кто… отзеркаливает меня. Будто ты понимаешь меня. – Она пристально посмотрела на него, заметив, что его щеки покрылись легким румянцем. – Так только у меня? Мое воображение разыгралось?

Впервые за это утро Льюис опустил глаза. Посмотрел на стол, потом снова поднял взгляд.

– Нет, я тоже почувствовал это. Все, как ты описала.

Ей хотелось верить ему. Хотелось не сомневаться, что он тоже ощутил эту связь. В общем-то, это не должно иметь значения… но имело. Да, имело.

– Я когда-нибудь снилась тебе?

Он заморгал.

– Наверное… да. – Он постучал указательным пальцем раз-другой по кружке, которую держал. Может, просто нервничал. Любой занервничает от такого разговора. Беда в том, что, если он лгал с тех пор, как они встретились, она и понятия не имела, как он выглядел, когда говорит правду.

– Когда? – спросила она. – Когда я появилась в твоих снах в первый раз?

– Наверное… в первую ночь, когда ты осталась у меня. – Он кивнул, всего один раз, словно соглашаясь с самим собой. – Да. Именно. Тогда ты и приснилась мне. – Взгляд его темных глаз оставался непроницаемым. – Я запомнил, потому что это был хороший сон.

Кэсси почувствовала своего рода облегчение. Возможно, он по-прежнему лгал ей, но его слова заставили ее утвердиться в мысли, что не такая уж она идиотка, чтобы просто доверять ему. Потому что все это имело смысл: время, сны, быстрота, с которой она почувствовала себя с ним как дома. И значит, ее чувства к нему – не более чем химическое состояние, причем аддиктивное, созданное гормонами и нервными механизмами. В определенном смысле, как IMAGEN использовала его, чтобы добраться до нее, их биомолекулярные сети делали то же самое.

Она не несла ответственность за свои чувства. Не несла ответственность за то, что влюбилась в него. Ничто из этого не являлось правдой.

Похоже, это облегчение отразилось у нее на лице. Теперь, внимательно наблюдая за ней, он хмурился.

– Почему ты спрашиваешь? – поинтересовался он. – Какая разница, когда я впервые увидел тебя во сне?

Неожиданно она почувствовала, как ее ладони и подмышки стали мокрыми от пота. Задавая неправильные вопросы, она зашла слишком далеко. Никогда она еще не видела его глаза настолько прищуренными.

– Да никакой… – ответила она. – Просто интересно… – И тут загудел домофон.

Она вскинула голову, чай выплеснулся из кружки на стол. Она растерянно посмотрела на Льюиса. Он же все время находился рядом с ней, без малейшего шанса связаться с Освальдом. И вдруг она поняла: он уже связался с ними. Слышал ее шаги на лестнице, слышал, как она отперла дверь, как шепотом разговаривала с кошкой, и, прежде чем выйти к ней в коридор, доложил о ее возвращении в IMAGEN.

– Это они, – произнесла она, и Льюис кивнул.

– Наверняка, больше некому.

Теперь его вранье казалось каким-то искусственным. Никакого притворного беспокойства. Если бы она передумала, он не стал бы защищать ее. Ничего, кроме безразличия, затаившегося в глубине его глаз. Уже почти встав со стула, он спросил:

– Я открою?

На мгновение она застыла. Затем вскочила на ноги, чуть не опрокинув стул, и торопливо последовала за ним. Почему-то захотелось спуститься самой.

– Не надо, не открывай. – Льюис помедлил, занеся руку над кнопкой домофона. – Я встречу их внизу. Мне бы хотелось так.

Пожав плечами, он отпер дверь и отступил в сторону.

Кэсси прошла через прихожую, стараясь не смотреть на велосипед. Остановилась в дверях, на лице – неловкая улыбка.

– Ты не пожелаешь мне удачи?

– Конечно. – Льюис коснулся ее плеча и с отсутствующим выражением лица произнес: – Удачи тебе, Кэсси!

Она не успела еще спуститься до середины лестницы, когда услышала, как за ней захлопнулась входная дверь.

В этот момент она порадовалась, что продала велосипед его покойной подруги. Это было самое меньшее из того, что он заслужил.

Глава сорок первая

Уличные фонари все еще горели на фоне яркого рассветного неба. На пороге она остановилась, понимая, что именно поэтому хотела спуститься одна: это нереальное, промежуточное мгновение, дар всего оставшегося времени.

Пассажирская дверь Audi распахнулась. Освальд стоял, с улыбкой показывая ей на заднее сиденье машины.

– Кассандра, я так рад, что ты готова. Лучше поздно, чем никогда, если ты простишь мне, что напоминаю эту старую истину. – Открыв заднюю дверь машины, он жестом пригласил ее садиться.

Она пригнулась, проскользнула на сиденье. Пусть сам закрывает дверь. Послышался щелчок центрального замка. Впереди – темно-русый боб: та же женщина за рулем. Не удержавшись, Кэсси повернула голову, чтобы в последний раз взглянуть на квартиру Льюиса, которая все еще казалась такой безопасной. Взгляд скользнул по окнам в поисках хоть кого-нибудь, кто бы ее высматривал. Но стекла оставались темными и пустыми, и никто не провожал ее. Ни Льюис, ни даже кошка.

Машина отъехала от тротуара, и дом исчез из виду.

Кэсси сглотнула. Провела языком по пересохшему рту.

– Я так и не узнала вашего имени… – сказала она и увидела в полоске зеркала, как невыразительный взгляд женщины на секунду задержался на ней, а затем снова устремился на дорогу. Освальд, как всегда занимавший пассажирское сиденье, даже не шевельнулся. – Ну да ладно. Вряд ли это так важно. Просто хочу сообщить: вам не нужно беспокоиться о том, чтобы вернуть мне работу… или позволить вернуться в Игру Воображения.

Она все продумала, что ей нужно говорить, чтобы не упустить наилучший шанс выбраться отсюда. Только мысли путались. Движение машины вызывало у нее тошноту, голова гудела, в глазах рябило. Она стиснула зубы, и неважно, если они увидят ее страх. Нормальное же чувство? Любому было бы страшно.

– Как я уже говорила раньше, я делаю это ради моего друга, чтобы прекратились подключения. И не более того. И я не угрожаю, что

расскажу кому-либо о том, что знаю, поэтому вам не о чем беспокоиться. Только… если сегодня по какой-то причине я не вернусь… может, вам и стоит побеспокоиться о том, кому и что я рассказала. Что может просочиться в интернет, скажем так.

С передних сидений никакой реакции не последовало. Освальд и женщина с невозмутимым видом смотрели прямо перед собой. Такое ощущение, что она уже умерла, исчезла из этого мира, который, казалось, давил на нее, сгущая собственные краски. Низкое солнце освещало здания, аллею деревьев. Любой бы испугался, а она… она была просто в ужасе. От Освальда, от женщины, от того, что они могут сделать. От сущности внутри нее, живого существа, вызывающего сбои в работе ее мозга. От того кошмара, который ждал ее в клинике.

И от ее самого большого страха, что препарат не сработает.

> Они не отпустят ее просто так… Вот о чем говорит их безразличие. Вот во что они верят и заставляют поверить и ее. Исходя из того, что ей рассказала Морган. Возможно, уже через полчаса она будет мертва. Мертва или, еще хуже, сломана, угодившая в ловушку в собственной голове, а сама голова испортится и будет работать со сбоями. Но она должна верить в противоположное: у нее получится выполнить то, что она обещала, получится выжить невредимой, с нетронутым умом… Остается только надеяться…

…надеется, что он сразу вернется в сеть, обратно в Игру Воображения. В руке мирно лежал приемник, осталось только включить. Он свою часть сделки выполнил. Больше нет необходимости прятать приемник под носками и бельем, в глубине ящика комода. Теперь, когда все кончено, и Кэсси забрали, на этот раз она ушла навсегда. В самом конце она как-то странно говорила, не похоже на нее. Спрашивала о снах. Даже не хочется вспоминать об этом, не хочется признавать, что он никогда не желал появления Кэсси в своих снах. Самое трудное… две ночи назад он наблюдал со стороны, как Кэсси погрузилась в Игру Воображения и нашла того, кого потеряла. Все, чего он хочет, – вернуться к *ней*, но что, если не получится? Он так старался запомнить, сохранить каждую ее

мельчайшую черточку, но с недавних пор не может вспомнить ее голос, интонации, забыл, как она говорит. Три месяца без Игры Воображения… как он мог забыть ее так быстро? Получится ли сейчас вспомнить ее? Надо потренироваться, пока он ждет. Практика в реальном мире. Вспомнить ее глаза. Ее смех. Нет, это не ее смех, так смеется Кэсси… давай еще раз. Вспомни ее смех… держись за него и не отпускай…

> …отпустить все: она должна быть готова. Наверное, это даже нетрудно… Ведь что, собственно, держит ее в этом мире? Она не связана… свободна от семьи, свободна от любви, от мыслей и от реальности. Так разве не забавно, какой подключенной она чувствует себя… теперь в первый раз думая о том, чтобы оставить все это…

…все будет улажено, через час… понятное дело, девчонку нельзя оставлять бродить по свету, чтобы она рассказывала каждому встречному, что именно она обломала подключения, в этом у них с Эриком нет разногласий, и даже министерский советник признает, что несчастные случаи иногда происходят. В самом деле лучше всего, если девушка просто… если она никогда не придет в себя. Назовем это срывом. Он легко мог случиться, учитывая, ее состояние в прошлый раз. Ну а если нет, если ему придется… Он все сделает. Проследит, чтобы все прошло как надо. Пока она не подключилась, не распространила обновление, она является решением. Как только она выполнит свою работу, она станет проблемой, с которой так или иначе придется разобраться сразу.

Именно сразу, не откладывая в долгий ящик, и конец беспокойству, конец неопределенности. И впервые за долгое время он сможет расслабиться, никогда еще он не ощущал такого давления на себя. Боже, как же здесь душно! Открой это окно, просто небольшой зазор, всего лишь немного воздуха…

> …воздух, сквозь который она движется и который движется сквозь нее… ранний утренний свет, прижимающий к окнам молочную белизну… само солнце… люди, окружающие ее, все эти незнакомцы, сотни тысяч их,

спящих или бодрствующих, дышащих и мечтающих, держатся близко друг к другу внутри большого города… а дальше, миллионы и миллиарды людей медленно вращаются под солнцем или под луной… связанные даже с тараканами, что прячутся в стенах ее комнаты, даже с ними. Кожу покалывает, молекулы, которые заставляют ее касаться себя, искрятся и ликуют, резонируя с молекулами, которые составляют ее сейчас и здесь…

…вот опять дежавю. Та же девушка на заднем сиденье. Освальд снова занимает слишком много места на пассажирском сиденье. Она не склонна к фантазиям, но готова поклясться, что чувствует их, когда тормозит машину, чувствует темное притяжение клиники. И скверну, которая растекается отсюда, поражая дома и гостиные, спальни и сны… Похоже, эту технологию придется уничтожить безвозвратно: она настолько испорчена, что никогда не будет работать как надо. Все, что в ней есть, это одна большая человеческая ошибка. К счастью, не ее, потому что, если сейчас препарат не сработает, никто другой – министр, ученые, Том Освальд, их генеральный директор – никто из них не удержится на своем месте. Их похоронят знания, одобрения, сокрытие, и только она снова ускользнет в профессиональную невидимость. Так или иначе все уже почти кончено…

…ну вот, путешествие закончилось, под колесами шуршит гравий, потом машина наезжает на какую-то рытвину, и она понимает, что они прибыли, и Освальд дает ей минимальный выбор. Это или это: приемник или игла. Как он добр, позволяя ей выбирать. А может, дело и не в доброте, может, он просто догадался, что она трусит… Приемник скользит в руках… ее бьет дрожь, она вся в поту, и он, как мать или сестра, наклоняется к ней и аккуратно закрепляет приемник на ухе… украшение, смертный приговор… и она хочет сказать *«Нет»*, но уже слишком поздно, хочет сказать *«Я передумала»*…

…эти умы ждут ее… Кассандра предупредила, рассказала, на что будет похож этот сущий ад, но она здесь ради Мики. Сидя на переднем

сиденье, совсем недалеко от закрытого отделения, она наблюдает, как серебристая Audi ползет по склону и почти исчезает в кустах. Кассандра понимала, что с ней может случиться, но все равно пошла на это… и, в каком-то смысле, именно поэтому она сейчас здесь, вопреки самой себе. Храбрость Кассандры показала ей, для чего стоит жить: ради Мики. Ради Мики. Если лекарство сработает, – и, пожалуйста, пусть оно сработает! – кто-то же должен распространить его. Должен стать связующим звеном между закрытым отделением и внешним миром, и этим кем-то придется стать ей. Она никогда еще не была такой храброй. А теперь не отвлекайся! Держи приемник наготове. Надень его… палец дрожит, готовый нажать кнопку включения…

> …погрузилась мгновенно… месиво умов, и ее затопило… визг бойни. Высокий пронзительный крик… кроваво-красный цвет свежего убийства… то, что должно быть сокрыто, разорвано на части, вытащено на открытое место, все еще живое… и сквозь оглушительный, разрывающий мозг вой она пытается слушать, пытается услышать его. Услышать *Алана*. Пытается почувствовать его, прикоснуться к нему… найти ритм, о’кей, о’кей…

…о’кей, но ничего никогда не будет, ничего и никогда, его снова поймали, и так ночь за ночью, бесконечная борьба; зубы, растущие под углом, впиваются глубоко, хваткой пираньи, острый как нож капкан…

> …она в ловушке, и внутри черепа дрожит податливая ткань мозга, скользкая струящаяся змея с зубами, скошенными до сверкающих точек, разворачивается и поднимается, готовая вонзить клыки в дряблую материю, которая тянется у ее спины, но вместо этого челюсти широко раскрываются, разжимаются и заглатывают…

…целиком заглатывает, пока ужас не становится кислотой, которая все затопляет, переваривает, затекает снаружи внутрь, изнутри наружу… пока ты сам не становишься этим ужасом…

> …ее сущность сожрана, и по мере того, как она умирает, все другие сущности тоже умирают, весь этот разгул разлагающихся умов постепенно гаснет… и каждый раз небольшая яркая вспышка с кроваво-красным послеобразом… отголоски душ в темноте. Затем – тишина. Затем – ничего. Затем – поле битвы по окончании…

…неторопливо идет, совсем обыкновенный, все так, как она ему сказала, обычный человек, выгуливающий собаку… «Лея, рядом!» – обычный человек, выгуливающий собаку, с самодельным электромагнитным импульсным устройством, которое лежит в кармане вместе с пакетиками корма… Рука свободно держит в кармане пучок проводов и печатную плату, и человек надеется, что правильно рассчитал время. Водитель видит его… поворачивает ключ в замке зажигания… но человек с собакой уже достаточно близко, он нажимает переключатель и *бум!* прямо по сигналу. Воет сигнализация, водитель в панике пытается выключить ее. Но удача на их стороне: электромагнитный импульс заставил сработать сигнализацию, а значит, двери не заперты… Да! И он направляется прямо к заднему сиденью, и… Господи! Ладно, она предупреждала… *«Кэсси, какого хрена? Что они с тобой сделали?»* С переднего пассажирского сиденья выходит какой-то мужик, крупный такой, но уже немолодой. И человек негромко подает команду Лее, и эта хорошая девочка вовсю лает, рычит и скалит зубы. Сигнализация сделала свое дело и, наконец, замолчала. Двери клиники открываются, в окнах загорается свет… Мужик садится обратно в машину, и водитель собирается выехать из кустов, но человек уже просунул руки под мышки девушки, – она вся мокрая насквозь, – и вытаскивает ее из машины. И все это время Лея, словно обезумев, лает. «Лея, рядом! Лея!» В кустах Кэсси тяжело висит у него на плече, и им остается только вернуться на дорогу, где стоит его машина… Именно об этом он и говорит ей, а она едва передвигает ноги, не в силах даже пошевелить языком, и никто не знает, слышит ли она его, понимает ли смысл его слов, но он все равно продолжает говорить с ней. Они же доберутся? И под его разговоры они шаг за шагом пробираются сквозь кусты. Он, Кэсси и Лея. Они обязательно доберутся. И справятся. Наверняка доберутся…

Глава сорок вторая

– Конечно, она наверняка проснулась.

Голос раздается где-то вдалеке. Дальше по коридору, в соседней комнате. Где-то близко и далеко.

В ногах, на краю кровати, лежит что-то тяжелое. Но оно не беспокоит ее. Теплое и плотное. Она прижимается к нему, тихонько толкая одной ногой, и оно шевелится… увиливает… уходит.

Маленькие ножки убегают прочь. Неподалеку слышится скрип двери.

– Она проснулась! Проснулась!

Кэсси открывает глаза. Комната залита солнечным светом, потолок украшают тени танцующих листьев. Она моргает. Приподнимается на подушках. В дверях стоит Мэг. Элла выглядывает из-за ног матери и протискивается в комнату. Залезает обратно на кровать.

– Элла, не мешай…

– Все в порядке, – говорит Кэсси. – Она не мешает. Нисколько.

Мэг улыбается, и от этой улыбки у нее вокруг глаз появляются морщинки. Улыбка расплывается так широко, что кажется, будто приподнимает даже уши.

– Ты неплохо поспала.

Так ли? Кэсси пытается вспомнить. Она находилась в машине… сеанс Игры Воображения, а затем…

Мэг словно слышит ее невысказанный вопрос.

– Твой друг… он привез тебя. Позвонил, очень сильно волновался, и я сказала: «Вези ее прямо сюда, здесь мы присмотрим за ней». Мы все очень беспокоимся. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. – Кэсси проверяет свой ответ, «сканируя» себя на предмет повреждений, потерянных данных, ухудшения любого рода. Она чувствует, как по телу пробегает дрожь, долгая, теплая и приятная. Движения головы и шеи, изгиб плеч и размах рук плавные, и все другие суставы, мышцы и сухожилия расслаблены, будто совсем недавно смазаны массажным маслом. – Просто отлично, – подводит она итог проверки.

Элла стоит теперь на кровати и чуть-чуть подпрыгивает на матрасе.

– Элла, слезай, – говорит Мэг. – Пусть Кэсси придет в себя!

– Но сначала, если хочешь, можешь обнять меня. – Кэсси протягивает к ней руки, раскрывая объятия. – Ты такая милая.

Племянница приземляется у нее в объятиях. Прижимается щекой к щеке Кэсси, и ее губы издают хлюпающий звук. От нее сладко пахнет спреем, который Мэг наносит на ее непослушные волосы.

– Ой, еще и поцелуй! Спасибо, моя дорогая!

– Ну, ладно. – Мег подходит и становится рядом с ними. – Давай-ка, помоги мне приготовить завтрак для тети Кэсси, хорошо?

А Финн… Кэсси уже собирается поинтересоваться, где он, но тут замечает племянника у двери.

– Ты что, стесняешься? – спрашивает она.

Мальчик мотает головой, и слишком длинная челка падает ему на глаза.

– У тебя было оружие? – задает он вопрос в ответ.

– Оружие? Когда?

– В бою. Мама сказала, что ты сражалась с кем-то, кто гораздо больше тебя, и поэтому так долго не приходишь в себя.

Кэсси смотрит на Мэг, которая качает головой.

– Ну-ка, иди сюда, я тебе все расскажу. – С этими словами она похлопывает по одеялу – по свободному месту рядом с ней, и Финн запрыгивает на кровать. – У меня было не обычное оружие, – произносит она тихим голосом, каким сообщают тайны, – а набор приказов. Или специальных команд.

– Что, как заклинание? – Он недоверчиво смотрит на нее, зная, что так не бывает.

– Гм… типа того. Скорее, как команда, которую ты отдаешь своему компьютеру.

Мэг прерывает сестру, и ее голос звучит серьезно.

– Кэсси очень храбрая. Поэтому она победила.

Кэсси бросает на нее вопросительный взгляд: *«Значит, сработало? Лекарство подействовало?»* Она не может поверить, что забыла спросить об этом. Она должна была задать этот вопрос самым первым. Но потом до нее доходит: она и так уже знает ответ. Она

чувствует его, внутри себя. Там, где были тоска, потребность, стремление к подключению, теперь все завершено.

– Моя храбрая сестренка, – говорит Мэг.

Несколько секунд кровать держит всех четверых, обнимающих друг друга. Затем Финн вырывается из объятий, и Элла следует за ним. На мгновение Кэсси задерживает сестру, волосы Мэг щекочут ей нос.

– Ладно, теперь я действительно позволю тебе встать. – Мэг мягко отстраняется. – Но не торопись. Завтракаем, как только будешь готова.

Мэг приготовила для нее одежду, аккуратно сложив ее на сундуке, том самом, который раньше стоял у них дома в комнате для гостей. Она не помнит, как он перекочевал к Мэг, и может поклясться, что в конце концов он оказался на витрине магазина Бетани, мимо которой она проходила из недели в неделю, пока наконец его не продали кому-то, – потеря и облегчение в равной мере. Их старая лошадка-качалка, Браун Бьюти, с потертой подлатанной шерсткой, тоже здесь, спряталась в углу… И даже ковер ей знаком: концентрические круги в зеленых, коричневых и желтых тонах, как на их детских фотографиях.

Она натягивает джинсы, жесткие после стирки. И свою старенькую футболку с надписью на спине «Улыбайся и беереги». Она надевает ее через голову и читает спереди перевернутые слова: «Счастливые будни прекрасно». В самом низу этой стопки – пушистая шерстяная вещь всех оттенков оранжевого. Кардиган их матери. Кэсси подносит кардиган к лицу и зарывается в его мягкость. Еще можно уловить едва заметный запах ландыша. Она надевает кардиган, но никак не может отыскать пятно, ставшее причиной их ссоры с Мэг.

В кухне, со своей семьей, она ест нежнейший, необыкновенно желтый омлет. От одного вида апельсинового сока, невероятно яркого в лучах солнца, ее заполняет ликование. По радио передают новости – предупреждение об ухудшении ситуации с прибылью IMAGEN, об увольнениях и отставках на самом высоком уровне. *«Морган,* – думает она, *– наверняка это Морган подняла шум, наконец-то решившись все исправить»*.

Мэг, похоже, догадывается, о чем она думает.

– Это из-за тебя, да? – спрашивает ее сестра. – *Тут точно не обошлось без тебя.*

– Теперь все кончено, – отвечает Кэсси. – Давай выключим новости. И послушаем музыку.

Финн и Элла хотят печь пирожные и уже ищут в шкафах кухонные принадлежности и продукты. А Кэсси пьет из стакана солнечный свет и хочет пойти на улицу.

– Как насчет прогулки в парке? – задает она вопрос. – А пирожными можем заняться днем.

Дети полны энергии и весь путь до «Хорошего парка» проходят сами, без жалоб. Когда они переходят дорогу, в каждой руке Кэсси уютно устраивается по маленькой ручке.

Парк насыщен светом: небо – высокое, мерцающее, голубое, трава – сочная, густая, зеленая, парк развлечений – такой же оживленный и яркий, каким Кэсси видела его. Ветер гладит верхушки деревьев, колышет листья. Картаво воркуют голуби. Качели, горка, карусель… за ними фургончик с мороженым играет мелодию Крысолова[25], и Кэсси покупает каждому по леденцу. Отдает свое шоколадное мороженое Финну, когда тот уронил свое. Да и в любом случае она не любит шоколадное мороженое, потому что шоколад остается слишком холодным и не тает, а во рту остается привкус мучнистого жира.

На обратном пути она везет Эллу на спине. Радуется, что эта маленькая обезьянка, ее племяшка, прижимается к ней, обхватив за шею. Вес у нее в самый раз.

Внизу чудесные пирожные отправились в духовку. Кэсси сидит на кровати с планшетом в руках. Она готова бороться, чтобы получить информацию, готова нагло врать, притворяясь тетей или давно потерянной сестрой. Но вот к чему она совсем не готова, так это к предложению администратора клиники «Рафаэль-Хаус» поговорить с самим Аланом.

Интересно, как все принимают врачи, медсестры, санитары? Кэсси представляет, как у целого отделения пациентов внезапно проясняется ум. Санитары вооружены медикаментами, дополнительными к тем, которые уже назначены. Система ухода, контроля, конфиденциальности начинает трещать по швам, когда пациенты, обретя действительность заново, требуют контакта с внешним миром.

Она ждет, и планшет скользит в ее вспотевшей руке.

Когда Алан говорит, он произносит ее имя. Голос у него такой же, как и всегда. Она слышит свое имя, произнесенное его голосом, и все остальное теряется за пульсацией ее крови.

– Ты узнаешь меня, – говорит она.

Они разговаривают несколько часов, или им так кажется.

– По тому, как ты выглядела в своем армейском платьице, я понял, что ты сильная. Не сомневаюсь, ты из кавалерии.

– Я всегда верила в тебя. И никогда не прекращала верить.

Он еще не готов к встрече с ней. Не узнает себя, так он говорит ей. И это нормально. Она чувствует то же самое. Ее смущает мысль о нем в этом теле. Хочется услышать его прежний голос и увидеть его тоже прежним… молодым человеком, которого она так хорошо знает. В конце концов, она так долго ждала. Когда он будет готов?

– Скоро, – говорит он, и ответ успокаивает ее, приносит радость.

Он идет на поправку. За всем, что он говорит, ей слышится обещание. Скоро они будут вместе, и годы, которые они провели по отдельности, исчезнут навсегда, будто их никогда и не было.

Они увидят друг друга. Не сегодня, не завтра, но, возможно, послезавтра.

Пока Мэг готовит ужин, Кэсси читает детям сказки на ночь. Сначала книжку с картинками, выбранную Эллой. *«Совенок, который не хотел летать»*.

Кэсси тихонько постукивает указательным пальцем по яркой обложке:

– Это мама выбрала для тебя сказку?

– Нет, – отвечает ей Элла. – Я сама выбрала ее. Это моя любимая книжка.

Финн приносит книгу о динозаврах. И Кэсси узнает в ней ту, что послала ему на шестой день рождения.

– Финн, скажи честно, мама выбрала эту книгу, чтобы я почитала ее тебе?

– Нет, честно. Это моя лучшая книга.

В кухне ее ждет бокал вина, на том же самом месте, где утром стоял апельсиновый сок. Поймав солнечный луч, вино становится

густым и медовым. Мэг сидит напротив. Между ними – подставка для торта, уставленная чудесными пирожными. Покрытыми, словно сверкающими драгоценностями, глазурью, розовой, голубой и желтой, и увенчанными блестящими красными вишенками.

– Похожи на те, из нашей книжки, – говорит Мэг. – Помнишь ее?

– Со сбежавшим слоном?

Мэг права. Пирожные, которые они с Эллой и Финном испекли, прямо как с картинок из той старой книжки. Есть с кем вспомнить. В груди становится тепло. Она указывает на зонтичное растение в углу, похожее на другое воспоминание, точно такое же, высокое и широкое, как ее собственная шеффлера. От вида этого растения она становится совершенно счастливой. Единственное отличие: эта шеффлера цветет. Красивыми, нежно пахнущими цветами всех оттенков оранжевого, с пухом тычинок.

– У меня точно такая же! – восклицает она, обращаясь к сестре.

Им не нужно говорить о том, что было раньше. Оно прощено и забыто. Его никогда не было.

– Можешь моргнуть для меня? Можешь открыть глаза?

Глупый вопрос. Конечно, она может открыть глаза. Утро. Листья танцуют на потолке, солнечный свет и тени. Она откидывается на подушки, оглядывается в поисках того, кто пытался разбудить ее. В спальне никого больше нет, но снизу доносятся звуки завтрака. Она надевает джинсы, свою великолепную футболку «Счастливые будни прекрасно», кардиган. Глубоко вдыхает, раскрыв рот, пытаясь уловить запах ландыша, но аромат уже почти незаметен.

В кухне стакан апельсинового сока блестит на солнце.

Дети идут всю дорогу до «Хорошего парка» без жалоб. Мерцающий голубой, сочный ярко-зеленый. Ветер колышет деревья. Кэсси съедает половинку своего мороженого, остатки отдает Финну, недоеденные хлопья – Элле.

– Только маме не говори! – Ее рот измазан дешевым шоколадом, из тех, что не тают.

Днем они пекут пирожные. Расставляют их на подставке для торта: пастельно-розовые, желтые, голубые. Прямо как с картинки из

книжки со сказками.

Когда она говорит с Аланом, ее планшет – как волшебная лампа, и он появляется, словно джинн. Бестелесный и все-таки настоящий: она видит его не юношей, каким он был, но молодым мужчиной, каким он мог бы быть. Мужчиной, каким все еще может стать. Все еще золотистым, все еще сияющим, с веером морщинок в углах глаз и пятном синевы под ними. Его челюсть немного расслабилась, стала немного тяжелее.

Она скоро увидит его. Не сегодня, не завтра, но, возможно, послезавтра.

Они разговаривают несколько часов, или им так кажется.

* * *

Три сказки на ночь, а Элла не хочет спать.

– Нет, не конец, давай придумаем продолжение, – говорит она. Сморщив носик, она закрывает глаза. Ей очень нравилась эта игра. Кто бы мог подумать!

В бокале Кэсси отражается вечернее солнце. Цветы на зонтичном растении увядают, их лучшее время прошло.

– И как долго это будет продолжаться?

Кэсси переворачивается на другой бок и глубже забирается под одеяло. Она с радостью подождет, говорит она ему. Пусть не сегодня, не завтра. В конце концов, она так долго ждала.

– По-моему, мы должны отвезти ее в больницу…

В больницу, сейчас? Алан готов к встрече с ней? Она открывает глаза. В комнате никого нет. Листья-тени танцуют на потолке.

Сегодня утром звуки завтрака внизу приглушены, словно стараются не разбудить ее. В голове единственная мысль – об апельсиновом соке: ей вдруг страшно хочется пить, будто уже несколько дней во рту не было ни капли воды.

Джинсы. Футболка. Надпись вверх ногами: «счастливая вечная жизнь».

Она напрягает слух, пытаясь уловить звук кипящего чайника, звон тарелок, ножей, вилок и ложек. Но везде тишина. Все молчит. Будто она одна в доме, будто все покинули ее.

Она поворачивается к зеркалу спиной и читает…

УЛЫБНИСЬ И СПИ-И-И

Дрожащими руками она берет планшет. Звонит Алану. Слышит, как он все тем же голосом произносит ее имя.

– Почему ты ответил? – спрашивает она.

– Потому что ты позвонила мне.

– Но почему не администратор?

– А, ты про это, второстепенные детали, о которых не стоит и говорить. Не обращай внимания!

Но теперь она начала замечать эти детали и уже не может оставить их без внимания.

– Шоколад не тает.

– Разве это так важно? Нельзя же постоянно все делать идеально.

– Это всегда было важно. И потом, зонтичное растение. Я никогда не видела ни одного такого цветущим.

– Те цветы… Они все равно уже отцвели.

Так и есть. И еще кое-что. Она смотрит на кардиган, бледный и выцветший. Хочется коснуться его мягкой вязки, но ощущение такое, будто на руках надеты перчатки.

– Наверное, я устала, – говорит она, – и у меня больше ничего не получается. – Она сидит на полу, прислонившись спиной к стене. Оглядывает комнату. Сундук, ковер, лошадка-качалка – все вещи, что остались в ее прошлом. – Извини, но, по-моему… возможно, ты не настоящий.

– Нет же, – отвечает он, – полагаю, что нет. Судя по всему, ты… ну, ты понимаешь. Создаешь меня силой своего воображения. Но послушай, если тебя это утешит, ты отлично справляешься. Просто замечательно. Разве ты так не считаешь?

– Справляюсь? Или, по крайней мере, справлялась. Но теперь уже нет. Есть перерывы… и все становится каким-то бледным. Будто что-то заканчивается. Алан…

– Я здесь.

– Алан… раз уж ты все равно ненастоящий, может, забудем про планшет? Я хочу, чтобы ты был здесь.

– Как скажешь.

И вместо стены она сидит, прислонившись к нему, прижимается к его плечу, его руки обнимают ее. Она не открывает глаза. Она устала, очень сильно устала… Такая тяжелая работа – создавать. Силой своего воображения. Она концентрирует внимание на его тепле. На его твердости. На его голосе, который произносит ее имя.

Она хотела бы остаться здесь, в этом счастливом финале. Но ее внимание трепещет, органы чувств слабеют. Может ли она остаться, даже если ее воображение не работает? Остаться, когда краски тускнеют… запахи исчезают… и даже его голос начинает дрожать? В реальном мире она где-то в безопасности? Есть ли люди, которые заботятся о ней, как Мэг присматривала за ней здесь? Без еды, без воды, как долго она продержится? В реальном мире, будет ли хоть что-то из этого правдой? В реальном мире, они победили?

А если она захочет выбраться отсюда, ей разрешат? *Оно* позволит ей? То живое существо внутри нее?

Армейское платьице давно исчезло, но битва еще не закончилась.

– Только не говори мне, что так было всегда. Не говори мне, что ты никогда не был настоящим. Ты и я.

Его дыхание касается ее щеки, когда он отвечает:

– Ты же понимаешь, я никогда тебе этого не скажу.

– Не могу поверить, что я снова так поступаю. Снова покидаю тебя. – Она прижимается к нему лицом, прижимается к его шее, старается запомнить его тепло на своей коже. – Даже не знаю, сработает ли. – Она вдыхает его и задерживает этот вдох внутри себя.

– Послушай, – говорит он.

Она подбирает слово:

– Это неневозможно…

Думает это слово.

– …ничего из этого невозможно…

Стоп.

Глава сорок третья

Что-то тяжелое в ногах.

Она пошевелилась. Боль пронзила лодыжку, стремительно взлетела вверх по ноге. Издала отрывистый звериный звук и замерла.

Ей все приснилось. Где-то в безопасном месте. Но она не могла вспомнить ни сам сон, ни его подробности. Только ощущение. Последние яркие клочки счастья.

Голоса. Дальше по коридору, в соседней комнате. Близко и далеко.

– …правда, очень беспокоюсь…

– Я понимаю, просто она сказала, что может…

Эти голоса она не знает.

Она нырнула на глубину, подальше от боли и звука чужих голосов. Потянулась к своему сну.

– …по крайней мере, врач.

Врач. Она в больнице? Дверь заперта, окно высоко. Ей нельзя закрывать глаза. Она должна неотрывно смотреть на квадрат света, который вне всякой досягаемости. Если она закроет глаза, – если она позволит себе уснуть, – они придут за ней. Они ждут, эти люди с иглами… она ждет, эта тьма… *поэтому не спать, не спать, не спать…*

Глаза открыты. В них словно насыпан песок, полуосвещенный мир расплывается.

Она все моргала и моргала, и облизывала сухим языком высохшие губы.

– Боже, – произнесла она, но это относилось к тяжести на ногах. Она вспомнила, что Бог омыл ей лицо. Стер ее соленый страх. Она попробовала сесть, но не смогла пошевелиться. Сил хватило только толкнуть ногой. И тяжесть села и залаяла.

Да. *Собака*. Конечно.

– Лея! – кричит сердитый женский голос. – Слезай! Ну-ка, сейчас же!

Нет, не надо… ей нравилась эта тяжесть. Пыталась сказать об этом.

Женщина ахнула.

– Никол! – позвала она и, приблизив лицо к подушке, спросила: – Кэсси, как ты себя чувствуешь?

Первый и единственный вопрос:

– Мы победили?

– Что, прости? Я не расслышала, чего ты хочешь?

Она повторила вопрос снова, распухшим от жажды языком:

– Мы победили? – И когда она произнесла вопрос, ей самой стало интересно, что означают эти слова.

– Воды? Ты хочешь пить?

Женщина протянула ей стакан. Кэсси снова попыталась сесть прямо. Перевернулась на бок, попробовала выпрямиться, но ее рука, ее запястье еще так слабы.

– Ну-ка! – Женщина отставила стакан в сторону. Просунула руки под руки Кэсси, обняла ее за плечи, чужая, но с такой любовью. Осторожно приподняла ее, но голова ударилась о стену, вызывая глубокую ритмичную боль внутри черепа. – Прости, пожалуйста. – Женщина поправила подушки, устраивая ее поудобнее. Поднесла воду к губам.

На вкус вода прозрачно-голубая, ее прохлада бежала по пересохшему рту, пересохшему горлу, словно птичье пение.

– Спасибо, – сказала она и увидела, что женщина нахмурилась, ничего не понимая.

– Ты проснулась! – В дверь просунулась голова какого-то мужчины. – Слава небесам! Подруга, ты проспала несколько дней. Практически не приходя в себя. Здорово же ты нас напугала! Как ты себя чувствуешь?

– Кто… – Она хотела спросить: «*Кто ты?*» Но, похоже, предполагалось, что она знала его. Она обвела взглядом комнату.

Мужчина стоял у двери, потому что в самой комнате свободного места нет. Письменный стол. Мониторы, системные блоки, кабели. Окно закрыто жалюзи. Все твердое, все черное, бежевое и серое.

Внутри ее сердце сжалось во что-то плотное, тяжелое и болезненное. Она почувствовала, как сама ее суть сворачивается вокруг этого нового сердца.

«Нет», – говорит она или пытается сказать. И снова закрывает глаза.

Когда она проснулась в следующий раз, по свету, что просачивался сквозь жалюзи, можно было догадаться, что на улице день; откуда-то поблизости доносились голоса. Не те голоса, что были раньше, женщины и мужчины, которые, похоже, ухаживали за ней. Эти незнакомые голоса отличались по тону. Словно на полную громкость включили телевизор или радио. Она прислушалась к своим ощущениям, оценивая их. Повернула. Боль все еще не прошла и слабо пульсировала в задней части черепа. Она с трудом приняла вертикальное положение и увидела, что одета в хлопчатобумажную ночную сорочку. «*Не моя,* – подумала она, – *не того размера, слишком большая*». Затем голос произнес: *«Игра Воображения, которой владеет компания IMAGEN»*. И в ее мозгу замкнулся контакт. Словно щелкнул выключатель, и дом ее головы залил свет. Лавина воспоминаний: образы, фрагменты, моменты, эпизоды вспыхивали, сталкивались, толкались и начинали складываться воедино. Выстраиваясь в повествование. Игра Воображения и IMAGEN… Освальд и Льюис… живое существо в ее голове… Алан, Алан, Алан…

Когда она попыталась встать, она накренилась набок. Оперлась о кровать и стол, чтобы удержать равновесие. Стараясь не расплескать головную боль, словно она несла блюдце с молоком. Кэсси прислонилась к дверному косяку, перевела дух, соображая, в какую сторону идти, а затем, будто по раскачивающейся в шторм палубе, потихоньку пошла в направлении голосов.

На диване в гостиной, рядом с собакой, Никол окружил себя ноутбуками и планшетами. С хмурым видом он переводил взгляд с одного экрана, на другой.

– Никол, – позвала она трескучим от сухости голосом. – Мы справились? Получилось?

При звуке ее слов Лея вскочила с дивана и с лаем бросилась под ноги Кэсси. Подпрыгнула, чтобы еще раз лизнуть ее лицо. Судя по его виду, испытав явное облегчение, Никол поймал Лею за ошейник. Из-за лая Леи и прочего шума, который производила собака, бешено колотя хвостом по полу, Кэсси усомнилась, что правильно расслышала его ответ, и попросила повторить.

– Ты справилась, да, – подтвердил Никол. – Или, по крайней мере, запустила сам процесс.

Позже, устроившись на диване, с Леей между ними, они следили за потоком новостей по телевизору, по радио, в интернете. Читали последние сводки новостей по IMAGEN: непредвиденные обстоятельства, безоговорочные извинения, компания делает все, что в ее силах, стараясь разобраться в случившемся. Слушали бизнес-корреспондентов, анализировавших последствия, доверие к бренду и главный вывод: Игра Воображения не работала четвертый день подряд. Понятно, что пользователи волновались. Все выглядело уже не как временный сбой, а скорее, как скрытые проблемы, но насколько они серьезны, пока говорить было рано.

– Им точно не пережить такого, – заметил Никол, но его слова больше напоминали мольбу, чем предсказание.

На экране генеральный директор читал официальное заявление, стоя на ступеньках штаб-квартиры IMAGEN. Суть речи сводилась к тому, что компания не признавала существование проблем и не брала вину на себя. У Кэсси возникло тошнотворное ощущение, что они наблюдали аккуратно исполненный, как в танце, первый из серии стратегических шагов, который приведет к его отставке (по семейным обстоятельствам). Год или два безвестности позволят миру забыть его провал, а затем он вернется в какой-то другой роли, но с таким же высоким статусом. И скорее всего, так будет со всеми ними. С Томом Освальдом. С безымянной женщиной за рулем. Даже с профессором Морган.

– Этого недостаточно, – сказала она.

Краем глаза она уловила, как Никол перевел взгляд с экрана на ее лицо.

– Недостаточно, – согласился он, кивая. Наклонился вперед, нажал какие-то клавиши на одном из ноутбуков и развернул его так, чтобы она видела светящееся на экране электронное письмо. – А вот этого, может быть, и хватит.

Он четыре дня сохранял это письмо – все время, пока она лежала без сознания. Выполнял задание, которое она поручила ему, – взламывал сервер IMAGEN. И прошлой ночью, почти на рассвете, ему наконец удалось взломать его. С тех пор он скачивал, искал, сортировал информацию. Собирал материал, который им понадобится, чтобы поджечь всю компанию. Информацию о проведении испытаний в «Рафаэль-Хаусе», с их некорректным согласием; о подключениях

между пользователями Игры Воображения; о планах IMAGEN манипулировать опытом пользователей.

– Я подготовил письмо. И приложил, заархивировав, все файлы, – пояснил Никол.

Наклонившись к экрану, Кэсси прочитала письмо. И не смогла сдержать улыбку, увидев адрес электронной почты: we.disapprove@gmail.com.

– У меня есть приятель, технический журналист. Все готово к отправке. Еще вчера вечером было готово.

– Так чего ж ты не отправил?

Он нахмурился, будто ответ был настолько очевиден, что не нуждался в объяснении. Взял «Ризлас» и принялся скатывать папиросу.

– Не мне принимать такое решение.

На одном экране генеральный директор опустил голову, отказываясь отвечать на вопросы, и удалился во временную безопасность своего кабинета. На другом экране наведенный на кнопку «Отправить» курсор приготовился привести команду в исполнение.

Не глядя на нее, Никол предложил:

– Окажешь честь?

Кэсси протянула руку к трекпаду. И позволила кончику пальца коснуться его.

– С удовольствием, – ответила она.

Глава сорок четвертая

Перед дверью в свою комнату Кэсси опустила ношу, вытянула руку и расправила плечи, прежде чем достать из сумки ключи. Она все еще испытывала слабость и неуверенность при ходьбе, что могло быть следствием долгого лежания в постели, а затем и на диване Никола. А может, их причиной стало что-то другое – воздействие на организм лекарства, о котором предупреждала ее Морган. *Но не думай об этом! Нет смысла так думать.*

Дверь зацепилась за груду почтового спама, и, когда она отодвинула ногой конверты в сторону, чтобы перешагнуть через порог, острый комок подступил к горлу. Здесь должно быть и одно хорошее письмо – о погашении ее долга.

После недели отсутствия комната показалась незнакомой. Заперев за собой дверь, она первым делом налила в стакан немного воды и отнесла ее шеффлере.

Если вы можете ухаживать за растением, и через год оно все еще процветает…

Сколько уже прошло с тех пор, как она начала ухаживать за этим растением? Оно выглядело пыльным, за последнюю неделю уронило несколько листьев, протестуя против внезапной засухи. Кэсси убрала их и еще раз полила цветок. В надежде, что фумигация не повредит ей.

Если вы можете ухаживать за растением, и через год оно все еще процветает…

Затем, повернувшись к пластмассовой переноске, она открыла защелки и сняла крышку, Пита немедленно сделала ставку на свободу – бросилась к «берлоге» Кэсси и исчезла за комодом.

Кэсси не собиралась похищать кошку. Она хотела только одного – вернуть свою футболку, ту самую, которую она надела в Игру Воображения, ту самую, с фестиваля, на который они с Аланом ходили много лет назад. На обратном пути от Никола она воспользовалась ключами, которые по-прежнему оставались у нее в сумке, чтобы попасть в квартиру Льюиса. Сначала позвонила и убедилась, что в квартире никого нет. Внутри привычный приветливый запах чистого белья сменился затхлостью. Одежда требовала стирки или была

забыта в стиральной машине. Грязный кошачий лоток. Свою футболку она нигде не нашла – ни в шкафах, ни в корзине для белья, где она оставила ее, ни среди вещей, разбросанных по полу спальни. Заглянув в ящик прикроватной тумбочки, где обычно оставляла чистое белье, она обнаружила, что он пуст. Сквозь обволакивающий ее красный туман она проверила ванную и увидела, что ее зубная щетка тоже исчезла.

Он напрочь вычистил все, связанное с ней, будто она никогда и не бывала в этой квартире.

Ей захотеть что-то сломать, разбить, но не потому, как он стер ее из своей жизни. А из-за потери футболки. Всего-то лоскут изношенного хлопка, но она хранила ее долгие годы, хранила как реликвию, и мысль, что Льюис выбросил эту футболку в черный пакет и выставил его мусорщикам, заставляла кровь стучать в висках. В коридоре она взялась за руль велосипеда его умершей подруги. *«Честный обмен»,* – подумала она. А потом появилась Пита, обвиваясь вокруг ног Кэсси и мяукая с несвойственной ей настойчивостью. Кэсси заглянула в кухню. Запах грязной посуды, на полу – пустые кошачьи миски для еды и воды. Если она и нуждалась в каком-то оправдании, этого было достаточно. Теперь, когда Льюис снова вернулся в Игру Воображения, он, очевидно, перестал заботиться и о кошке, и о себе.

Она забрала кошачьи миски и лоток и по дороге домой потратила большую часть десятки, которую одолжила у Никола, на сухой корм и наполнитель. Теперь она распаковала эти принадлежности и принялась размещать их. Для лотка места немного. На данный момент придется поставить его под раковиной, в кухонной зоне. Но как только Пита немного освоится, можно держать окно открытым, чтобы кошка ходила на улицу, по крайней мере летом. А к тому времени, когда погода изменится… ну не будет же она жить здесь вечно. Кстати, прекрасный стимул найти жилье побольше, чтобы Пита обитала в привычных условиях.

Она насыпала в лоток немного наполнителя и пошуршала им, чтобы кошка услышала, что «туалет» готов.

– Туалет готов! – крикнула она. Пита все еще пряталась. Затем Кэсси поставила еду и воду на другой конец кухонной стойки. –

Обед! – снова громко объявила она и пошуршала коробкой с сухим кормом, привлекая внимание кошки. Ответа не последовало.

Возможно, проблема заключалась в переноске, которая стояла на виду. Напоминание о травмирующем путешествии. Если спрятать ее, может, Пита и рискнет выйти. Хранить, правда, негде, поэтому Кэсси просто накрыла переноску полотенцем, стараясь как можно лучше замаскировать ее. Затем, присев на корточки, заглянула за комод, протянула руку и позвала *кис-кис*.

Пита смотрела на нее широко открытыми глазами и не шевелилась.

Кэсси встала и нетвердой походкой обошла комнату. Собрала липкие листки с дохлыми тараканами и выбросила их в мусорное ведро. Проверила еще раз свое растение. И в итоге снова оказалась на кровати. Взбив пару подушек, она уселась, обхватив колени руками и прислонившись спиной к стене.

Так вот какой он, этот вкус победы.

Снаружи шумно спорили двое мужчин, крича друг на друга, бросаясь угрозами и оскорблениями. Слышно, как распахнулось окно соседа, и его крики добавились к их крикам: *«Ну-ка, заткнулись там оба! Или я спущусь и заставлю вас!»* Она включила на планшете последние новости. Прибавила громкость, чтобы заглушить ссору.

Когда журналист, друг Никола, впервые рассказал эту историю, репортеры, казалось, засомневались. Они-то разматывали события с точки зрения конфиденциальности, делая акцент на то, что IMAGEN планировала делать с конфиденциальными данными. Борцы за гражданские свободы возмущались, остальная часть общества равнодушно молчала. Но как только просочилась информация о клинических испытаниях, настроения изменились. Снимки из клиники «Рафаэль-Хаус» сменялись аудиофайлами интервью с родственниками пациентов. Результаты испытаний комментировали говорящие головы нейробиологов и синтетических биологов. Сто тысяч пользователей Игры Воображения очнулись и поняли, что они принимали: синтетически сконструированные биомолекулы, реагировавшие на окружающую среду. Небезопасный продукт, проштампованный Департаментом инноваций. История вспыхнула и разгорелась ярким пламенем.

Теперь все внимание было приковано к волне протестующих, собравшихся у офиса IMAGEN. Кэсси смотрела на экран, переключаясь между каналами. В этой неоднородной массе выделялись разные фракции. Некоторые носили значки и рубашки, указывающие на их принадлежность к «Кампании За Реальную Жизнь». Другая группа людей стояла под транспарантом с логотипом «Свобода» и печатным лозунгом: «Руки прочь от моих персональных данных». Третья группа не носила ни значков, ни транспарантов. Женщины и мужчины, прилично одетые, но взъерошенные, молодые и старые, и всех возрастных групп между ними. Казалось, их связывало общее выражение лиц, общая манера поведения: раскрасневшиеся лица, решительный настрой. Они не скандировали, не листали газеты. Они напряженно, настойчиво разговаривали друг с другом и с репортерами.

– Я бы не пожелал такого своему злейшему врагу, – тихо говорил мужчина в офисном костюме.

– Считала, что дело во мне, но теперь… это была не моя вина… разрушившая мой брак… – громко произнесла пожилая женщина в микрофон репортера. – Пришлось продать дом, потому что мы не могли жить рядом друг с другом, слишком неудобно, чтобы терпеть… – Ее щеки покрыл румянец, на лице застыло выражение растерянного негодования.

Все это было так знакомо, и Кэсси поняла почему. Слушать этих людей – все равно, что сидеть на собрании их кружка, когда свинка шла по кругу. Истории у всех разные и тем не менее одинаковые. Но она продолжала смотреть, слушать, надеясь услышать что-то новое. Услышать про подключение, которое, к счастью или несчастью, произошло не с соседом сверху, или соседом по квартире, или партнером, кто спал рядом каждую ночь. Про подключение на расстоянии не нескольких метров, а миль.

С тех пор как Освальд объяснил природу подключений, эта тихая и упрямая мысль не покидала ее. Каждый раз, когда она всплывала в голове, просила обратить на себя внимание, Кэсси старалась отвернуться, но та не оставляла ее в покое.

Есть ряд факторов, необходимых для подключения. Развитые сети. Состояние сна. Сильный эмоциональный подъем. И близкое расстояние.

Близко, как Льюис спал рядом с ней.

Как Морган спала этажом выше.

Как в первый раз, когда она нашла Алана: на садовой скамейке возле его палаты, и их разделяла только стена. Считалось ли расстояние во всех этих случаях достаточно близким? Достаточным для того, чтобы подключение было настоящим?

Как на заднем сиденье машины, припаркованной в кустах возле клиники, и это был последний раз, когда она его нашла. Протягивая руки сквозь хаос, за мгновение до того, как подключения стали гаснуть, они двое совпали в страхе, ее ужас и его ужас. Словно на секунду их пальцы соприкоснулись.

И будто ничего между ними не было.

Будто ничего.

Все это время вопрос оставался неизменным. Что считать настоящим? Те бесчисленные разы, когда она надевала приемник, находясь у себя в городской квартире, в тридцати милях от клиники, и Алан ждал ее там, где они всегда встречали друг друга. Но ведь это слишком далеко? Между ними всегда было слишком большое расстояние.

Невыносимо признать, что факторы, о которых она знала теперь, являлись правдой. Как же тогда она воображала все это? Ладно там, водопад и шум дождя. Но не прозрачную же белизну его кожи, раскрашенную веснушками и футбольными синяками. Не чистейшую голубизну его глаз. Нет, как она могла чувствовать его так близко к себе, что даже воздух не смог бы проникнуть между ними? Его ритм. Подъем его груди на вдохе и падение на выдохе. Сильный, ровный стук сердца. Как вдыхала его тепло, запах уюта от его волос? Как его слова, обращенные к ней, могли быть текстом, который она сама заставляла его произнести?

Их разделяло тридцать миль. На таком расстоянии подключение невозможно. Значит, их общая реальность – всего лишь фантазия, в которую она позволила себе поверить.

Воображаемого или реального, в любом случае она потеряла его.

Спина заскользила по стене, и вот Кэсси уже лежала, уставившись на перекладины кровати. Почувствовав подступившие колючие и горячие слезы, она сдалась и разрешила себе плакать. А слезы били ключом из нее, выталкивали воздух из легких, пока она не начала

задыхаться, и тогда ей пришлось сделать выбор – повернуться на бок или задохнуться. Слезы все текли, и раковина ее уха наполнилась соленой водой, волосы и подушка промокли… затем она задрожала и разлетелась на беспорядочные осколки, даже не слыша свой стон: «Нечестно, нечестно, нечестно…» Она плакала, пока не выплакала все слезы, до последней капли, с минуту оставалась спокойной, а потом заново ощутила свою утрату. И та снова выбила ее спокойствие и утопила в соленых слезах и соплях. Впившись зубами в мокрую подушку, Кэсси позволила волнам рыданий сотрясать ее. И в следующий раз, когда, обессилив от выплаканных слез, опустошенная, она открыла опухшие глаза, то обнаружила, что смотрит прямо в чье-то незнакомое лицо.

Горячая струйка потекла по щеке. Она смахнула ее прочь. Провела руками по лицу. Села и вытянула ноги, освобождая место для кошки.

Пита попробовала поставить лапу на бедро Кэсси, потом вторую. Молча понюхала протянутую руку и осторожно ткнулась носом в высыхающую соль. Затем, на полпути к коленям, она осторожно присела.

Если вы можете ухаживать за растением, и через год оно все еще процветает, значит, вам пора ухаживать за животным.

Кэсси погладила кошку, и та не стала возражать. И это было уже кое-что. На данный момент совсем немалое кое-что.

Глава сорок пятая

Добраться до «Хорошего парка» без происшествий было маленьким триумфом. Стараясь сохранять равновесие, Кэсси избегала приближаться к самой воде, чтобы вдруг не принять нежелательную ванну. Вместо этого она ковыляла обходными путями и по велосипедным дорожкам.

В последнее время такая прогулка стала для нее обычным делом. Она проведет здесь все утро, а днем снова навестит Алана. Теперь, когда его перевели в NHS, стало легче. Здесь не было ни желто-солнечных стен, ни палат, ни комнат отдыха, оформленных в стиле кафе, но, несмотря на унылый декор, резкий свет потолочных ламп и полы, покрытые потрескавшимся линолеумом, казалось, что он выглядел немного счастливее. И чуть-чуть больше реагировал на окружающий мир. Во всяком случае, именно в это она предпочитала верить.

Кэсси не сводила глаз с детей, наводнявших игровые площадки парка, стараясь не отвлекаться на стаю собак, которые носились, ловили друг друга и, играючи, дрались друг с другом. Было бы неплохо завести компаньона, пока она ждала, условную Лею, которая сидела бы рядом с ней. В тот раз, проснувшись на следующее утро, она обнаружила, что кошка свернулась на подушке у ее головы. Пита постепенно дошла до того, что теперь полностью сидела на коленях у Кэсси и, прежде чем угнездиться, долго-долго запускала коготки в ноги. Но эта боль была удивительно приятной.

Если по прошествии двух лет растение и животное все еще здоровы… тогда вы готовы выстраивать отношения с людьми.

Это говорил ей Джейк, и она запомнила его слова. Еще один год – это, конечно, долгий срок.

На планшете она открыла сообщение, которое получила утром, когда насыпала Пите на завтрак сухой корм. И позволила себе чуть заметно натянуто улыбнуться, прочитав его в пятидесятый раз: *«От „Надежных Финансовых Решений“. Ваш долг погашен. Чтобы занять деньги быстро, звоните прямо сейчас. Кредиты обрабатываются круглосуточно».*

Она исправила свою самую большую ошибку: Финну и Элле теперь ничего не угрожало. Если ей не удастся исправить другие ошибки, этой будет достаточно. И все же она приходила сюда в надежде на большее. Можно сказать, что она пыталась ускорить процесс примирения или что она реалистка. Скорее всего, потребуется год, двенадцать месяцев спокойной настойчивости, чтобы сестра поняла, что теперь все по-другому.

И ведь так и есть. Весь мир теперь другой, потому что мир – это все то, что есть. Весь мир – это то, что перед ней, над ней и под ней. Трава и земля под кроссовками, ветер, бросающий волосы на глаза. Никаких водопадов. Никаких счастливых концов. Никакого Алана, каким он был раньше. Только в том виде, в каком он есть сейчас, в своей больничной палате.

Игривый терьер промчался по траве, вскочил на задние лапы и коснулся передними грязными лапами ее джинсов.

– Ах ты! – Она потрепала его за уши и рассмеялась, когда, перед тем как снова убежать, он быстро лизнул ее руку длинным влажным языком.

Жаль Пита – не собака, тогда ее ожидание было бы не таким одиноким. Но каким-то странным образом она чувствовала, что у нее все равно была компания. Потому что она все еще находилась в состоянии подключения. Не через Игру Воображения, но как-то по-другому. Просто, когда ветер касался ее кожи. Когда она протягивала ладони к потрескавшемуся дереву скамейки. И хотя она не хотела признаваться себе в этом, возможно, именно Льюис показал ей, что она может подключаться к другому человеку, к кому-то, кто не был Аланом. Просто ей нужно научиться делать это без помощи Игры. И нужно научиться делать это в одиночку.

Она сидела посреди радостного шума, исходящего от детских площадок, где дети карабкались, раскачивались и бегали, вплетаясь в яркий беспорядочный узор розовых, красных и синих цветов. Если она будет продолжать наблюдать за этим узором, то в конце концов увидит их – Эллу и Финна. И на этот раз обязательно подойдет к ним в очереди за мороженым.

Племянница не бросится к ней в объятия. Племянник не станет с широко распахнутыми глазами расспрашивать ее о битве. На лице сестры не появится улыбка. Мэг по-прежнему будет сердиться; дети

будут озадачены, смущены, а может, даже напуганы. И все-таки со временем, возможно, они позволят ей купить им всем мороженое. И шоколад у нее во рту, гладкий и сладкий, растает.

Выражение благодарности

Я благодарна за финансирование, предоставленное компанией Creative Scotland, а также за время и пространство, предоставленные Международным ретритом для писателей Hawthornden. Докторантура Университета Нортумбрии также помогла мне более глубоко изучить некоторые из идей, изложенных в этой книге.

Строки из «Записки к трудному» воспроизводятся с любезного разрешения Розалинды Мудалиар, поместье У. С. Грэма; благодарю также Тони Великову и Библиотеку шотландской поэзии за их помощь в этом.

Особая благодарность Викси Адамс и Хелен Седжвик за неоценимые советы и поддержку, Франческе Дэвис, Джульетте Махони и всем сотрудникам Lutyens & Rubinstein, а также команде Allison & Busby, без которых этой книги не было бы, и Эйдану за то, что он взаимодействовал со мной в моей Игре Воображения.

---

notes

Примечания

1

Мятные батончики Kendal – кондитерское изделие на основе глюкозы, с мятным вкусом, популярное в Великобритании; энергетический батончик.

2

Подъем Хаара (часто вейвлет, всплеск) – математическая функция, позволяющая анализировать различные частотные компоненты данных. Предложена венгерским математиком Альфредом Хааром в 1909 г.

З

Планёр, или глайдер (от *англ*. glider) – одна из фигур игры «Жизнь». В октябре 2003 г. предложена Эриком Рэймондом в качестве эмблемы хакеров – символа отношения к хакерской культуре.

4

В английском праве договор о продаже товаров или услуг во всех случаях, не относящихся к продаже товаров в рассрочку и в кредит, может быть заключен на основе слова.

5

Нуар (от *фр*. noir – «чёрный») – субжанр американской массовой литературы 20-х–60-х гг. XX века, разновидность детектива. Героем детектива нуар обычно является не лицо, распутывающее историю со стороны (детектив, журналист и т. п.), но жертва, подозреваемый или преступник, т. е. лицо, непосредственно вовлеченное в преступление. К существенным признакам жанра нуар относятся жесткий реализм изложения, цинизм, склонность персонажей к саморазрушению, обилие сленга, обязательная сексуальная линия в сюжете.

6

Филип Марлоу (*англ*. Philip Marlowe) – вымышленный частный детектив из Лос-Анджелеса, главный герой многих детективов нуар Раймонда Чандлера (1888–1959).

7

Высокая чистая стоимость – частные или семейные активы, превышающие 1 млн долларов (спец. термин).

8

CRM-системы (*англ*. Customer Relationship Management Systems) – это системы управления взаимоотношениями с клиентами; специальное программное обеспечение, позволяющее создавать карточки клиентов и отслеживать историю взаимодействия с ними.

9

Thin Lizzy – ирландская рок-группа, созданная в Дублине в 1969 г. Лирическая основа песен – бытовые зарисовки, любовь, баллады.

10

Sonic Youth – американская группа экспериментального рока из Нью-Йорка (1981–2011).

11

Pita – Pain In The Arse (*англ.*).

12

«Удивительный Волшебник из Страны Оз» – детская книга американского писателя Лаймена Фрэнка Баума, вышедшая в свет в 1900 г. По сюжету, главные герои направляются в Изумрудный город и в конце концов попадают туда. Город выглядит изумрудным только потому, что все жители носят зеленые очки. Снимать эти очки запрещено. А если бы кто-то снял их, то увидел бы обычный город, с постройками не из изумруда.

13

Второзаконие, 33:26–27. Синодальный перевод.

14

Камышницы – род водоплавающих птиц.

15

«Бешеные псы» – дебютный фильм Квентина Тарантино (1992 г.).

16

В Ветхом Завете (1 Книга Царств, гл. 17) говорится об огромном филистимлянском воине, потомке великанов Голиафе, с которым вступил в противоборство юный герой Давид. Он был несравненно слабее противника и потерпел бы поражение, если бы боролся с Голиафом на равных. Давид победил Голиафа, убив его камнем, брошенным из пращи.

17

Second Life – трёхмерный виртуальный мир с элементами социальной сети. Это не столько игра в обычном понимании, сколько виртуальное пространство с определенными свойствами. Владельцы аккаунтов получают возможность выбрать наиболее приемлемый для них способ виртуального существования – участие в сообществах по интересам, создание виртуальных товаров, общение в чате или голосом, путешествия по достопримечательностям виртуального мира и т. п.

18

Хризалис (*англ*. Chrysalis) означает «куколка» как стадия развития насекомых с полным превращением.

19

CBE – аббревиатура, которая ставится после имени члена ордена Британской империи в звании командор.

20

В греческой мифологии атлант Атлас – могучий титан, держащий на плечах небесный свод. К этому наказанию был приговорен за участие в повторном восстании титанов против олимпийских богов.

21

FDA (Food and Drug Administration) – Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (США).

22

Скриптинг – тип атаки на веб-системы.

23

Золотое рукопожатие (*англ*. golden handshake) – одно из положений в трудовом соглашении руководящего работника, в соответствии с которым при увольнении ему выплачивается большая премия.

24

ГСР – Группа старших руководителей.

25

Отсылка к Гамельнскому крысолову, персонажу средневековой немецкой легенды, согласно которой музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовской мелодии увел за собой из города детей, затем безвозвратно пропавших.